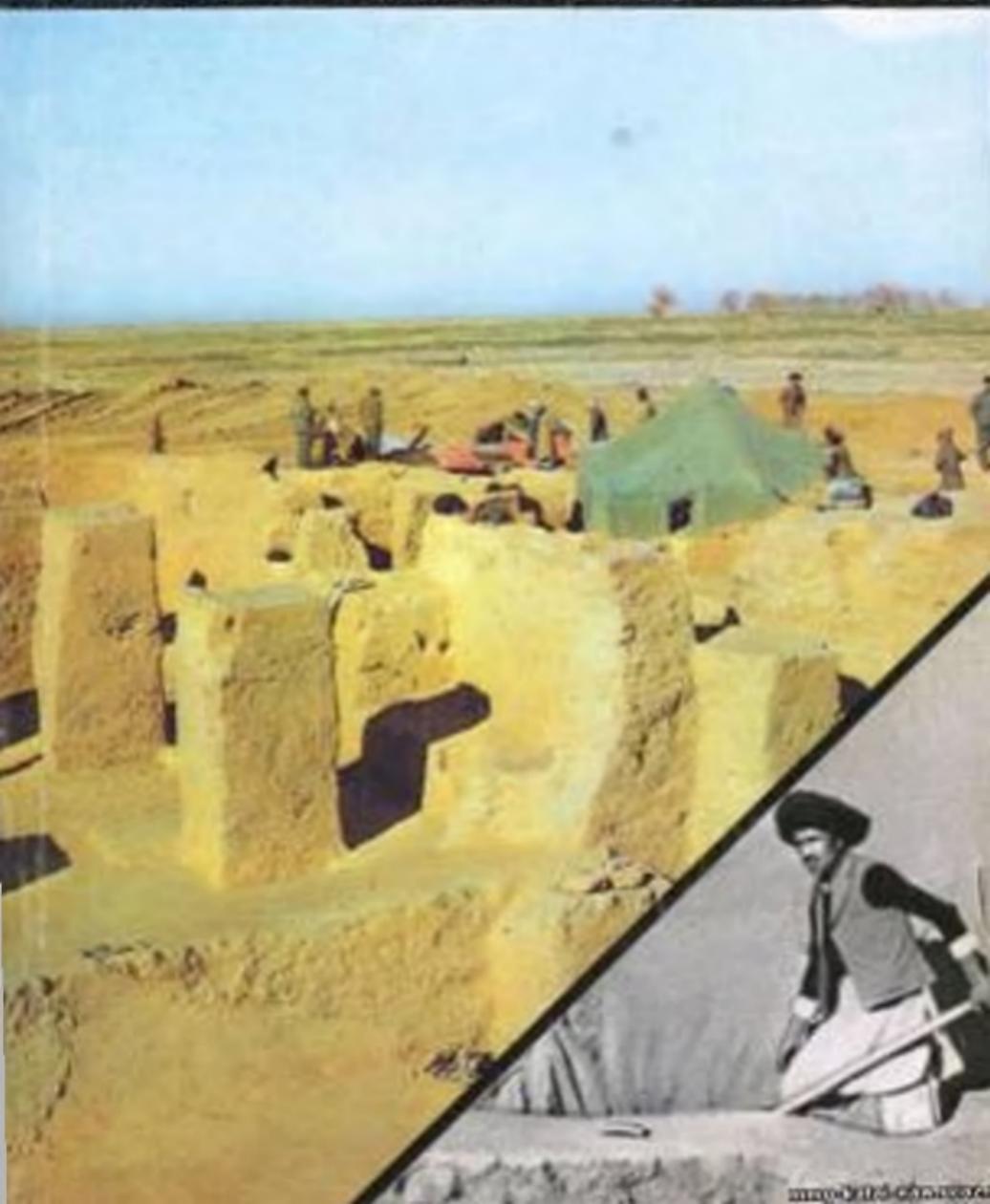
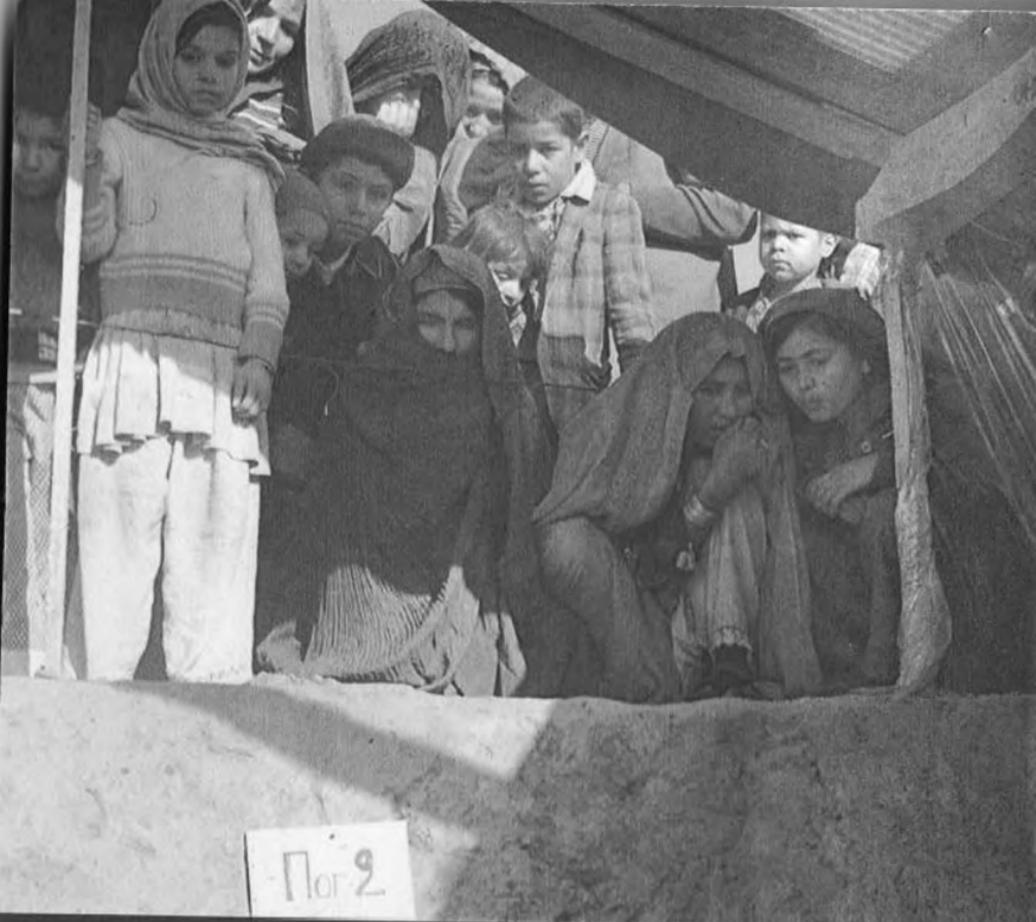

В. И. Сарианиди

БАКТРИЯ

СКВОЗЬ
МГЛУ
ВЕКОВ

В. И. Сариниди

БАКТРИЯ
СКВОЗЬ
*** МГЛУ ***
ВЕКОВ

Москва
«Мысль»
1984

ББК 63.4(3)
С20

**Редакции
географической литературы**

Рецензенты:

**доктор экономических наук А. Д. Давыдов,
М. М. Пашков**

Авторы предисловия:

**доктор экономических наук А. Д. Давыдов,
член-корреспондент АН СССР Б. А. Литвинский**

В книге использованы фотографии

**Л. Богданова
В. Бурого
В. Сариниди
В. Терещина
Т. Ходжаниязова**

**Реконструкция бактрийской одежды выполнена
археологом Я. М. Паромовым**

С $\frac{1905020000-070}{004(01)-84}$ 176-84

© Издательство «Мысль», 1984

Предисловие

Афганистан — наш южный сосед, страна, с которой мы давно поддерживаем самые дружественные отношения, — всегда вызывал естественный интерес у советского читателя. Не в последнюю очередь этот интерес определяется тесными взаимными связями, общностью исторических судеб и культурных традиций народов Афганистана и советской Средней Азии. В предлагаемой вниманию читателя книге рассказывается о совместной работе советских и афганских археологов в Северном Афганистане. Многолетнее знакомство автора со страной, ее историей, самобытными традициями и обычаями народа, глубокое изучение богатейших археологических находок, удачный синтез исторических фактов и творческой фантазии позволили ему дать яркую картину жизни древней Бактрии, показать пути взаимопроникновения культур и традиций народов различных районов Азии.

Книга помогает понять, какой древней и богатой культурой обладает Афганистан, какие удивительные гайны хранят многочисленные, разбросанные в его степях и пустынях седые курганы, оплывшие развалины городов, крепостей, храмов, усыпальниц и могильников. Она дает наглядное представление о том, какие ценные исторические реликвии и имеющие поистине мировое историко-художественное значение сокровища культуры обнаруживаются в его земле.

Автор книги стремится показать глубокую связь времен. Эта связь — в переплетении сегодняшних авторских впечатлений об Афганистане с описаниями воскрешенных в памяти уже известных или же заново раскрытых еще доселе неизвестных событий далекого прошлого страны.

Начиная с эпохи бронзы и раннего железа и вплоть до позднего средневековья на территории нынешнего Афганистана сменилось множество государственных образований — сначала раннерабовладельческих, позднее феодальных. Она полностью или частично входила в состав сменявших друг друга довольно крупных держав, создававшихся пришлыми завоевателями, которые оказывали большее или меньшее влияние на формирование культуры страны и этногенез населяющих ее народов.

В VI—IV веках до н. э. территория страны входила в ахеменидский Иран, где господствующей религией был зороастризм. Затем в IV веке до н. э. она была завоевана войсками Александра Македонского и стала частью его державы. В IV—II веках она оставалась в составе государства его преемников—Селевкидов. В III веке до н. э. на севере Афганистана возникло Греко-Бактрийское царство, давшее удивительный сплав греческой и восточноиранско-буддийской культуры. Его своеобразным преемником в этом стало государство Великих Кушан, возникшее и просуществовавшее примерно на той же территории в I—IV веках н. э. В V—VI веках страна была завоевана ираноязычными кочевниками-эфталитами, этноним которых, видимо, сохранился в названии одной из крупнейших племенных групп афганцев-пуштунов—«абдали». В VII веке страну подчинили арабы, присоединившие Афганистан к владениям халифата и постепенно распространившие на всей территории страны мусульманскую религию. В X—XII веках образовались крупные феодальные государства Газневидов и Гуридов, центры которых располагались соответственно в городе Газни, на юго-востоке, и в горной области Гур, на северо-западе Афганистана. Значительное влияние на судьбы страны оказало завоевание и установление в XIII—XIV веках господства тюрко-монголов Чингисхана и его потомков Чингисидов, которых сменили в XIV—XV веках Тимур и Тимуриды. В XVI—XVII веках территория страны стала ареной длительного соперничества между могущественными соседями—Индией и Ираном, а в XVIII веке была присоединена к государству иранского шаха Надира Афшара. На развалинах его огромной империи в 1747 году возникло первое самостоятельное афганское государство. Его основатель, вождь афганского племенного союза «абдали» Ахмад-шах переименовал этот союз в «дурани» (от слова «дур»— жемчуг). Отсюда и само его государство известно под именем Дуранийской державы.

Середина XIX—начало XX века—один из самых трудных и в то же время славных периодов в истории народов Афганистана, период отстаивания ими своей независимости в упорной борьбе с британскими колонизаторами. Три раза—в 1838—1842, 1878—1881 и 1919 годах—британские колонизаторы пытались осуществить прямую военную оккупацию Афганистана и присоединить его к своим колониальным владениям в Индии, чтобы затем использовать его территорию как плацдарм для своей экспансии в Среднюю Азию. И все три раза благодаря самоотверженной освободительной

борьбе народов Афганистана англичане терпели военные неудачи.

Правда, в результате второй англо-афганской войны 1878—1881 годов им удалось все же навязать Афганистану зависимость от Великобритании, фактически вассальное положение, лишившее его права вести внешние сношения иначе как через британские власти в Индии. Однако в результате третьей войны в 1919 году Афганистан вновь восстановил свою государственно-политическую независимость.

Решающую роль при этом сыграли победа Великой Октябрьской социалистической революции, возникновение в непосредственном соседстве с Афганистаном молодого Советского государства, а также подъем под влиянием революционных событий в России национально-освободительного движения в странах Среднего Востока, в том числе в тылу англичан—в их главной колонии Индии.

Советская Россия, следуя ленинским принципам внешней политики, первой признала независимость Афганистана. В послании от 27 мая 1919 года, написанном лично В. И. Лениным и М. И. Калининым, содержалось приветствие «независимому афганскому народу, героически отстаивающему свою свободу от иностранных поработителей»*.

С тех пор в течение вот уже 65 лет между нашими двумя странами неизменно поддерживаются отношения добрососедства, дружбы и сотрудничества.

Что же представляет собой эта страна в экономико-географическом плане? По площади Афганистан больше любого западноевропейского государства, но население его сравнительно немногочисленно (15,5 миллиона человек, по оценке на основе последней выборочной переписи 1979 года). Он не имеет выхода к морю, ближайшие морские порты—Карачи в Пакистане и Бендер-Аббас в Иране—находятся примерно в пятистах километрах. Территория Афганистана труднодоступна для наземного транспорта, так как $\frac{4}{5}$ его площади занимают горы. В стране пока нет железных дорог.

Экономика Афганистана носит ярко выраженный аграрный характер. До 90% населения живет в сельской местности и в основном занято в сельском хозяйстве. Главная отрасль сельского хозяйства—земледелие, в значительной части поливное, но его масштабы ограничены размерами пахотопригодного фонда (всего около 12% территории) и имеющихся водных ресурсов. Земле-

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 385.

деле имеет преимущественно зерновое направление: под зерновыми занято около 88% посевных площадей, в том числе 60% — под пшеницей. И только немногим более 4% отводится под технические культуры, из них около 3% — под хлопчатник. Около 4% площадей занимают сады и виноградники.

Развитие второй по значению отрасли — скотоводства — сдерживается размерами сезонных естественных пастбищ, на которых оно главным образом базируется (только в небольшой степени применяется заготовка кормов, в основном опять-таки грубых и очень редко концентрированных). Основное направление скотоводства — овцеводческое, хотя определенное значение имеет и разведение крупного рогатого скота — быков в качестве тягла для деревянных земледельческих орудий и коров для получения молока. Овцы составляют около $\frac{1}{5}$ всего поголовья. Из них только 24% каракульские, остальные — мясо-шерстные.

Фабрично-заводская промышленность, главным образом легкая и пищевая, дает пока лишь 12% всего валового продукта страны, далеко не полностью удовлетворяя спрос населения даже на потребительские промышленные товары. Небольшим подспорьем для населения все еще продолжает служить кустарно-ремесленное производство. Но основную часть потребностей, особенно в машинах, оборудовании и материалах для индустриального развития, Афганистан вынужден удовлетворять путем импорта из-за границы, покрывая импортные расходы за счет экспорта в основном сельскохозяйственной продукции: сухофруктов, хлопка, каракуля, шерсти, а также природного газа, ковров и др.

Советский Союз, осуществляя постоянное взаимовыгодное сотрудничество с Афганистаном, внес наибольший по сравнению со всеми другими странами вклад в преодоление отсталости его экономики. СССР предоставил Афганистану свыше половины всей необходимой ему экономической помощи, причем на самых льготных для Афганистана условиях (не идущих ни в какое сравнение с условиями «помощи», предоставлявшейся странами Запада) и с оплатой ее афганской стороной не валютой, а традиционными товарами национального экспорта.

При этом финансовые средства, предоставляемые Советским Союзом, всегда направлялись на развитие ключевых отраслей экономики Афганистана, в наибольшей мере способствующих достижению им экономической независимости.

При экономическом и техническом содействии Со-

ветского Союза проводилась на больших площадях разведка полезных ископаемых — найдены месторождения нефти, природного газа, железных, медных и других руд, а также различного минерального сырья. С экономической и технической помощью СССР уже построены газопромыслы в районе Шибиргана, от которых тянутся ветки газопроводов на север — до границы с СССР и на восток — до города Мазари-Шарифа, где возведен завод азотных удобрений (первенец химической промышленности страны), а также самая большая в стране ТЭС. В Кабуле при содействии СССР построено первое крупное металлообрабатывающее предприятие — авторемонтно-механический завод, домостроительный комбинат, а также первый в стране и самый большой на Среднем Востоке хлебозавод. На реках Кабул и Пули-Хумри возведены четыре ГЭС, одна из которых — самая мощная в стране. А всего из общей мощности электростанций страны ныне около половины составляют станции, созданные при экономическом и техническом содействии Советского Союза.

Вклад СССР в развитие сельского хозяйства Афганистана также значителен: здесь следует упомянуть и о строительстве ряда ирригационных сооружений, и о помощи в создании на юго-востоке страны, на землях Джелалабадского ирригационного комплекса, государственных хозяйств по выращиванию цитрусовых и маслин, и об освоении на севере посевов средневолокнистого хлопчатника, строительстве для его переработки ряда хлопкоочистительных предприятий, и об организации метеорологической службы, и о проведении мероприятий по борьбе с саранчой, вредителями и болезнями хлопчатника, и об основании зооветеринарной службы, и о многом другом.

Большой вклад внес Советский Союз и в развитие транспорта Афганистана. При техническом содействии СССР проложено около половины всех автодорог с асфальтобетонным покрытием, в том числе и знаменитая автомагистраль «Саланг», пересекающая по трехкилометровому туннелю на высоте свыше трех тысяч метров могучий хребет Гиндукуш и надежно связавшая север и юг Афганистана. Из СССР поставлено значительное количество грузовых машин для госсектора; в Кабуле построен международный аэропорт и т. д.

Советский Союз оказал значительное содействие Афганистану в подготовке национальных кадров. Построены Кабульский политехнический институт, два техникума, организована сеть различных курсов и школ производственного обучения, тысячи афганских юношей и девушек учатся в вузах, техникумах и профтех-

училищах СССР. В Афганистане самоотверженно трудятся несколько тысяч советских специалистов, оказывая дружескую помощь афганскому народу в различных областях техники, науки и культуры.

В апреле 1978 года народ Афганистана под руководством Народно-демократической партии совершил национально-демократическую революцию, впервые получив возможность выйти из многовековой тьмы и невежества и ступить на путь строительства новой жизни. За годы, прошедшие после Апрельской революции, правительством Демократической Республики Афганистан проведена огромная работа по претворению в жизнь программы глубоких революционных социально-экономических и политических преобразований. Начата земельно-водная реформа: справедливое перераспределение излишков помещичьих земель и оросительной воды среди безземельного и малоземельного крестьянства. Крестьяне-должники, составлявшие до 80% всех крестьянских семей, освобождены от долгов ростовщикам и помещикам. Создается широкая сеть снабженческо-сбытовых и кредитных кооперативов, получающих материально-финансовую помощь от государства. Рабочим впервые в истории страны гарантирован восьмичасовой рабочий день, отпуска, выходные дни и другие нормальные условия труда, а также возможность объединяться в профсоюзы, заключать коллективные договоры с администрацией и т. п. Женщины получили равные с мужчинами возможности трудиться в любой сфере производства, управления, науки и культуры.

До революции 85% населения страны было неграмотным, теперь повсюду организуются курсы ликвидации неграмотности среди взрослых; 60% детей школьного возраста учатся в школах. Провозглашено равенство всех национальностей страны, и для национальных меньшинств, таких, как узбеки на севере (9% населения), туркмены на северо-западе (3%), белуджи на юге (менее 1%) и др., открываются школы, издаются газеты и организуются радиопередачи на их родных языках.

И все это проводится в жизнь, несмотря на ожесточенное сопротивление контрреволюционных сил и объявленную войну против Демократической Республики Афганистан, развязанную империализмом и международной реакцией.

Однако афганский народ, отстаивающий завоевания Апрельской революции, не одинок в своей борьбе. Братскую интернациональную помощь ему оказывает по просьбе правительства Демократической Республики Афганистан Советский Союз, другие социалистические

страны, прогрессивные силы всего мира.

С победой Апрельской революции в Афганистане открываются новые, более широкие перспективы советско-афганского сотрудничества по всем линиям, в том числе и в различных областях науки.

* * *

Одним из ярких проявлений дружбы советского и афганского народов явилась помощь советских ученых в изучении истории и истории культуры Афганистана, совместные археологические исследования. Интерес к прошлому и культуре соседнего афганского народа в русской науке традиционен. Выдающийся русский ученый, академик Российской Академии наук Б. А. Дорн уже в 40-х годах XIX века, почти полтора столетия назад, опубликовал серию блестящих работ по истории этнографии и литературе афганцев. основополагающими были его работы по афганскому языку, он выступил как пионер в области научного изучения и преподавания афганского языка. В 1855—1857 годах, впервые в истории мировой науки, он начал преподавание в Петербургском университете афганского языка.

Десятилетием позже, в 1867 году, другой крупный русский востоковед, профессор В. В. Григорьев, издал капитальный труд «Кабулистан и Кафиристан» — почти 850 страниц текста! В этом труде дана подробнейшая характеристика физической и исторической географии Афганистана, разбор сведений всех путешественников, побывавших в этой стране, исследованы проблемы истории, археологии и этнографии Афганистана.

На конец XIX и первые два десятилетия XX века приходится деятельность замечательного русского и советского востоковеда — академика В. В. Бартольда, в трудах которого была впервые разработана научная история Средней Азии и соседних стран Востока. История Афганистана, особенно средневекового, находилась в центре внимания В. В. Бартольда, и ей посвящены многие страницы его исследований.

Продолжая труды своих предшественников, советские историки, востоковеды, лингвисты, литературоведы, этнографы внесли огромный вклад в изучение истории и истории культуры Афганистана. Советские археологи получили возможность изучать археологические памятники Афганистана с конца 60-х годов. К этому времени они уже подробно исследовали Среднюю Азию, в историческом, историко-культурном и этническом отношении теснейшим образом связанную с Афганистаном. Для будущей работы на территории Афганистана это оказалось важным по нескольким

причинам. Исторические закономерности развития древнейших, древних и средневековых общин на территории Афганистана и Средней Азии во многом близки, порой даже идентичны; природно-экологическая ситуация, особенно в Северном Афганистане, имеет тот же характер, что и во многих областях Средней Азии. Именно поэтому облик и самих археологических памятников в обеих странах однотипен. Опыт, накопленный во время среднеазиатских экспедиций, навыки, которыми уже владели советские археологи, во многом облегчили исследования в Афганистане, сделали их максимально плодотворными.

Советско-афганская археологическая экспедиция начала свои работы в 1969 году. Полем ее деятельности были избраны области Северного Афганистана. К этому времени на территории Северного Афганистана уже много лет систематически работала французская археологическая миссия, организованная в 1922 году, приезжали американские, английские, итальянские, японские исследователи. Особенно впечатляющие результаты были достигнуты французскими учеными, осуществившими раскопки в столице древней Бактрии — городе Бактры (современный Балх) и в одном из культовых центров — Сурхкотале. Неожиданными и исключительно важными были находки в Айхануме — греческом городе, на берегу Амударьи, который в древности назывался Александрия-на-Оксе. В этом городе были найдены памятники греческой письменности и замечательные шедевры эллинистического искусства. Были сделаны и другие открытия.

Однако все эти работы западных и японских экспедиций давали представление лишь об отдельных центрах культуры, причем хронологические рамки были довольно ограниченными. Оставались неизученными археологические памятники основной части территории Северного Афганистана. Археологи могли предложить историкам материалы для характеристики лишь отдельных периодов и отдельных сторон жизни: эти материалы не «состыковывались» друг с другом и не образовывали единого ряда. Для целых эпох и периодов не имелось практически никаких данных.

Когда-то в центральной и восточной частях Северного Афганистана располагалась древняя Бактрия — страна, хорошо известная на древнем Востоке, от границ Китая до Средиземноморья. О ее богатствах, многочисленности ее жителей, могуществе ее царей и неприступности крепостей далеко на Западе складывались легенды. Историческая действительность обрастала неправдоподобными подробностями. Однако за всем

этим маячила крупная и могущественная Древнебактрийская держава, население которой говорило на восточноиранском языке и обладало высокой культурой. Позже, говоря о возникшем здесь Греко-Бактрийском царстве, античный автор назвал его царя правителем тысячи городов. Процветающей страной со многими городами рисуют Бактрию и другие письменные источники.

Советско-афганской археологической экспедиции предстояло выяснить, что в этих сообщениях древних писателей — правда и что — вымысел. Кроме того, вставал ряд других вопросов первостепенной важности. Среди них — проблема формирования древнебактрийской цивилизации. Каким образом возникла, через какие стадии формирования прошла древнебактрийская цивилизация еще до того, как сообщения о Бактрии попали в надписи древнеиранских царей из династии Ахеменидов и в сочинения античных авторов? Исследуя эту проблему, советские археологи сделали много первоклассных открытий. Установлено, что население в приамударьинской долине проживало уже в эпоху мезолита. Оно стало многочисленнее в последующую эпоху неолита.

Впервые обнаружена также серия памятников эпохи бронзы. Они сконцентрированы в четырех древнеземледельческих оазисах. Здесь выявлены укрепленные и неукрепленные поселения. На одном из них — Дашлы-3 — при раскопках обнаружены монументальные постройки, в том числе круглый храм и дворец. Имеются и многочисленные могильники. Богатая и разнообразная культура, открытая при раскопках этих памятников, имеет близкое сходство и иногда даже идентичность с синхронной культурой Южного Узбекистана и Южной Туркмении. Вместе с тем эта культура не имеет местных истоков на бактрийской почве. По-видимому, носители этой культуры переселились из Южной Туркмении или из иранского Хорасана. Это был один из миграционных потоков, которыми были так богаты середина и вторая половина второго тысячелетия до н. э., когда в Иране, Средней Азии, Афганистане и Северном Индостане распространились индо-иранские племена, иначе арийцы. Анализ памятников эпохи бронзы из Северного Афганистана дает очень много для понимания этнической и культурной истории того периода. И еще одно. Теперь установлено, что основы древнебактрийской цивилизации возникли уже в середине второго тысячелетия до н. э., причем эти цивилизации складывались как городские. Известны также памятники раннежелезного века. Произведены раскоп-

ки на поселениях VI—IV веков до н. э. (ахеменидский период) с прекрасными архитектурными сооружениями. Советско-афганская экспедиция проводила также многолетнее исследование древних поселений эпохи существования Греко-Бактрийского и Кушанского государств (III век до н. э.—III—IV века н. э.), а также более позднего времени. Большими успехами ознаменовались раскопки на городищах Емши-тепе и др. Изучены фортификация и фортификационные системы, жилая застройка, храмы и т. д. Стены некоторых зданий оказались покрытыми превосходными росписями, обнаружены также скульптуры—все это обогатило историю искусств Афганистана, вошло в сокровищницу древнего искусства народов Востока. Кроме того, это позволило внести серьезный вклад в изучение развития религиозных представлений людей того времени, а если говорить шире—их идеологии. Экспедиция изучала и памятники средневековья, в том числе шедевры архитектуры. Основные работы осуществлялись на территории древней Бактрии, но, кроме того, исследовалась и западная часть Северного Афганистана, а именно Гератский оазис, где в древности располагалась Арся—область, родственная Бактрии.

Особое место среди находок экспедиции занимает сенсационное открытие княжеских захоронений на Тилля-тепе. О нем подробно рассказано в самой книге. Необходимо добавить следующее. Погребения относятся к раннекушанской эпохе. Кушанская же проблема—одна из сложнейших в современной исторической науке. Целое море гипотез, догадок, предположений высказано о происхождении кушан, их этнолингвистических особенностях, их соотношении с бактрийцами. Сложность состоит в том, что племена, завоевавшие Греко-Бактрийское царство, называются по-разному в разных источниках: китайские источники именуют их юэчжами, греко-римские—тохарами, асиами, сакаруками. Разное ли это обозначение одних и тех же племен или же две волны завоевателей—мы не знаем. Существуют также различные объяснения, откуда (с северо-востока или северо-запада) пришли эти племена и каково их происхождение. Еще меньше точных данных для решения вопроса о языке, на котором говорили пришельцы, и о его соотношении с бактрийским. И наконец, не имеет твердых опорных точек четырехсотлетняя хронология кушанской истории: ее внутренние вехи абсолютно неясны. Перечень спорных и дискуссионных вопросов кушанской истории мог бы занять целую брошюру. Именно поэтому столь важным является открытие на Тилля-тепе

Погребения кушанского времени были известны и раньше. Сотни этих погребений раскопаны в Южном Узбекистане. Но все это — погребения рядовых общинников, где в могилы клались вещи повседневного обихода — керамика, оружие и т. д. — и обычные женские украшения. Тилля-тепе дал огромное собрание (целый музей!) замечательных произведений ювелирного искусства. Уже первый этап публикации и исследований этих захоронений показывает, что анализ погребального обряда (сильно отличающегося от погребального обряда, свойственного рядовым могилам) и всего погребального инвентаря поможет решению вопроса о происхождении кушан. Важен этот комплекс и для раскрытия социальной истории Кушанского государства, его идеологии и культуры. Составные компоненты верхнего пласта кушанской культуры выявляются очень наглядно, как и процессы художественного и идеологического синтеза, столь свойственного кушанской эпохе.

Нельзя не упомянуть, что погребения Тилля-тепе представляют большой интерес и для проблемы кушанской хронологии. Необходимо отметить, что работы советско-афганской экспедиции не только позволили совершенно по-новому осветить многие эпохи истории Афганистана, наполнив их конкретным содержанием, обогатить историю культуры Афганистана целой галереей шедевров искусства, но и показали, сколь важную роль играли в истории Востока племена и народности Афганистана. Блестящие открытия советско-афганской археологической экспедиции, прославившие нашу науку и внесшие вклад в дело советско-афганской дружбы, во многом связаны с именем автора этой книги. Виктор Иванович Сарияниди — один из ведущих советских археологов, специалистов по археологии Средней Азии, Афганистана и Ирана. Работая в Афганистане, В. И. Сарияниди возглавлял отряды, изучавшие памятники бронзового и раннежелезного века, в том числе и ахеменидского периода. Его отряд обнаружил и осуществил раскопки погребений на Тилля-тепе.

Еще в студенческие годы, в 1948 году, В. И. Сарияниди впервые окунулся в мир экспедиционной археологической жизни. Затем экспедиции следуют одна за другой; вначале он принимает в них участие как рядовой сотрудник, затем становится начальником археологического отряда, позже возглавляет целые экспедиции. Он превращается в опытного археолога, сколачивает крупные экспедиционные коллективы. Основным полем деятельности В. И. Сарияниди всегда была Южная Туркмения; в 1969—1979 годах он кроме

Туркмении работал и в Афганистане.

Работая ежегодно по многу месяцев в тяжелейших условиях пустыни, беззаветно отдаваясь работе, он становится подлинным «экспедиционным волком». В археологической среде В. И. Сарияниди помимо своей фантастической работоспособности славится исключительной «удачливостью» (пример тому — Тилля-тепе!); несомненно, одно связано с другим. Все это сочетается с проникновением в глубинную суть сделанных открытий и разносторонней эрудицией.

Мы надеемся, что живо и увлекательно написанная книга В. И. Сарияниди будет с интересом прочитана читателями.

От автора

Афганистан, расположенный в сердце Азии, издавна привлекал к себе внимание многих путешественников, но высочайшая горная система Гиндукуша, непроходимые песчаные дюны пустыни Дашти-Марго (пустыня смерти) и не в последнюю очередь консерватизм местных правителей надолго задержали знакомство европейцев с этой страной. Загадочная история Афганистана, уходящая корнями в глубокую древность, дразнила воображение историков, начиная с античности и до новейшего времени.

Персидские цари, создавшие за двадцать пять веков до настоящего времени величайшую мировую империю Ахеменидов, не упускали случая прославить свои деяния в различных надписях, в которых часто говорилось и об этой процветающей стране. Греческие и римские историки античности пылливо выискивали в этих надписях сведения о территории, на которой ныне находится Афганистан, и особенно о той ее части, что располагалась по обоим берегам реки Окса (ныне Амударья) и которую они называли Бактрией. Уже тогда Бактрия манила историков древности своей загадочностью, порождая все новые рассказы, в которых нередко истина переплеталась с вымыслом. Невозможность непосредственно ознакомиться с этой легендарной страной плодила все новые вымыслы, порой красивые и поэтические, но, по всей вероятности, далекие от реальной действительности.

Картина несколько прояснилась после знаменитого восточного похода Александра Македонского, который не забыл включить в состав своего личного окружения историков, обязав их прославлять его будущие военные триумфы, а заодно и описывать народы, которые ему предстояло покорить. И в самом деле, греческие историки не только оставили нам жизнеописание великого полководца, но и живо обрисовали обычаи и нравы народов тех стран, где проходили походом фаланги македонцев и греков. Эти описания — единственные свидетельства живой истории, очевидцами которой были они сами. К сожалению, многое из этих материалов пропало, так и не дойдя до нас.

Вплоть до начала XX века сведений о древней истории и культуре Афганистана практически не было. Правда, в Европу стали просачиваться кое-какие данные, почерпнутые любознательными путешественниками и сотрудниками различных иностранных миссий, время от времени посещавших Афганистан, но и эти свидетельства носили отрывочный, а главное, непрофессиональный характер.

Картина начинает меняться лишь в начале XX века, когда французские археологи первыми из европейцев получают право на проведение археологических исследований в Афганистане. Энтузиазм и энергия французских ученых привели к ряду сенсационных открытий, среди которых в первом ряду стоит обнаружение так называемого беграмскогоклада с его великолепным собранием резной слоновой кости.

После второй мировой войны право на проведение археологических работ в Афганистане получили и другие страны, а в 1969 году была создана совместная советско-афганская археологическая экспедиция, поставившая своей целью изучить все еще легендарную страну Бактрию.

Бактрия располагалась по обоим берегам Амударьи, занимая территорию нынешнего Северного Афганистана и южные области советской Средней Азии. Было заманчиво перенести археологические раскопки с нашей территории (правого берега Амударьи) на левобережье, которое все еще оставалось настоящим археологическим заповедником, ждущим своих первооткрывателей.

Когда-то Бактрия, если судить по описаниям греко-римских авторов, была процветающей, изобильной страной, широко известной на древнем Востоке. Однако с того далекого времени природа этих мест сильно изменилась. Теперь это безбрежные пустынные глади, тянущиеся до самого горизонта. Этот унылый пейзаж кое-где оживляют лишь высокие песчаные барханы, приамударьинские дюны да оплывшие бугры, поросшие редким кустарником. Кажется, что сюда никогда не ступала нога человека. Эти пустынные пространства и сейчас можно пересечь, лишь взяв с собой большой запас воды. Но ведь именно эти бесплодные земли античные авторы единодушно называли изобильными и богатыми. Не могли же все они ошибаться! К тому же на вершинах холмов встречаются разбросанные черепки посуды, что свидетельствует о том, что здесь когда-то располагались селения.

Словом, сколь бы безрадостной ни была картина, открывшаяся взорам археологов советско-афганской экспедиции, решено было начать обследование этого района. Забегая вперед, хочу сказать, что результаты археологических поисков превзошли самые смелые ожидания. До этих поисковых работ древняя история Бактрии была известна ученым лишь начиная с походов Александра Македонского, а что было до того времени и было ли что-нибудь вообще, оставалось невыясненным. Советским и афганским археологам в результате многолетних полевых работ удалось среди этих безжизненных пустынь найти памятники такой древности, о которой никто не мог и предполагать. В сыпучих песках приамударьинских дюн были обнаружены многочисленные стоянки людей каменного века — охотников и рыболовов, пользовавшихся

ся мелкими кремневыми орудиями, найденными здесь сотнями, если не тысячами. Именно эти люди и заложили первыми много десятков тысяч лет назад основы будущей бактрийской культуры.

Более того, за песчаными барханами, в глубине пустыни, впервые удалось обнаружить поселения, дворцы и храмы, относящиеся ко второму тысячелетию до н. э.— эпохе бронзы. Как оказалось, именно в это время сюда откуда-то с запада приходят многочисленные племена с высокоразвитой культурой древневосточного типа и занимают плодородные земли, обильно орошаемые водами рек и речушек, стекавших с северных предгорий Гиндукуша. Пришельцы по достоинству оценили благодатную природу этих мест и, обосновавшись здесь, занялись земледельческим хозяйством.

Все это стало намного яснее благодаря работам советско-афганской экспедиции, «удревнившим» историю Северного Афганистана по крайней мере на полторы тысячи лет!

Но особенно удачным для археологов оказался десятый, юбилейный год работ на территории древней Бактрии. Осенью 1978 года при раскопках на холме Тилля-тепе археологам посчастливилось найти в одном могильнике шесть невероятно богатых захоронений, возможно царских. Нужно сказать, что после обнаружения первого из них советским и афганским археологам потребовалось еще несколько месяцев, для того чтобы завершить эти работы в трудных условиях дождливой и холодной осени, а затем и снежной зимы. Но их изнурительный и кропотливый труд был вознагражден сторицей. В этих захоронениях было найдено около двадцати тысяч золотых ювелирных изделий. Это сенсационное открытие, всколыхнувшее весь научный мир, зарубежная пресса назвала открытием века. Особенно важно подчеркнуть, что это было не случайное открытие, а результат планомерного исследования конкретного памятника в течение многих лет.

Автор выражает признательность своим коллегам и всем участникам советско-афганской экспедиции, которые своим самоотверженным трудом внесли достойный вклад в археологическую науку и в изучение древней истории Афганистана.

Глава I
Кабул древний
и современный

Архитектурный силуэт Кабула

Коньяк, водку, шоколад, сигареты, но не за обычные рубли, а за непонятные пока афгани предлагают стюардессы пассажирам самолета, следующего из Москвы через Ташкент в Кабул. В предрассветных облаках еще не видно земли, но становится ясно, что мы уже пересекли государственную границу и находимся в воздушном пространстве Афганистана. Где-то внизу под нами таинственная и неизвестная страна, расположенная в самом сердце Азии; чем-то встретит она нас, первых советских археологов, летящих в Кабул на переговоры об организации совместной советско-афганской археологической экспедиции? Но все это еще впереди. А сейчас самолет прорезал облака, и под нами, как на географической карте, открылись необозримые до самого горизонта горы, а затем внезапно появилась и Кабульская долина. У подножия гор расположились маленькие деревушки, их глинобитные домики с плоскими крышами вплотную подступают к международному Кабульскому аэропорту, современное белоснежное здание которого резко контрастирует с темным бетоном взлетной полосы.

Подлетая тем ранним осенним утром 1967 года к Кабульскому аэропорту, вряд ли кто-нибудь из нас предполагал, что этот маршрут будет повторяться ежегодно каждой экспедиционной осенью более десяти лет.

Посадка. Несложные таможенные формальности, и мы уже едем в машине к Кабулу. По обе стороны от асфальтированного шоссе тянутся зеленые поля и сады с небольшими домиками, ничем не отличающимися от обычных деревенских домов. Шоссе стрелой устремляется к центру города и наконец упирается в большую

Афганистан

площадь, по одну сторону которой высятся толстые зубчатые стены бывшего королевского дворца, а по другую раскинулись черные шерстяные шатры кочевников. Пастух-кочевник безмятежно пасет свою отару, загораживающую движение автомашинам по шоссе. Наконец блеющее стадо освобождает дорогу, и мы двигаемся дальше.

К западу от бывшего дворца начинаются белоснежные кварталы Шахре-Нау, или «Нового города». Здесь в последние десятилетия богатые кабульцы строили виллы; некоторые из них по-своему великолепию могут соперничать с особняками сильных мира сего в Европе и Америке. Легкие, ажурные балконы выходят во внутренние дворики с цветочными клумбами и высокими соснами, между которыми располагаются бассейны, выложенные разноцветным мрамором. Небольшие двух-трехэтажные виллы поражают не только своим внешним видом, но и внутренней планировкой и отделкой интерьеров. Легкое нажатие кнопки — раздвигаются внутренние стены, и комнаты превращаются в огромную залу с наборным, цветным паркетом. Нажатие другой кнопки — и открывается дверь, ведущая через подземный коридор в гараж, так что в дождь и непогоду владелец такой виллы попадает с улицы в

комнаты, даже не замочив шляпы дождевыми каплями.

А в это же время много детей бедняков роются в мусорных отбросах городских свалок в поисках пищи и выброшенных вещей! Самая старая часть города застроена глинобитными домами, раскинувшимися веером у подножия высокого холма, на вершине которого до сих пор высятся некогда мощные укрепления крепости Балахисар. Здесь находилась резиденция правителей города; с этой крепостью связана не только древняя, но и новая история страны, в особенности страницы борьбы афганского народа с британскими колонизаторами. Под косыми утренними лучами солнца хорошо просматривается длинная, с зубчатым верхом и круглыми бастionsами стена, идущая от Балахисара по вершинам гор до узкого ущелья, где Кабульская долина делится расположенными друг против друга скалами на две части. До сих пор с точностью не установлено, когда была построена эта мощная оборонительная стена; вероятнее всего, она была возведена в VII веке, в период ранних мусульманских вторжений в страну. Можно только восхищаться той поистине адской работой, которую пришлось проделать, чтобы возвести эту стену. Снизу, из ущелья, где протекает река Кабул, нужно было поднимать по горным кручам на сотни метров вверх не только материалы, но и воду, необходимо при строительных работах. Даже сейчас мощная зубчатая стена с узкими щелями бойниц и почти обвалившимися круглыми башнями производит впечатление неприступного фортификационного сооружения. Но ни оборонительные стены, ни ожесточенное сопротивление горожан не смогли защитить город от арабского нашествия, которое принесло сюда новую, дотоле здесь неизвестную религию — ислам.

Перенаселенные кварталы старого Кабула уже давно не вмещают быстро растущее население города, а новые земельные участки в нижней части городской территории становятся не по карману не только беднякам, но и средним горожанам. Кабульская долина, как амфитеатром, окружена улицами, ступеньками сбегаящими с крутых горных склонов на дно долины, где незаметно начинается регулярная планировка с четко пересекающимися под прямым углом улицами. И в этом одна из особенностей Кабула. На горных улочках и живут кабульские бедняки. Их жилища лепятся по склонам так, что плоские крыши нижних домов служат двором для верхних. Построены они из обожженного на солнце кирпича, глины и дерева, выходят на лишенные тротуара и освещения улицы глухими стенами — дувалами. Отсутствие воды — основной бытовой недо-

статок этого района, но в то же время и важное средство экономии в бюджете бедняков, так как земля здесь дешевле. В жаркие солнечные дни десятки осликов с кожаными бурдюками на спине медленно поднимаются по крутым улицам вверх. Рядом идет погонщик, который продает воду обитателям этих кабульских «небоскребов». Нередко по этому же маршруту поднимаются и водоносы, низко склонившиеся к земле под тяжестью бурдюка, наполненного водой.

Не так давно в столице вырос новый микрорайон, несколько напоминающий московские Черемушки. Ровные линии четырех- и пятиэтажных домов, прямые широкие проспекты созданы при техническом содействии и помощи Советского Союза. Конечно, несколько тысяч квартир со всеми удобствами еще не могут разрешить жилищной проблемы в столице в целом, но уже многие кабульцы переселились в этот район. Советскими и афганскими градостроителями разработан генеральный план развития Кабула, который исходит из перспективной численности населения в 800 тысяч человек. Дальнейший рост города был бы нежелателен из-за трудности водоснабжения и ограниченности удобных для застройки площадей.

Школа на обочине дороги

Когда спадает дневная жара, в центре Кабула начинается вечерняя жизнь. Сотни маленьких «ресторанов» (как их гордо называют владельцы), иногда всего с тремя-четырьмя столиками внутри, зазывают прохожих ревущей музыкой своих динамиков. Афганские, иранские и особенно популярные индийские мотивы должны привлечь внимание прохожих и заманить их в ресторанчик. У раскрытых дверей, прямо на тротуаре, в длинных мангалах раздувают угли и переставляют шампуры с шашлыками поварята. Аппетитный запах жареного мяса, горы зелени, восточная музыка, вечерняя прохлада располагают к отдыху, и многие гуляющие, не удержавшись, заворачивают в ресторанчики. Давно съеден шашлык, но еще долго длится беседа гостей за маленьким чайником и сладостями на блюдечке.

Яркими разноцветными лампочками выделяются двери небольших магазинчиков — дуканов, выходящие прямо на тротуары. Как правило, в середине восседает сам хозяин, сложив по-восточному ноги. Внутри есть все, что только может понадобиться человеку. В больших стеклянных банках — фисташки, миндаль, разные сорта кишмиша. Вдоль стен на полочках — брюки, сапожный крем, масло, бисквиты, различная бижуте-

рия и т. п. Все это располагается на достаточно большом расстоянии от продавца, и сначала кажется непонятным, как же он умудряется достать все необходимое, не вставая с места. Но недоумение рассеивается, когда замечаешь свешивающуюся с потолка тонкую стальную цепочку с грушевидной подвеской на конце. При необходимости хозяин лавки, хватаясь за «грушу», с обезьяньей ловкостью наклоняется далеко в сторону и, не теряя равновесия, легко достает нужный товар. Есть, конечно, и другие, «европейские» магазины, но они по карману лишь богатой публике, да и цены здесь фиксированные, не то что в дуканах, где принято торговаться, чтобы показать продавцу свои познания в торговом деле. В одном таком дорогом «европейском» магазине у нас произошел довольно любопытный разговор. Хозяин, средних лет красавец с холеными усами и ослепительно белыми зубами, рекламно сверкающими в дежурной улыбке, узнав, откуда мы, спросил:

— Это правда, что у вас нет частной торговли? — И когда мы подтвердили, стал искренне сокрушаться:

— Но ведь так скучно жить!

Кто-то из нас тут же парировал, показав на нищего в лохмотьях, лежащего поперек тротуара и буквально умирающего от голода.

— А это не скучно?

Хозяин заразительно захохотал и даже бросил какую-то мелочь нищему, через которого равнодушно перешагивали люди, спешившие по своим делам. Но конечно, не эти огромные галантерейные магазины составляют особый колорит кабульской торговли, а небольшие лавочки, где годами пылятся на полках в ожидании туристов всевозможные изделия местных умельцев. Здесь и низкие деревянные плетеные столики, стулья, кровати, и лари, сосуды, покрытые тончайшей резьбой, а то и скульптурными фигурками, изготовленными мастерами загадочного Кафиристана. Здесь же, на полках, ровными, аккуратными рядами лежат изделия кабульских умельцев: латунные, резе серебряные коробочки, браслеты, кольца, серьги, всевозможные ожерелья, мониста, украшенные крупными выпуклыми фигурными вставками из синего лазурита, красного или розового сердолика, разноцветными поделочными камнями, а то и просто цветными стеклышками. Особенно ценятся серебряные украшения, отлитые по типу туркменских и, как правило, инкрустированные ярко-красными, под гранат, сердоликами. Эти изделия, за редким исключением, делаются туркменскими мастерами-ювелирами и привозятся сюда, в Кабул, с севера Афганистана, где еще сохранилось традиционное

туркменское искусство. Дело в том, что издавна туркменские ювелиры использовали для своих изделий высокопробное серебро, так что до сих пор кабульские владельцы лавок, иначе дукандоры, расхваливая свой товар заезжим туристам, в качестве самого веского аргумента говорят: «Нукрае туркмани», то есть туркменское серебро.

Особо популярны ювелирные изделия начала XX века. После Октябрьской революции сюда из Средней Азии эмигрировала бухарская знать и двор бухарского эмира с его многочисленными приближенными и гаремом. Уже вскоре обеднев и не желая работать, бывшая аристократия и придворная челядь стали распродавать украшения «с себя», заполнив базарные лавки чудесными ювелирными изделиями безвестных среднеазиатских умельцев. Чтобы поднять цену, все они стали выдавать себя за родственников бухарских ханов и эмира, личные ювелирные украшения которых давно дразнили воображение любителей драгоценностей далеко за пределами самого Бухарского ханства. Прошли десятилетия, а кабульские дукандоры до сих пор с серьезным видом уговаривают легковых туристов купить очередное украшение «любимой жены бухарского хана». Один такой знакомый дукандор говорил мне со смехом и неподдельным удивлением:

— Эти европейские и американские туристы у себя на родине, наверное, неглупые люди и занимают большие посты. Но здесь они как дети. Уже полвека нет ни бухарского хана, ни его дворцового гарема, а они платят огромные деньги за изделие, которое якобы носила любимая жена хана. А их изготавливает знакомый мастер-туркмен из города Акчи и десятками привозит мне для продажи очередным любителям сувениров из «личной сокровищницы бухарского хана».

Разнообразна, а порой и кричаще контрастна столичная жизнь в королевстве Афганистан. В рестораничках за чашкой чая и несколькими шампурами шашлыка коротают вечернее время веселые, смеющиеся люди. Около кинотеатров толпятся любители американских вестернов или индийских фильмов. К сверкающим огням подъезжают машины новейших марок, из которых выходят их владельцы, даже не взглянув на шофера в лирее, подобострастно придерживающего открытую дверцу.

В ресторанном зале отеля праздновали свадьбу, и десятки богато разодетых людей занимали столики под спаденную музыку, льющуюся с эстрады. Столы ломились от изобилия, и это было в порядке вещей в тогдашнем королевстве Афганистан. А на заднем дворе

отеля в мусорных отбросах копошились нищие, выискивая объедки, и это тоже было в порядке вещей в этой все еще полуфеодальной стране. Стоимость номера в «Интерконтинентале» была равна месячной зарплате профессионального рабочего, и это никого не удивляло.

Тем неожиданнее для нас было то, что мы увидели однажды на обочине дороги, куда свернула наша машина. В свете фар перед нами предстала импровизированная школа: в светлых кругах, отбрасываемых электрическими уличными фонарями, прямо на асфальте сидели подростки и, скорчившись над учебниками, готовили школьные уроки. Удивляла не только необычность места (в домах бедняков, как правило, нет электричества), но в первую очередь поразительная тяга к учению, стремление вырваться из темноты и невежества. А ведь в то время в Афганистане около 90 процентов населения было неграмотным. Возможность получить образование имели лишь выходцы из богатых семей. Мы же воочию убедились, как велика тяга к знаниям у детей бедняков, хотя их путь к образованию начинался с обочины дороги.

Как археологи мы знали, насколько необходимы были свои научные кадры в этой стране, где любое место связано с древней и еще не разгаданной историей ее прошлого. Древности напоминают здесь о себе на каждом шагу, а в Кабуле они лежат под ногами прохожих. Так, в начале века в старой части города, у подножия холма Маранджан, при случайных раскопках была найдена коллекция монет, с точностью устанавливающая, что городу Кабулу не меньше 2500 лет. Когда бывший король Афганистана решил воздвигнуть мавзолей для своего отца на возвышенности в северо-восточной части Кабула, работы внезапно пришлось приостановить и срочно вызвать археологов. Дело в том, что при подготовке строительной площадки под будущий мавзолей сразу же под дерновым слоем на верхушке облюбованного холма появились какие-то строения и обломки раскрашенной скульптуры. Научное обследование этого места показало, что в древности здесь располагался буддийский храм, а некогда украшавшая его главный зал огромная статуя Будды теперь выставлена в Национальном музее Афганистана.

В 1924 году французские археологи, первые из европейских ученых получившие право на раскопки древностей этой страны, начали работы на холме Хайр-хана, неподалеку от современного международного аэропорта. Ими были обнаружены буддийский храм и обломки каменных статуй. Среди прочих находок они встретили два невзрачных мраморных кусочка явно от

какой-то крупной статуи. Почти полвека пылились эти обломки в запасниках музея, пока в 1980 году при расширении аэропорта строителям не пришлось вплотную приблизить свои работы к холму Хайр-хана. Теперь уже мощные бульдозеры и экскаваторы вгрызались в толщу холма — и... опять остановка. Вызванные на место археологи помогли расчистить и осторожно извлечь из земли почти целую статую из белоснежного мрамора. Это была мужская фигура со спокойным, отрешенным от всего мирского, задумчивым лицом. Широкий разлет бровей дугами прикрывал большие миндалевидные глаза. Прямой нос с четко вырезанными ноздрями, сочные губы, чуть тронутые мудрой улыбкой, и завитые усы дополнили общий индийский гип лица. На плечи наброшено длинное, богато украшенное покрывало, ноги в узких штанах, заправленных в полусапожки. Гирлянды цветов, богатые ожерелья, ручные браслеты и другие украшения потребовали бы слишком долгого описания. Но одна деталь — высокая тиара на голове — заслуживает особого упоминания: пышная, богато украшенная, она заканчивалась спереди рельефной фигуркой орла, горделиво распростершего крылья. К огорчению археологов, голова орла была отбита, но кто-то из них вдруг вспомнил о предшествующих раскопках и о двух невзрачных обломках, хранящихся в запасниках музея. Трудно описать их радость, когда извлеченные из лотков кусочки точно подошли к отбитому месту и полностью восстановили фигурку орла, а тем самым и саму тиару. Эти, а также многие другие археологические находки ставят Кабул в один ряд с древнейшими городами мира, показывая его особое место на древнем Востоке.

У могилы Бабура

Здесь, на окраине Кабула, на склоне горы первозданная тишина. Внизу шумит город — гудки машин, пыль, суета, людская многоголосая толпа, а в Баги-Бабур, или в «саду Бабура», кусочек ушедшего мира. Тихо шелестит ветер в ветвях высоких деревьев, правильные ряды заботливо подстриженных кустарников обрамляют ровные площадки маленькими террасами, спускающимися вниз по склону горы к шумящему внизу Кабулу. На верхней террасе, среди цветущих роз, миниатюрный павильон, под легким навесом которого лежит скромная мраморная плита, покрытая тонкой резьбой арабской вязи. Здесь нашел свое последнее упокоение Захираддин Мухаммад Бабур (1483—1530), беспокойная, полная тревог жизнь которого могла бы

лечь в основу остросюжетного детектива. Сын удельного правителя Ферганы, он после смерти отца одиннадцатилетним ребенком был провозглашен «государем Ферганы» в то смутное время, когда на обломках великой империи Тимура его многочисленные родственники вели кровавые междоусобные войны. Бабур также происходил из рода Тимуридов и также отличался неумемным честолюбием. Но в противоположность многим другим претендентам на трон в Самарканде — бывлой столице империи Тимура — он обладал и недюжинными способностями. Почти с детских лет Бабур включился в междоусобную борьбу, которую вел с переменным успехом, и, казалось, был близок к победе. Он дважды занимал трон в Самарканде, но оба раза был вынужден бежать оттуда. Изгнанный из Самарканда кочевыми узбекскими племенами, Бабур сколачивает небольшую дружину и занимается набегами на соседние территории. Долго скитался Бабур по Ферганской долине в поисках военного счастья, но так и не нашел его. Будучи умным и дальновидным политиком, он вскоре понял всю тщету попыток занять самаркандский трон. В своих «Записках» Бабур так пишет об этих событиях: «Я подумал: доколе мне скитаться и бродить по этой ферганской земле? Попытаю счастья в другом краю». Всего с тремястами воинами он покидает родную землю и направляется в соседний Афганистан, ослабленный и раздираемый междоусобицами. Перевалив через Гиндукуш, он овладевает Кабулом. В течение двух лет арена его военных действий все более расширяется, пока не доходит до берегов Инда.

Ведя победоносные сражения на территории Афганистана, Бабур не забывает прежних обид, нанесенных ему на родине. Он отправляется в Герат, где пытается сколотить коалицию, чтобы двинуться на Самарканд, но тревожные вести, идущие из Кабула, вынуждают его повернуть назад. Подавив не без трудностей волнение в Кабуле, честолюбивый Бабур все-таки не расстаётся с заветной мечтой овладеть троном в Самарканде. Терпеливо ждет он своего часа, и, кажется, этот час настает, когда в 1510 году умирает предводитель кочевых узбеков Шейбани-хан. Обрадованный этой вестью, Бабур с войском вторгается в земли современного Узбекистана, но, вновь разбитый наголову узбекскими племенами, теперь уже навсегда оставляет надежды на самаркандский престол и покидает пределы Средней Азии. Вернувшись в Кабул, он направляет всю свою неумемную энергию в сторону Индии. Набеги ведутся с переменным успехом. В 1525 году Бабур разбивает наголову вдесятеро превосходящие силы

противника и овладевает Северной Индией. В этом ему помог не только талант незаурядного полководца, но и использование артиллерии, что было неожиданностью для противника. Теперь, кажется, он достиг всего, о чем мечтал,—стал государем обширной империи, простирающейся от берегов Амударьи до берегов Ганга. Началась блестящая эпоха империи Великих Моголов, как называли европейцы это государство, просуществовавшее до XVIII века, вплоть до захвата Индии англичанами. Но его основателю—Бабуру оставалось царствовать на троне всего около пяти лет—в декабре 1530 года он скончался.

Казалось бы, его мечты осуществились, но тоска по далекой родине не оставляла Бабура до конца его жизни. Возвращаясь мыслями к бурным и романтичным дням своей юности, бывший повелитель маленькой Ферганы, а теперь глава огромного могущественного государства решил изложить свое жизнеописание на бумаге. Так возникла «Бабур-наме»*. Талантливый полководец и писатель, страстный охотник и поэт, человек, любящий звон скрепленных мечей не меньше, чем звон бокалов на пирушках, оставил нам безыскусное описание своей эпохи и нравов и обычаев народов тех стран, куда заносила его судьба. В частности, до наших дней не потеряли значения его описания Кабула и Кабулистана—страны, с которой связаны его первые победы и стремительный взлет на вершину славы. Одаренный поэт, Бабур щедро рассыпает в «Бабур-наме» не только свои, но и чужие стихотворные отрывки. Пессимистические нотки, присутствующие в его стихах, почти всегда сменяются мажорными тонами, которые были так свойственны его сильной, волевой и целеустремленной натуре:

Хоть временем на краткий срок и вознесенный в рай
Вином победы, два-три дня всего хмельн твой враг.
Пусть кажется, что до небес он вырос,—не горюй:
Ведь низок он и будет вновь с землей сравнен твой враг

«Область Кабула,—пишет он в «Бабур-наме»,—вытянута с востока на запад. По краям и границам ее сплошные горы, у подножия которых протекают арыки. Летом в Кабуле часто бывает северный ветер, который называют «парван». Кабулистан в то время занимал выгодное промежуточное положение между Индией и Персией, с успехом вел крупную международную торговлю. По словам Бабура, каждый год в

* На русском языке изданы «Бабур-наме» (1958) и «Лирика» (1957).

Кабул пригоняли до десяти тысяч коней из Индии, до двадцати тысяч быков, а также везли ткани, сласти, сахарный тростник, лекарственные растения. В Кабуле можно было найти товары из Персии, Ирака, Китая и Индии.

По мнению Бабура, такого чистого, здорового и приятного воздуха, как в Кабуле, больше нет нигде в мире: летом жара, а зимой умеренные холода. Климат Кабулистана здоровый; за один день можно прийти в такое место, где никогда не идет снег, а за один-два часа — туда, где снег никогда не исчезает. В самом Кабуле и прилегающих деревнях много винограда, граната, урюка, айвы, яблок, груш, персиков, слив, миндаля, орехов. «Я приказал привезти туда и посадить вишневые саженцы — выросла хорошая вишня, деревья до сих пор разрастаются», — писал Бабур.

Любитель крепких напитков, он уделяет внимание описанию сортов винограда, особенно выделяя сорт «аби-ангур», из которого делают красное вино. Не меньше славится вино с виноградников на склонах горы Ходжа-Хавенд-Синд. Отмечает он и знаменитое вино в Лагмане, двух сортов — белое и красное. Их описание он заканчивает как истинный ценитель: «Впрочем, крепость обоих не соответствует их славе».

Поражает пытливый ум Бабура. Перечисляя живущие здесь народы, он сообщает, что в его время хазарейцы еще помнили свой древний язык, что представляет большой интерес, так как и сейчас еще происхождение этого народа остается не совсем ясным. Прошло почти пять столетий с того времени, как была написана книга «Бабур-наме», но до сих пор она остается неиссякаемым кладом самых разнообразных сведений для востоковедов, этнографов, географов, лингвистов.

Тихо шелестят листья чинар, как говорят, посаженных тем самым Бабуром, чьи останки теперь покоятся под мраморной плитой.

Удивительны личность и судьба этого человека. Бабур сочетал в себе таланты полководца, государственного деятеля, ученого и литератора. Типичный представитель средневековой тюркской культуры, охотник, острослов и любитель вина и вместе с тем талантливый писатель и поэт, он умер в Индии, но, согласно его желанию, погребен был в Кабуле, где так удачно началась его царская карьера.

Падают срываемые ветром листья и, кружась, опускаются на белоснежный мрамор наклонной плиты. Вечная тишина окутывает и могилу, и стоящий рядом, но уже полуразрушенный временем дворец правителя.

И невольно на ум приходит восточная поговорка: «Мир не что иное, как караван-сарай, а мы караван».

Афганистан — «запретная страна для европейцев»

Пожалуй, трудно найти вторую такую страну на Среднем Востоке, куда бы так долго не допускались европейцы. С одной стороны, это объясняется географическим положением Афганистана в глубине Азии и изолированностью от остального мира то неприступными горами, то безводными пустынями, одно название которых, например Дашти-Марго — «пустыня смерти»*, говорит само за себя. С другой стороны, политическая раздробленность вплоть до середины XIX века делала эту страну небезопасной для любых путешественников, а для европейцев тем более, если учесть, какой фанатичной мусульманской страной был Афганистан в то время. По дорогам бродили не только шайки любителей легкой наживы, но и фанатичные дервиши, которые при одном слове «кафир», то есть неверный, приходили в неистовую ярость, требуя смерти любого, кто не был мусульманином. Эти внутренние сложности усугублялись империалистическими притязаниями Англии, которая, обосновавшись в Индии, не прочь была присоединить к своим владениям и соседний Афганистан. Мы не будем описывать сложные, порой драматические события, связанные с тремя англо-афганскими войнами и борьбой народов Афганистана за независимость на протяжении всего XIX и начала XX века. Результат известен: англичане вынуждены были уйти, оставив в покое эту страну и бросив на прощание фразу: «Афганистан — осиное гнездо Азии». Очевидно, это был ответ на крылатые слова основателя афганского государства XVIII века Ахмад-шаха Дурани: «Бойтесь моего улья: в нем есть пчелы, но нет меда».

Так или иначе, но вплоть до начала XX века в Афганистане никакие археологические изыскания не проводились. А между тем из дошедших до нашего времени древних письменных источников европейским ученым было известно, какой рай для археологов представляет собой эта загадочная страна.

Дошедшие до нас письменные источники сохранили хотя и отрывочные, но вполне достоверные данные о

* Дашти-Марго по народной этимологии — «степь, или пустыня, смерти». На самом деле «марго» — древнеиранское слово, означающее «весеннее пастбище». Это слово того же корня, что и «мург» в названии Мургаб и т. д. Весной вся степь Марго покрывается «фемеровой» травянистой растительностью, и здесь выпасают свой скот кочевники. — *Прим. рсц.*

том, что территория современного Афганистана уже издревле играла важную роль на древнем Востоке. Особенно выросло значение этой страны, когда она в середине первого тысячелетия до н. э. была силой оружия включена в состав мировой Ахеменидской державы, сложившейся на территории древней Персии. Ахемениды — династия царей, сумевшая создать огромное государство, простиравшееся от Инда до Эгейского и Средиземного морей и включавшее также Египет, часть Ливии и некоторые области Балканского полуострова. Особое место в системе Ахеменидского государства занимала расположенная на северо-востоке империи Бактрия с ее богатыми природными ресурсами и выгодным местоположением, позволявшим контролировать наиболее отдаленные владения Ахеменидов. Именно поэтому здесь, в столице — городе Бактр, наместником всегда назначался представитель царского рода Ахеменидов. Он имел большой и надежный гарнизон, который должен был обезопасить северо-восточные пределы империи от воинственных кочевников (номадов), занимавших обширные степные области современной Средней Азии. Вставал закономерный вопрос: что же представляла собой Бактрия того времени, ведь она прославлялась всеми древними историками как страна райского изобилия, где цветущие оазисы утопали в зелени, в арыках не пересыхая журчала прохладная вода, а люди создали высокую цивилизацию? «Страной тысячи городов» называли Бактрию греческие античные историки, а главный город страны — Бактр именовался «матерью всех городов». Но когда же начинается это великолепие на бактрийской земле? Когда появляются первые города, дворцы, храмы, которые застали там войска Александра Македонского? Все эти вопросы давно вставали перед археологами. И вот в 20-х годах нашего века, когда впервые афганское правительство разрешило европейцам приступить к изучению древностей страны, этим воспользовались французы. Их небольшую экспедицию возглавил профессор А. Фуше — горячий энтузиаст изучения эллинизма. Многие тысячи километров отделяют Париж от Бактра и Францию от Бактрии. Перечитывая труды греко-римских авторов в библиотеках Сорбонны, А. Фуше рисовал себе сказочную страну, где до сих пор высятся полуразрушенные купола храмов и святилищ, где греческие колонны все еще поддерживают полуобвалившиеся крыши портиков, а золотые и серебряные кубки со сценами пиршеств и празднеств только и дожидаются скорейшего открытия археологами. Действительность разочаровала А. Фуше.

Прибыв в Северный Афганистан — в далекую Бактрию, он нашел здесь лишь бедные деревушки, в окрестностях которых были разбросаны оплывшие, безликие холмы. Ничто не нарушало унылого и монотонного пейзажа пустыни — ни колонны, ни портики, ни мозаика. «Бактрийский мираж», — лаконично выразился разочарованный ученый, оставив всякую надежду найти Бактрию своей мечты. К тому же в Кабуле начались политические волнения и дорога была настолько небезопасной для французских археологов, что они стали серьезно подумывать об отъезде на родину.

Большой интерес к древним памятникам Афганистана — страны-соседа — всегда питали русские ученые-востоковеды. После Октябрьской революции этот интерес не только не угас, но еще больше возрос. Так, уже в 1922 году президиум Всероссийской научной ассоциации востоковедения при Народном комиссариате по делам национальностей постановил образовать особую комиссию по подготовке экспедиции в Афганистан. Комиссия энергично принялась за дело, устроила ряд заседаний, на которых зачитывались доклады по афганской тематике. Центром полевых исследований было решено избрать провинцию Балх, как район наиболее перспективный в археологическом отношении. Хотя экспедиция была задумана как историческая, она тем не менее предусматривала и естественнонаучные исследования. К сожалению, по ряду причин эта экспедиция так и не состоялась, но в 1924 году в Москве был издан специальный сборник «Афганистан», который подводил итоги научного изучения Афганистана в русской историографии. В частности, в сборник была включена статья доктора М. Г. Вечеслова, который еще до французов, в 1921 году, во время своего пребывания в этой стране на свой страх и риск проводил любительские исследования древностей Афганистана. Статья так и называлась «Археологические памятники Афганистана». Она была посвящена описанию древних памятников Бактрии и сопровождалась большим числом оригинальных фотографий, нигде ранее не опубликованных. М. Г. Вечеслов не был специалистом-археологом, но тем не менее он сумел дать строго документированное описание архитектурных памятников страны. Эти описания не потеряли своего значения и в наши дни.

Глава II Неизведанный Гиндукуш

Древние люди в сердце Гиндукуша

В погожие осенние дни 1954 года небольшая группа американских археологов, карабкаясь по отвесным скалам северных предгорий Гиндукуша, стремилась проникнуть в расположенные на большой высоте пещеры и гроты. Казалось, если не здесь, то на следующей каменной площадке, внутри прохладной пещеры, им удастся наконец найти то, чего еще никто тут не находил,—следы обитания древнейшего человека на севере Афганистана. И недаром американскую экспедицию возглавил такой крупный специалист, как профессор К. Кун, общепризнанный пионер в изучении древнейших предков современного человека. Незадолго до этого его экспедиция в соседнем Иране увенчалась великолепными открытиями в пещере Гари-Камарбанд в отрогах гор, спускающихся к южному берегу Каспийского моря. Профессиональное чутье археолога подсказывало ему, что и в Афганистане должны были жить люди того же времени, но доказать это могло только археологическое обследование.

В самом деле, рассуждали ученые, в южных областях Средней Азии, и особенно в Узбекистане, непосредственно примыкающем к Афганистану, советские археологи совершили подлинно научный подвиг, обнаружив следы человека древнекаменного века. В 30-х годах Алексей Павлович Окладников, тогда еще не титулованный, но зато молодой и полный энтузиазма и энергии археолог, на лошадях и пешком прошагал по межгорным долинам и прополз по отвесным кручам не один десяток километров, заглядывая под каждый скальный навес, карниз, углубление, подбирая кремневые отщепы и каменные обломки в надежде найти на них следы обработки. Настойчивость и упорство в, казалось бы, безнадежной ситуации, среди пустынных, безлюдных гор, были достойно вознаграждены откры-

нием мирового значения. Пещера Тешикташ, найденная им в Южном Узбекистане, не только сохранила для археологов остатки разнообразных каменных орудий, что уже само по себе имело большое, принципиально важное значение, но и в качестве достойного приза за настойчивость и трудолюбие подарила им огороженное рынками животных захоронение мальчика, умершего в возрасте семи-восьми лет.

После Тешикташа в непосредственной близости от Афганистана были открыты новые пещеры, такие, как Мичай и Амир-Темир, но захоронения людей в них пока не встречены. Люди, жившие в этих пещерах около пяти — пятидесяти тысяч лет назад, охотились на горных козлов и баранов, занимались собиранием съедобных растений.

Открытие памятников каменного века на речных террасах в Северо-Западной Индии как бы замкнуло круг пещер, гротов и навесов, цепочкой окружающих Северный Афганистан. В самом деле, следы жизни древнейшего человека стали теперь известны, начиная от ирано-афганской границы, через южные области Средней Азии вплоть до Северо-Западной Индии.

Цепочка замкнулась, но центр ее, располагающийся в Афганистане, оставался все еще не исследованным, и, хотя были все основания предполагать, что древний человек не мог обойти стороной эту область, для доказательства нужно было найти следы деятельности таких людей древнекаменного века в северных предгорьях Гиндукуша. Все это отлично понимал К. Кун, и именно поэтому с завидным упорством и настойчивостью он сам и его сотрудники вот уже много недель, руководствуясь указаниями местных жителей и своими собственными профессиональными навыками, осматривали все новые и новые пещеры, подчас расположенные глубоко в скальных ущельях.

Нельзя сказать, чтобы пещеры эти были совершенно пустыми. Напротив, почти во всех имелись следы обживания их человеком, но не столь древнего времени. Неками и тысячелетиями пещеры, скальные гроты и ниши служили людям временным убежищем. Так было и в античное время, и в средневековье. И в наши дни чабаны спешат укрыть свои стада в непогоду внутри надежных углублений.

Но археологам одна пещера за другой приносили новые разочарования. Кажется, никогда в древности человек не ступал на эту землю. Они в который раз осматриваются вокруг и убеждаются, что природные условия здесь оптимальны: горные ручьи и родники дают изобилие воды, а за огромными валунами и сейчас

еще мелькают тени испуганных людьми горных баранов и козлов.

Каракамар — убежище первых людей Афганистана

И вот ранним осенним утром, когда горный воздух еще дрожал в лучах встающего солнца, местный проводник привел американских археологов к урочищу Каракамар. Высоко вверху на коричневатой скальной поверхности темным пятном выделялся вход в очередную пещеру, которая на первый взгляд ничем не отличалась от многих других. Но профессиональный глаз археолога сразу оценил выгодное расположение ее входа, обращенного на юг и как бы контролирующего сверху сразу три горные долины. Чем больше приближались исследователи к пещере, тем очевиднее становилось ее выгодное расположение, и впервые раскопки не разочаровали, а несказанно обрадовали археологов.

Первые взмахи лопат, и под их лезвиями брызнули коричневые осколками кремневые орудия. Пласт за пластом, все дальше вниз углублялись рабочие, а находки не только не прекращались, но становились все более обильными, а сами кремневые орудия все более огрубленными, неумело изготовленными. Наконец, показалось скальное дно пещеры, то есть тот уровень, на который впервые ступила нога человека древнекаменного века. Но кто были эти люди и когда они появились здесь? Археологам повезло: самый нижний и, следовательно, самый древний горизонт культурных слоев сохранил очаг с углями, специальное исследование которых показало, что их сожгли здесь примерно за тридцать пять тысячелетий до наших дней. Вокруг очага были разбросаны кости животных — трофей добычливых охотников, чисто обглоданные обитателями пещеры Каракамар. Тщательное изучение этих костей специалистами показало, что они принадлежат горным баранам, козам и лошадям. В том, что горные бараны и козы служили главными объектами охоты, нет ничего удивительного: современные потомки этих животных, пощипывая травку, до сих пор лазают по горным кручам Гиндукуша. Иное дело — лошадь — типично равнинное животное, которое никогда по доброй воле не поднимется в горы. Очевидно, охотники уже не ограничивались добычей сравнительно небольших животных, как коза и овца, а отправлялись в далекие походы, спускаясь на равнину, где при везении можно было заполучить сразу много мяса, убив такое крупное животное, как лошадь! Но и это еще не все. В пещере Каракамар были найдены разбитые панцири черепах,

как известно также обитающих лишь на равнине. Как видно, лошадь не часто попадалась охотникам, и, чтобы не возвращаться в пещеру с пустыми руками, они ловили и собирали медлительных черепах, дополняя ими мясной рацион обитателей пещеры.

Итак, открытие пещеры Каракамар подтвердило, что древние люди населяли не только межгорные долины Восточного Ирана и Южного Узбекистана, но и северные районы Афганистана. Так была приоткрыта первая, но далеко не последняя страница в изучении древнейшего прошлого этой страны. Через десять лет другой американской экспедиции посчастливилось обнаружить на крайнем северо-востоке страны, в Бадахшане, пещеру Дараи-Кур, где находили себе убежище люди, жившие за тридцать тысяч лет до нас. Как и их современники из Каракамара, эти древнейшие обитатели Бадахшана, занимаясь охотой и не очень-то надеясь на ее удачный исход, ловили также съедобных моллюсков, крабов и раков.

Наконец счастье как будто бы улыбнулось археологам: в пещере была найдена темная кость человека. Можно представить, как радовались и ликовали они, ожидая раскопать целый скелет, но, сколько ни искали, кроме этого обломка, других костей найти не удалось. Но и темная кость человека столь большой древности представляла исключительный научный интерес. Однако позднее научно было доказано, что эта кость принадлежит скорее всего современному человеку и, видимо, попала в пещеру случайно.

Около города Меймене этими же американскими археологами был открыт древний скальный навес — Гари-Мордахгусфанд, что означает «пещера мертвых баранов». Стало очевидно, что человек древнейшего времени не занимал изолированные и случайные районы, а обживал все большее число пригодных для обитания мест. Доказательством служат скальные навесы, гроты и пещеры, открытые на речной террасе реки Вах в местечке Аккупрук. Оказалось, что и здесь люди каменного века охотились на красного оленя, горных баранов, козлов, а то и на шакалов. Шкуру с убитых животных они снимали кремневыми ножами и ризцами; миниатюрные каменные проколки, ручные топорики, всевозможные кремневые пластины служили не только для разделки туш, но и, по-видимому, для изготовления кожаной одежды и обуви, необходимой для холодных горных районов. Археологи раскопали удлиненной формы крупную гальку, на одной стороне которой сохранились какие-то выбоины, передающие, как предполагают, черты человеческого лица. В таком

случае это, может быть, древнейшее антропоморфное изображение подобного рода, что, однако, еще окончательно не доказано.

Следы дальнейшего обживания северных отрогов Гиндукуша археологи нашли в пещере с грозным названием Гари-Мар, или «пещера змеи». Люди в этой пещере обитали пятнадцать — шестнадцать тысячелетий тому назад, но, как и прежде, оставались охотниками на горных баранов и козлов и опять-таки на лошадей, лис и шакалов.

Одним словом, мы видим, что от города Меймене на западе до Бадахшана на востоке и до Каракамара и Аккупрука на юге обширная зона, как мелкими булавочными головками, покрывается все новыми пунктами, фиксирующими скальные гроты, пещеры и навесы, где находили себе убежище люди древнекаменного века. Нам сейчас известны пещеры, где обитали люди тридцать пять тысяч лет назад, тридцать тысяч лет и, наконец, пятнадцать — десять тысяч лет назад, и в целом найденные в них остатки деятельности человека рисуют довольно сходный образ жизни. Веками и тысячелетиями здесь жили люди, занимавшиеся охотой и собирательством, но их орудия труда в виде кремневых ножей, пластин, скребков, ручных топориков и рубил, дополнявшихся костяными проколками, шилами, не изменялись со временем, а, напротив, обнаруживали поразительный консерватизм.

Правда, в верхних, то есть более близких к нам по времени, слоях пещер Гари-Мар и Гари-Асп, где жили люди за десять — восемь тысяч лет до нас, уже появляются такие одомашненные животные, как овца и коза, а главное — каменные мотыги, зернотерки и даже как будто культурные злаки типа пшеницы и ячменя. Однако подлинная роль этих нововведений в древнем хозяйстве остается еще во многом неясной; одно лишь несомненно: охота на красного оленя, газель, горного барана все еще составляла основу хозяйства, о чем свидетельствовали найденные археологами кости, во множестве разбросанные у древних очагов.

Имеются в этих пещерах и культурные наслоения, оставленные людьми, жившими здесь всего лишь за четыре тысячи лет до нас. Они включают все те же кремневые и костяные орудия. Однако все чаще встречаются кремневые лезвия от серпов, мотыги для рыхления земли, зернотерки для перемалывания зерен в муку, а также бесспорные свидетельства разведения домашних овец и коз. Но главное новшество — это появление глиняной посуды, правда сделанной еще весьма грубо и неумело. Казалось бы, перед нами

следы людей, давно перешедших от охоты и собирательства к земледелию и разведению домашних животных, однако остаются еще чисто профессиональные сомнения, заставляющие нас пока воздержаться от успешных заключений. Но и то, что известно сейчас о людях древнекаменного века, представляет огромный научный интерес. Документально доказано, что Северный Афганистан входил в зону, где происходило становление человека современного типа, причем есть все основания предполагать, что эти процессы были тесно связаны с аналогичными процессами, протекавшими в Северо-Восточном Иране и Южном Узбекистане.

Охотники становятся рыбаками

Итак, теперь мы знаем, что люди древнекаменного века обитали в пещерах, гротах и скальных навесах межгорных долин и ущелий. Именно поэтому до самого последнего времени в Афганистане поиски шли исключительно в предгорьях Гиндукуша. И хотя, охотясь на лошадей, люди из этих пещер изредка спускались на равнину, они чувствовали себя там неудобно и долго не задерживались. Поэтому надежд отыскать памятники древнекаменного века на равнине было мало, а тем более в безводных песках, простирающихся далеко на север вплоть до левого берега Амударьи. Таково было мнение, сложившееся относительно Северного Афганистана, когда здесь в 1969 году приступила к работам советско-афганская археологическая экспедиция. В составе ее были специалисты разного профиля, в том числе занимающиеся изучением людей каменного века. Имея богатый опыт поисков древних стоянок человека и великих среднеазиатских пустынях Кызылкум и Каракум, они не были настроены столь пессимистично. В самом деле, песчаные дюны левобережья Амударьи представляют собой как бы продолжение великих среднеазиатских пустынь, где советским археологам удалось найти следы людей каменного века. Все эти соображения давали основание попытаться провести предварительные поиски на левобережье Амударьи. И действительность превзошла самые смелые ожидания археологов. Уже первые маршрутные поиски привели к открытию здесь стоянок каменного века.

Начиная от речного порта Келиф и вплоть до порта Хайратон, то есть на протяжении почти ста пятидесяти километров в контактной зоне песков и такыров, археологам посчастливилось обнаружить первые на Биктрийской равнине стоянки людей каменного века.

Там, где начинаются гряды песчаных барханов, где не пройдет ни машина, ни даже верблюд, вот там-то, казалось бы, вопреки всякой логике и были сделаны наиболее интересные открытия. В этих местах нет никаких водных источников, вокруг типично пустынный, унылый ландшафт, и тем не менее на месте песчаных выдувов удавалось найти то коричневатую, отполированную от употребления кремневую пластину, а то и каменный нож или сверло. Но эти отдельные находки могли попасть сюда случайно во время преследования дичи охотниками или даже во время сезонных кочевок людей, обитавших в горах. Вскоре около Хайратона и Ташкургана были обнаружены, хотя и небольшие, но зато бесспорные стоянки человека каменного века. Одна из них расположена в пятнадцати километрах к северо-востоку от города Ташкургана, в урочище с мрачным названием Снахреган, или «черные пески». В самом деле, хотя неподалеку находятся величественные руины античного города Шахри-Бану, современный ландшафт здесь довольно однообразен: вздыбленные волны высоченных барханов, кое-где чахлая растительность в виде кустарников на разгребшемся от жары такыре. И тем не менее после долгих и бесплодных поисков однажды за очередным барханом археологи вдруг увидели не одно-два, а целую россыпь кремневых орудий и еще больше отщепов. Орудия были изготовлены из светло-коричневого кремня, причем часть их имела такие миниатюрные размеры, что они просвечивали на солнце. Из этого-то кремня мастера того времени изготавливали длинные пластины с острыми краями: крепко зажатые в деревянную или костяную основу, они с успехом выполняли роль лезвий, ножей или даже примитивных серпов. Края таких пластин настолько тонко заострены, что и сейчас ими легко заточить карандаш или даже перерезать веревку. Миниатюрные, но широкие орудия с полукруглым краем использовались в качестве скребков: ими удобно чистить рыбу, очищать шкуру от мездры. Но особенно много было найдено на стоянке крупных пластин, видимо ножей, необходимых для разделки и чистки добычи. Не оставалось сомнений, что перед нами стоянка, где достаточно долгое время жили люди. Но в таком случае здесь обязательно должна была быть и вода. К тому же в непосредственной близости от этой стоянки располагался Шахри-Бану, который также мог существовать только близ постоянного водного источника. Начались новые поиски, на этот раз уже древней речки.

Археологи обратили внимание на то, что найденная

стоянка располагалась на краю какой-то промоины, а возможно и сезонного русла реки. Кроме того, им совсем не попадались наконечники стрел, но зато в изобилии встречались орудия, связанные с рыболовством, которое, видимо, дополнялось собирательством и охотой на водоплавающую птицу. Подтверждение этому дало и картографирование других стоянок: установлено, что их расположение примерно совпадало с расположением современных ирригационных оазисов, то есть, как и сейчас, люди того далекого времени возводили свои легкие сезонные шалаши вблизи рек и горных речушек. Но со временем эти водотоки переместились к югу, а бывшие обводненные дельты ручьев и речек оказались погребенными под многометровыми песчаными дюнами.

Отсутствие кремневых наконечников стрел свидетельствует о древнем возрасте подобных стоянок, когда люди еще не научились изготавливать сложные по обработке орудия охоты. Считается, что вместо цельных крупных наконечников стрел в эту эпоху использовались мелкие острые кремневые пластины; вставленные в пазы на конце деревянного древка, они с успехом выполняли роль своего рода наконечников стрел. Таким образом, отсутствие наконечников стрел свидетельствует не об отсутствии охоты, а о несовершенстве охотничьего оружия людей среднекаменного времени (мезолита). И в самом деле, уже в следующую — новокаменную — эпоху (неолит) крупные кремневые наконечники стрел станут обычной находкой на стоянках человека.

Но откуда появились люди на левобережье Амударьи? Скорее всего они были далекими потомками тех самых обитателей гротов и пещер древнекаменного века, о которых мы уже говорили. Очевидно, постепенно спускаясь с гор на Бактрийскую равнину, эти люди в силу ряда причин не смогли приспособиться к местным условиям, обуздать «великие» по тем масштабам реки и заняться древним земледелием. Им оставалось либо вернуться назад, в горы, либо попытаться осесть на «хвостовых», дельтовых частях рек, что текли из их родных мест и терялись в песках, не доходя до Амударьи. Судя по имеющимся данным, они выбрали именно второй путь. Бывшие охотники, они нашли здесь оптимальные условия для своего существования: в камышах бродили стада кабанов, нередко преследуемых тиграми, гнездились фазаны, утки и гуси, на равнинах мирно паслись джейраны, водились зайцы, шакалы, лисы. И вся эта живность никогда не видела человека, не боялась его и близко подпускала к себе.

Изобилие дичи на равнине и рыбы в реках и ручьях давало постоянный источник питания. При этом рыбу могли ловить не только мужчины, но и дети, и старики, и женщины. Охоту и рыбную ловлю они могли дополнять примитивным, сезонным земледелием, имевшим явно подсобное значение. Эти характерные и специфические природные условия надолго предопределили особый путь развития местных племен неолитического времени: охотники и рыбаки так и не перешли к оседлому земледелию. Веками и тысячелетиями не изменялся их полусоседный образ жизни: сезонные передвижения по выработанным маршрутам, задержка на одном месте лишь до тех пор, пока вокруг имелаась дичь и рыбные запасы. А при такой жизни не нужно было строить постоянные дома, возводить большие поселки, длительно и систематически обрабатывать пашни под посевы. В результате подобного консерватизма каменный век на Бактрийской равнине очень затянулся. Дальнейшие раскопки показали, что в эпоху поздней бронзы здесь неожиданно появляются поселки других людей с высокоразвитой оседло-земледельческой культурой. Они широко используют металлические орудия и оружие, возводят монументальные дворцы и храмы. А в то же самое время в нескольких километрах от этих цветущих оазисов, среди надвигающихся песков, все еще продолжают бродить племена охотников и рыболовов, по старинке использующих примитивные кремневые орудия.

Вот эти особенности жизни племен приамударьинской неолитической культуры и стали достоянием науки лишь благодаря исследованиям советских и афганских археологов, работавших в Афганистане всего несколько полевых сезонов.

Кафиристан — «Страна неверных»

Кому хоть однажды довелось ехать из Кабула на восток, в сторону Джалалабада, тот может по достоинству оценить красоту этих мест. Автодорога петляет среди высоких острых гребней и утесов. С одной стороны вертикально вздымается в небо скальная гладь, а с другой — сразу за невысоким оградительным парапетом резко вниз падает каменная стена ущелья, по дну которого стремительно несетя река Кабул. Сочетание разноцветных скальных пород, зелени невысоких деревьев и кустарников и белоснежных пенных волн Кабула создает почти сказочное зрелище. Прекрасное асфальтированное шоссе все выше поднимается в поднебесье, пока на вашем пути не

встает последний горный кряж. Теперь вы почти на небе, а под вами внизу всею расходятся горные кручи, и не верится, что это ваша машина одолела замысловатый серпантин дороги. Впереди начинается спуск к Джелалабаду—воротам в Индию. Но, не доезжая до города, сверните влево, и вы попадете в совершенно иной мир.

Меняется не только ландшафт, но и все ваши устоявшиеся представления о стране. Мы в Восточном Афганистане, у порога загадочной страны—Кафиристана*, затерянной в центральном Гиндукуше, почти наглухо отгороженной непроходимыми горными хребтами от остальной части Афганистана да и от всего внешнего мира. Только на крайнем юго-востоке горы как бы слегка раздвигаются, оставляя практически единственный проход к реке Кабул.

После пыльных ровных гладей пустыни человека ошеломляет изобилие густых зеленых, часто непроходимых лесов. Но это еще только подходы к самому Кафиристану. Там, наверху, на высоте свыше трех тысяч метров, расположено несколько изолированных горных долин и ущелий, орошаемых реками Алингар, Презумгуль, Башгуль и Кунар. Тут на площади около двух с половиной тысяч квадратных километров сосредоточена значительная часть лесных запасов Афганистана. Стометровые гималайские ели, сосны, кедр, дубы образуют густые леса с подлеском из дикого миндаля и бузины. Вот здесь-то, в труднодоступном и поныне районе, и находится легендарная страна Кафиристан.

Арабским словом «кафир», то есть неверный, с давних времен соседнее мусульманское население называло загадочный народ, происхождение и история которого еще в достаточной мере не ясны. Среди жителей Кафиристана нередко встречаются голубоглазые и русоволосые люди, которые внешне скорее напоминают европейцев, чем жителей Азии. Хотя общая численность кафиров не превышает семидесяти тысяч человек, все они как по языку, так и по внешнему облику сильно отличаются не только от основного афганского населения, но и друг от друга. Этому во многом способствовали специфические географические условия: небольшие селения, как правило, хотя и расположены по соседству, но часто отделены друг от друга труднопроходимыми хребтами или ущель-

* Современное название этого района—Нуристан, но, поскольку автор рассказывает в основном об историческом прошлом этого района, в главе приводится его старое название.

ями. Это приводило к их изоляции и обособленности. В течение многих веков взаимное общение жителей соседних деревушек ограничивалось двумя-тремя месяцами в году; в остальное время перевалы были непроходимы. Эта изоляция привела к тому, что жители соседних деревушек говорят на разных языках, не понимая друг друга. Нередко, чтобы выяснить какие-либо спорные вопросы, жители соседних селений вынуждены обращаться к переводчикам, которые знают оба языка. Словом, подобно Дагестану, населенному разноязычными народами, Кафиристан представляет собой своего рода феномен.

В прошлом веке выдвигалась гипотеза, утверждавшая, что кафиры — потомки тех греков, которые вместе с Александром Македонским пришли, а затем и остались навсегда в этой стране. Словом, нет недостатка в разных теориях и предположениях относительно происхождения этого все еще загадочного народа.

Интерес к Кафиристану возник у европейцев давно. Самую большую заинтересованность в этом деле проявили англичане, которые, заняв Индию, вплотную приблизились к владениям кафиров.

Вплоть до конца XIX века только отдельные путешественники и миссионеры предпринимали робкие попытки проникнуть в Кафиристан, но их научная неподготовленность препятствовала достаточно глубокому и подлинно научному изучению этой страны и ее народа. А время неумолимо шло, приближая тот трагический момент, когда кабульский эмир Абдурахман силой оружия обратил «неверных», то есть немусульман-кафиров, в истинную веру — ислам. Пламя пожарищ и столбы черного дыма отметили путь военных карателей и фанатичных мулл, пытавшихся с невиданной жестокостью искоренить даже память о былой культуре «неверных». Сжигались древние святилища, низвергались со своих пьедесталов великолепные деревянные идолы, некогда заботливо установленные на кладбищах. Всех, кто не принимал новую религию, убивали; для новообращенных срочно строили мечети, рядом с которыми селили мулл, строго следивших за выполнением предписанных кораном ритуалов. Тысячи маленьких детей насильно были отняты у родителей и переселены в Кабул, где их учили начаткам мусульманской религии. И чтобы до конца стереть память об этой стране, Кафиристан был переименован в Нуристан, то есть «Страну света», подразумевая под этим страну исламского света.

Мало что сохранилось от первоначальной культуры кафиров, и еще меньше знали бы мы об этой стране,

если бы по счастливой случайности в Индию в конце XIX века не прибыл на военную службу молодой врач Георг Скотт Робертсон. По меткому выражению одного ученого, он сочетал в себе «острый взгляд туриста с энтузиазмом дилетанта», но, как бы то ни было, именно его энтузиазму мы обязаны теми сведениями о Кафиристане, которыми располагаем сейчас. Г. Робертсон впервые посетил эту страну в 1889 году и сразу же живо заинтересовался ее народом. В результате настойчивых просьб ему удалось получить от начальства разрешение в качестве политического агента Англии поехать в глубь страны и прожить там год. Сохранилась даже жалоба другого английского агента, который писал, что увлечение Г. Робертсона исследованием Кафиристана и разрешение его начальства поехать туда на год оставили Гильгит — область его бывшей деятельности — без медицинского персонала. Эта поездка была осуществлена всего за пять лет до кровавого похода эмира Абдурахмана. Иными словами, Г. Робертсон едва ли не единственный человек, кто не только посетил Кафиристан, но и прожил в нем целый год, застав здесь древние обычаи в том виде, в каком они сохранились до насильственного введения ислама. Это был первый европеец, который собственными глазами видел то, что уже не суждено было увидеть никому из европейцев. Он присутствовал на свадьбах и похоронах, на ритуальных плясках, он жил каждодневной жизнью кафиров, подчинявшихся древним обычаям своих предков. Иными словами, Г. Робертсону не нужно было под исламскими обрядами выискивать крохи истинно кафирских верований, да он бы и не смог этого сделать, не имея специального этнографического образования. За время своей жизни там он сумел подметить многое из того, что будет потом насильственно вытравлено из памяти кафиров мусульманскими завоевателями. Но счастливое пребывание его в Кафиристане было омрачено последними днями возвращения назад, в Индию. При переправе через Инд в бурных водах реки пропала часть дневников, а главное, фотографии — эти бесценные свидетельства, дающие возможность проконтролировать словесное описание. Несмотря на невосполнимую утрату части материалов, Г. Робертсон опубликовал в 1896 году книгу «Кафиры Гиндукуша», которая до сих пор представляет большой научный интерес.

Если англичане сумели первыми обрисовать общую картину быта и нравов кафиристанцев, то еще более основательную лепту в изучение этой проблемы внесли русские и советские ученые. Еще в 1921 году академик

Н. И. Вавилов предпринял научную экспедицию в Афганистан с целью поисков предков культурных злаков. Путь экспедиции пролегал через Бадахшан, откуда, двигаясь на юг, она прошла через центральную часть страны кафиров. Проведенные исследования позволили Н. И. Вавилову уточнить границы Кафиристана, ранее определявшиеся англичанами довольно неточно. Академик Вавилов дал первое научное геоботаническое описание страны, не утратившее своего значения до наших дней. О кафирах Н. И. Вавилов писал, что по внешнему виду они ближе стоят к таджикам, чем к собственно афганцам. Он считал, что кафиры — это люди, загнанные судьбой в непроходимые лесные чащи, в недоступные горные ущелья. Боясь вторжения врагов, они ушли в такие глухие места, куда заберется далеко не каждый человек. Именно предельной степенью изоляции от окружающего мира, видимо, и объясняются антропологические черты кафиров, такие, как белизна кожи, светлые волосы, голубые глаза.

В этой связи, бесспорно, особого интереса заслуживают первые в мировой практике широкомасштабные антропологические исследования, проведенные в послевоенное время в Кафиристане профессором Г. Ф. Дебецем, многие годы руководившим антропологическими исследованиями Института этнографии Академии наук СССР. Прибыв в эту горную местность по приглашению Кабульского университета, он особое внимание уделил изучению современного населения Кафиристана. По наблюдениям Дебеца, примерно около половины кафиров — это голубоглазые блондины, встречаются даже огненно рыжие, которые на первый взгляд больше напоминают европейцев, чем жителей Востока. Но это только на первый взгляд. Сравнительное изучение кафиров привело профессора Г. Ф. Дебеца к выводу, что по антропологическим признакам они ближе стоят к населению соседней Индии, чем к европейцам, однако и это еще не решает до конца проблемы их происхождения. Считается, что кафиры составляют восточную ветвь древнего индоевропейского населения, которая еще в третьем — втором тысячелетиях до н. э. могла проникнуть сюда через Среднюю Азию.

Насильственное обращение населения Кафиристана в ислам привело не только к уничтожению древних памятников их культуры, но и к забвению традиций, уходящих корнями в седую старину. Только книга Г. Робертсона до определенной степени восполняет пробел в наших знаниях о жизни доисламизированных кафиров. Итак, попробуем пройти сегодня по пути автора книги «Кафиры Гиндукуша». Быть может,

иногда нам удастся перенестись в прошлое и увидеть эту легендарную страну глазами очевидца прошлого столетия.

На высоте свыше двух тысяч метров над уровнем моря расположилось самое крупное, своего рода «столичное» селение Камдеш. Его необычные жилища, подобно ступеням, теснятся рядами по склонам гор, так что крыша одного дома служит двором для другого. Двух-трехэтажные дома стоят на каменных фундаментах и богато украшены великолепной деревянной резьбой. Солнце еще только поднимается из-за горных хребтов, а жители Камдеша уже давно приступили к своим повседневным делам. Первое, что поразило бы европейского путешественника XIX века,— так это то, что на полевые работы вышли не мужчины, а женщины. Взгромоздив деревянные плуги на плечи и погоняя медленно бредущих быков, они направились к своим полям. Правда, очистили землю от камней и упавших бревен мужчины, но, пожалуй, этим их роль в сельскохозяйственных работах и ограничилась. Оставим мужчин за их обычным делом — шитьем одежды и проследуем за их женами, которые приступили к пахоте, но опять-таки совершенно непривычным для других мест способом. Одна из женщин, взявшись за плуг, приготовилась провести первую борозду. А в это время ее напарница, действуя длинной палкой, прикрепленной к ярму быка, как рычагом, управляет животным, заставляя его двигаться в нужном направлении. Пройдя несколько раз по полю, женщины меняются местами. Этот уникальный и более нигде не засвидетельствованный способ пахоты уже давно вызывал изумление соседних народов, так что среди последних даже распространилось поверье, что в Кафиристане женщину запрягают в плуг вместе с быком!

Пока женщины заняты тяжелыми полевыми работами, мужчины собираются на сельской площади, где проводятся ритуальные танцы, обсуждаются и вершатся все общественные дела. Мысленно перенесемся в середину марта 1891 года, когда собравшиеся на площади должны были выбрать старейшин — джастов — и других должностных лиц. Под громкие ликующие крики на площади появляются претенденты на высокие должности, а впереди них — жертвенные животные, предназначенные для всеобщего угощения. Восторженные зрители ревнивым взглядом осматривают каждое животное, оценивая его достоинства или недостатки. В тени домов рассаживаются самые почетные и уважаемые люди деревни, рабы готовятся разводить костры. Около котлов распоряжаются родственники и просто

друзья будущего старейшины, дающего пир. Наконец настает самый ответственный момент — убой приведенных животных. Козлов медленно подводят одного за другим к молодому и сильному кафиру, который быстро схватывает его, перскидывает через стул, а затем перерезает горло. Пока длится вся эта процедура, вереница козлов спокойно ожидает своей очереди, животных гладят и ласкают, но всех ожидает один и тот же конец. После козлов наступает очередь быков. Быка подводят к жертвенному месту, где тот же кафир, схватив его за рога, пригибает голову животного к земле и небольшим узеньким топориком мгновенно наносит точный удар между рогов. Он быстро расправляется со всеми животными, и вскоре в больших каменных горшках, установленных на железных треногах, варится мясо для угощения всех жителей селения.

Сам хозяин пиршества стоит перед одним из котлов, подбавляя ветки в огонь, издавая какие-то возгласы и время от времени выплескивая кровь животных, собранную в чашу, в костер. Но вот мясо сварилось, и все приступают к общей трапезе. Гости живо рассаживаются на специально приготовленных бревнах, а женщины обносят их мясом, которое лежит у них в плетеных корзинках. Вот одна компания, завершив трапезу, не задерживаясь, встает и удаляется, а на ее место садятся вновь прибывшие, которые, деловито расправившись с мясом и даже не поблагодарив хозяина, тоже уходят по своим делам. Обычно так и заканчивается трапеза, но на этот раз хозяин решил превзойти самого себя. За несколько месяцев до описываемых событий, осенью, когда созрел виноград, из него было приготовлено сладкое вино.

Приготовление виноградного вина — очень интересное зрелище. Женщины в плетеных корзинах подносят виноградные гроздья, которые ссыпаются в специально выдолбленную в каменной породе яму. Под громкий смех и шутки присутствующих из числа мужчин выбирают одного. Ему тут же торжественно и очень тщательно обмывают ноги, после чего он приступает к своей работе: начинает давить ногами виноградные гроздья. Выжатый сок разливают по огромным кувшинам и ставят бродить.

И вот теперь на празднике этим вином обносят гостей. Этот широкий жест хозяина, угостившего присутствующих не только едой, но и вином, не мог не вызвать благодарность присутствующих. И действительно, вскоре один из гостей в цветистых, пышных выражениях начал расхваливать хозяина, подчеркивая

его храбрость и щедрость, богатство его семьи и высокое ее положение.

Еще более сложные ритуалы связаны с избранием главного старейшины. Кандидат на эту «должность» заранее освобождает от мебели самую большую комнату в своем доме, куда затем приглашает других старейшин села — джастов. Важно усевшись на приготовленные скамьи, они с видимым интересом наблюдают за кандидатом, который весь поглощен своими хлопотами. Стоя около пылающей жаровни, он бросает в огонь куски лепешек, пригоршнями ссыпает в огонь муку, а также брызгает туда вином и растительным маслом. Около порога сидит специально назначенный человек, который внимательно следит за открытой дверью. Как только в нее просовывается голова козла, приведенного на заклание, он тут же схватывает его и умерщвляет. Подставив чашу под струю крови, он сразу выплескивает ее в огонь. Специальный служака под звуки камышовых дудок и бой барабанов громко возносит хвалебные речи богам. Вот уже зарезаны семь козлов, головы их поставлены палиться около огня, сварено мясо, и джасты приступают к трапезе. По окончании трапезы кандидат становится старейшиной — джастом.

Теперь начинается еще одна важная ритуальная церемония, связанная с приобщением нового джаста к кругу особо влиятельных лиц. Присутствующего на пиру жреца усаживают в центре комнаты, наматывают на его голову пышный тюрбан, богато украшенный раковинами, красными стеклянными бусами, а спереди — веточками арчи. Его уши унизаны серьгами, на шею надето массивное ожерелье, а на кисти рук — браслеты. Длинная рубаха, доходящая до колен, свободно спускается на вышитые штаны, заправленные в сапоги с длинными голенищами. Поверх этой одежды наброшен яркий шелковый бадахшанский халат, в руке зажат плясовой ритуальный топорик.

Вот один из сидящих старейшин медленно встает и, обвязав голову белой материей, выступает вперед. Он снимает сапоги, тщательно моет руки и приступает к жертвоприношениям. Собственноручно заколов двух огромных горных козлов, он ловко подставляет под струю крови сосуд, а затем, подойдя к посвящаемому, чертит ему кровью на лбу какие-то знаки. Дверь в комнату отворяется, и служки вносят огромные карави хлеба с воткнутыми в них веточками горячей арчи. Эти караван трижды торжественно обносят вокруг посвящаемого. Затем после очередного обильного угощения наступает час ритуальных танцев. Несколь-

ким гостям раздают плясовые сапоги и специальные шарфы, которыми они перетягивают пояснуцу. Зажигают сосновые факелы, и начинаются ритуальные танцы и песнопения в честь многочисленных богов.

Мы вряд ли когда-нибудь узнаем об истинном значении подобных культовых церемоний. Сами кафиры, когда к ним обращались с такими вопросами, отделялись ничего не значащими ответами, и, похоже, они уже не знали, какой же смысл вкладывался в эти ритуалы их далекими предками. Вместе с тем совершенно очевидно, что огню в этих культовых обрядах отводилось едва ли не первостепенное значение. Здесь может проследживаться связь с ритуалами древних зороастрийцев (огнепоклонников), в верованиях которых огонь играл основную роль.

Итак, кафиры Гиндукуша исповедовали свою собственную религию, не похожую ни на одну из ныне известных. Но какую? Кроме огня они поклонялись еще своим деревянным идолам, с большим старанием вырезанным местными умельцами и выставленным в святилищах. Для религии кафилов характерно многобожие. Их пантеон включает множество богов и богинь, среди которых главное место занимает бог Имра. Помимо главных богов чуть ли не каждая деревня имеет своего собственного божка, который считается ее охранителем. Жители этой деревни поклоняются ему как главному богу. Помимо богов, по поверьям кафилов, мир населен множеством добрых и злых духов, которые беспрерывно борются друг с другом, что характерно для многих древних религий мира.

Во времена путешествия Робертсона главный храм Имры находился в одном из селений и представлял собой большое сооружение с квадратным портиком, крыша которого поддерживалась резными деревянными колоннами. Одни из колонн были сплошь украшены скульптурными головками баранов, другие имели только у основания одну вырезанную в круглом рельефе голову животного, рога которого, обвивая ствол колонны и перекрещиваясь, поднимались вверх, образуя своеобразную ажурную сетку. В ее пустых ячейках располагались скульптурные фигурки потешных чело-вечков.

Именно здесь, под портиком, на специальном камне, почерневшем от запекшейся крови, и совершались многочисленные жертвоприношения животных. Передний фасад храма имел семь дверей, знаменитых тем, что над каждой из них было устроено еще по одной маленькой дверце. Большие двери оказались наглухо закрытыми, лишь две боковые открывались, да и то в

особо торжественных случаях. Но главный интерес представляли створки дверей, украшенные тонкой резьбой и огромными рельефными фигурами, изображающими сидящего бога Имру. Особенно поражает лицо бога с огромным квадратным подбородком, доходящим почти до колен! Кроме фигур бога Имры фасад храма украшали изображения огромных голов коров и баранов. С противоположной стороны храма было установлено пять колоссальных фигур, поддерживавших его кровлю.

Обойдя вокруг храма и полюбовавшись его резной «рубашкой», заглянем через маленькое отверстие внутрь, что, однако, нужно сделать украдкой, чтобы не обидеть религиозных чувств кафиров. Посередине комнаты в прохладном сумраке можно разглядеть прямо на полу квадратный очаг, по углам которого установлены столбы, также покрытые изумительно тонкой резьбой, представляющей собой изображение человеческих лиц. На противоположной от входа стене устроен алтарь, обрамленный изображениями животных; в углу под специальным балдахином стоит деревянная статуя самого бога Имры. Остальные стены храма украшены резными шапками неправильной полусферической формы, посаженными на концы шестов. Храм Имры — это подлинный шедевр резьбы по дереву, потребовавший колоссальных затрат труда, и недаром сами кафиры называли его «дивным памятником во славу Имры».

Рядом с храмом, среди зарослей кустарников, густо покрывающих склон горы, у самой реки находится знаменитая пещера, которая, по местным поверьям, ведет напрямик в преисподнюю. Раз в несколько лет сюда приводят лошадь и приносят ее в жертву, причем обряд жертвоприношения сопровождается сложной церемонией, когда жрец, пятясь спиной ко входу в пещеру и не смея оглянуться, брызгает пригоршнями кровь жертвенной лошади в сторону входа в пещеру.

Отдельные храмы строились лишь для главных богов, а для второстепенных возводили одно святилище на несколько божков. Так, имелись небольшие храмики с резными окнами, из которых выглядывали лица разных деревянных идолов. Символика орнаментов кафиров, видимо, таила глубокий смысл, пока еще почти не разгаданной современной наукой, и уж тем более сложные культово-религиозные представления демонстрировала резная скульптура. Какие мифологические представления кроются, например, за изображением бога Мони с большими круглыми глазами и кошачьими усами, держащего в руках свою собственную голову, обрамленную длинными рогами? К сожален-

нию, у кафиров никогда не было своей письменности, которая могла бы донести до нас их древние предания. Следует лишь надеяться, что богатейшая коллекция резных изделий, собранная стараниями сотрудников Национального музея Афганистана, при внимательном изучении даст ключ к пониманию древних верований кафиров.

Не менее почитаемым, чем Имра, у кафиров был бог войны Гиша. Сравнение какого-либо кафира с Гишем считалось самым лестным, а сказать женщине, что она «жена Гиша», означало сделать самый приятный комплимент. Хотя храмы в честь Гиша далеко уступают в пышности храмам Имры, но алтари их также почернели от крови огромного числа принесенных ему в жертву быков и козлов. Празднества в честь бога Гиша продолжались до полумесяца. Вот как они протекали.

Ранним утром жителей деревни будит гром множества барабанов, и вскоре на узких кривых улочках появляется жрец с бешено звенящими металлическими колокольчиками. Вслед за жрецом движется толпа мальчишек, которым он время от времени бросает пригоршни орехов, а затем с притворной свирепостью бросается их прогонять. Аккомпанируя ему, дети подражают бляению козлов. Лицо жреца выбелено мукой и обмазано сверху маслом, в одной руке он держит колокольчики, в другой — секиру. Извиваясь и корчась, он потрясает колокольчиками и секирой, выделявая почти акробатические номера и сопровождая их ужасными криками. Наконец процессия подходит к святилищу бога Гиша, и взрослые участники торжественно располагаются полукругом возле жреца и сопровождающих его лиц. Вот в стороне за клубилась пыль, и показалось стадо из пятнадцати блеющих козлов, подгоняемых мальчишками. Выполнив свое дело, они сразу убегают подальше от взрослых, чтобы заняться детскими шалостями и играми. Мальчишки во все времена одинаковы!

Жрец подходит к горящему костру из веток кедра, дающих густой белый дым. Рядом стоят заранее приготовленные четыре деревянных сосуда с мукой, растопленным маслом, вином и водой. Жрец тщательно моет руки, снимает обувь, выливает несколько капель масла в огонь, затем трижды окропляет жертвенных козлов водой, приговаривая: «Будь чист». Приблизившись к закрытой двери святилища, он высыпает и выливает содержимое деревянных сосудов, произнося ритуальные заклинания. Прислуживающие жрецу молодые парни быстро перерезают горло козленку, собира-

ют брызнувшую кровь в сосуды, а жрец затем выплевывает ее в горящий огонь. В продолжение всей этой процедуры специальный человек, освещаемый отблесками огня, все время поет священные песни, что придает этой сцене оттенок особой торжественности.

Внезапно другой жрец срывает с себя шапку и, бросившись вперед, начинает дергаться, громко крича и бешено размахивая руками. Главный жрец пытается унять разошедшегося «коллегу», наконец тот успокаивается и, взмахнув еще несколько раз руками, надевает шапку и усаживается на свое место. Церемония заканчивается чтением стихов, после чего жрецы и все присутствующие касаются своих лбов концами пальцев и делают губами знак поцелуя, означающий религиозное приветствие святилищу.

К вечеру в полном изнеможении жрец заходит в первый попавшийся дом и отдает на хранение хозяину свои колокольчики, что является большой честью для последнего, и тот немедленно приказывает зарезать несколько козлов и устроить пир в честь жреца и его окружения. Так в продолжение двух недель с небольшими вариациями продолжаются торжества в честь бога Гиша.

Было бы утомительно перечислять все культовые торжества и церемонии в честь многочисленных богов Кафиристана. Но нельзя обойти молчанием погребальные обряды кафилов, многие особенности которых сохранились до сих пор.

...Казалось, утро 9 сентября 1891 года ничем не отличалось от обычных будничных дней, но на окраине селения Камдш наблюдалось сильное волнение. Еще совсем недавно молодые воины отправились в военный поход отомстить соседнему племени за старые обиды, как уже двое из них—юноши Нилира и Сунра—погибли в кровавой стычке. Тяжело нести по горным кручам тела убитых, но еще тяжелее оставить их на поругание врагам. Поэтому воины отрезали их головы и в знак особого почтения и уважения к павшим и их родителям принесли свою печальную ношу в родное село. Но еще раньше весть об этом достигла слуха безутешных в своем горе родителей. Огромная толпа, состоящая почти исключительно из женщин, с воплями, плачем и громкими рыданиями встречала печальных вестников на окраине селения. Похоронная процессия медленно и скорбно потянулась к домам родителей, где с величайшими предосторожностями поместили головы на специально приготовленные кровати. До середины дня родители и родственники покойных прощались с убитыми. К четырем часам около каждого дома снова

собралась большая толпа, и две траурные процессии из разных концов селения, неся кровати с головами юношей, двинулись к площадке для ритуальных танцев. Медленно колыхаясь над толпой, проплывали кровати-катафалки к месту последнего упокоения усопших. Кровати были так задрапированы яркими материями, что создавалось впечатление лежащих под ними тел. Наиболее уважаемые лица — джасты — расселись вокруг на низеньких скамейках, покрытых замысловатым резным узором, а остальные, в основном женщины, просто на земле. Лишь родственницы усопших уселись на края кроватей и принялись, согласно погребальным обычаям, раскачиваясь из стороны в сторону и тресая головами с распушенными волосами, громко взывать к умершим. Мужчины, в знак траура надевшие поверх обычной одежды козьи шкуры, также находились в похоронной толпе, плотным кольцом окружавшей обе кровати-катафалки.

Наконец по властному знаку одного из старейшин — хромого Астана — женщины сразу оборвали свои причитания, и наступила полная тишина. Астан выступил в середину круга и прерывающимся от горя голосом обратился с речью к усопшим, восхваляя их личную храбрость, а заодно и прославляя их семейства. Кончилась речь, и сразу забили барабаны. Под аккомпанемент камышовых дудок кровати были подняты на плечи. Не сговариваясь, толпа женщин образовала вокруг них правильный круг, и в такт музыке начались погребальные танцы. Только Астан и еще двое наиболее уважаемых в селении мужчин присоединились к танцующим женщинам. Лишь струящиеся из их глаз слезы указывали на то, что исполняется погребальный танец. Несведущему европейцу могло показаться, что это не погребение, а веселое празднество. В самом деле, под звуки дудок и бой барабанов толпа танцующих медленно двигалась вокруг кровати-катафалков, боком слева направо, подняв руки на уровень плеч. Растопырив пальцы, танцующие непрерывно поворачивали ладони сначала к себе, затем к покойникам. Для непосвященных это были ничего не значащие жесты, но для тех людей, что осенним сентябрьским днем танцевали в селении Камдеш, они были понятны: «ушли от нас».

Кончились пляски, кровати-катафалки опять поставили на землю. Снова завывали плакальщицы. Родственники усопших стали обносить присутствующих вином и освежительными напитками, что отчасти напоминало принятые у нас поминки. Наконец настал самый торжественный момент: толпа бережно подняла катафалки, и

траурная процессия медленно двинулась на окраину селения, к кладбищу. Но на полпути процессия разделилась. Мужчины в последний раз «воздушным поцелуем» простились с мертвыми и повернули назад, в село, так как входить на кладбище разрешалось только женщинам и рабам. И здесь произошло то, что никак не укладывается в наши современные понятия о погребении. Никто не рыл могильной ямы — деревянные гробы с телами умерших просто оставляли на кладбище, иногда под легким навесом. В этом, может быть, и проявлялся древнейший отголосок верований, сходных с зороастризмом. Согласно погребальным ритуалам зороастрийцев, тела умерших сначала выставлялись на специальные возвышения, где хищные звери и птицы очищали скелеты, и лишь по прошествии определенного времени кости собирались, ссыпались в керамические гробики-оссуарии и только после этого подвергались захоронению. Подобные обряды до сих пор практикуют последователи зороастризма, например, в некоторых районах Индии и кое-где на Среднем Востоке, а также в глухих уголках Кафиристана.

Уже в наше время американские исследователи, проникшие в Кафиристан, видели на кладбищах почти совершенно развалившиеся деревянные гробы с разрозненными костями внутри. В одном случае в таком гробу отсутствовал череп, зато рядом, в нескольких метрах от него, в земле находился сосуд с черепом, предположительно принадлежащий тому же скелету. Мы не знаем с точностью, как был захоронен этот череп; возможно, в данном случае один из жителей Кафиристана, недавно обращенный в мусульманство, таким способом решил примирить эти две религии. Взяв череп из гроба давно погребенного по кафирским ритуалам родственника, он мог перезахоронить его по мусульманскому обряду, предав земле если и не весь костяк, то череп скелета. Как бы то ни было, уникальные погребальные обряды кафиров Гиндукуша ближе всего к таупокойным ритуалам древних зороастрийцев, что, по-видимому, не случайно.

В самом деле, эти и другие обряды кафиров чрезвычайно близко напоминают культовые предписания зороастрийской религии, которая, как считают многие ученые, возникла в первом тысячелетии до н. э. в Средней Азии и примыкающих областях Северного Афганистана. Отсюда эта религия распространилась в Индию, Персию и другие страны Востока. Основные сведения о зороастрийской религии содержатся в священной книге под названием «Авеста», где описываются обряды, близкие к погребальным обрядам кафиров.

Глава III

По караванным тропам и современным дорогам Бактрии

От Кабула до Беграма

В очередной экспедиционный сезон, как всегда, выезжаем из Кабула ранним осенним утром. Еще только разжигают свои дымящие мангалы владельцы маленьких ресторанчиков, а водовозы спешат наполнить водопроводной водой кожаные бурдюки. Все дышит предрассветной тишиной, но пройдет час-другой, и кабульские улицы огласятся шумным говором спешащих на работу людей и пронзительными гудками ежесекундно сигнализирующих автомобилей, хотя подача сигналов в городе запрещена. Но все это будет потом, когда мы уже будем далеко. Вскоре за последними городскими домами начинается легкий подъем. Дорога вьется все выше и выше, направляясь к Гиндукушу, а затем к границе Советского Союза, до которой еще шестьсот километров. На окраине Кабула останавливаемся у бензоколонки, заливаем все баки, и теперь, уже натруженно урча, наши машины трогаются в путь. Преодолев невысокие холмы, попадаем в долину, зажатую со всех сторон горами.

Вот перед нами местечко Кохдаман с его необычной архитектурой. Вместо невзрачных глинобитных заборов, за которыми уютятся дома, мы видим разбросанные по долине крепостенки с высокими толстыми стенами. массивными угловыми башнями и большими деревянными воротами, окованными железными полосами. Общий облик и архитектурная планировка этих крепостенок удивительно напоминают крепости эпохи поздней бронзы, которые наша экспедиция обнаружила и раскопала в прошлые годы в Бактрии. Вот туда-то, в Бактрию, и движется в очередной раз наш экспедиционный караван. Несмотря на разделяющие их тридцать пять веков,

Сходство между этими сооружениями разительное. В эпоху бронзы, во втором тысячелетии до н. э., такие крепости имели жизненно важное значение: они должны были защищать их обитателей от возможной военной опасности, поэтому все внимание строителей было направлено на устройство максимально высоких и толстых оборонительных стен и башен. Теперь же, во второй половине XX века, современные мастера, возводя эти сооружения, отдают дань многовековым традициям и делают это с завидным искусством и подлинным талантом. Стены этих маленьких крепостей сплошь покрыты резным орнаментом, выполненным по еще сырой глине. Резные, углубленные орнаменты образуют причудливые узоры и целые панно. За этими геометрическими узорами скрываются глубокие символы, полные внутреннего смысла для древних, но почти совершенно непонятные нашим современникам.

Глядя на проплывающие мимо нас микрокрепости, я невольно вспомнил подобные сооружения, еще совсем недавно виденные мною в окрестностях Самарканда. Процессы интенсивной урбанизации привели к постепенному разрушению и исчезновению этих чудесных архитектурных сооружений далекого прошлого с их неповторимой стеной декорировкой. Позади уже семнадцать километров пути; мы въезжаем в селение Кала-Мурад-бек, жители которого славятся своими фирменными изделиями. Прямо около шоссе стоят многочисленные лавчонки гончаров. Здесь и разнообразие по формам сосуды, и трогательные в своей прямой непосредственности глиняные статуэтки лошадок, двугорбых верблюдов, от которых еще веет дыханием прошедших тысячелетий, а рядом глазурированные, со стилизованными «под Восток» орнаментами свечельницы, подсвечники, цветочные вазы, рассчитанные на заезжих туристов.

Машины минуют деревню, и перед нами открывается долина, от обочины шоссе до самого горизонта засажженная виноградниками. Это центр виноградарства всего Афганистана. Вдоль дороги разбросаны высокие глинобитные башни, производящие сначала впечатление старинных сторожевых вышек, с которых жители или лежащих селений оповещали друг друга о надвигающейся опасности. Но это только первое впечатление. На самом деле назначение их вполне мирное — это башни для сушки винограда. На длинных натянутых бечевках подвешиваются тяжелые гроздья винограда, которые обвеивает ветерок, постоянно циркулирующий внутри башни благодаря устройству сквозных окошек в толще стен. У обочины дороги пирамидами

высытятся дощатые ящики с сочными гроздьями винограда, приготовленного для продажи. Особенно славятся белые сорта винограда типа «райсинг», которые вывозятся в другие страны; в Индии этот сорт считается самым лучшим и дорогим. Черные сорта винограда сушатся в этих башнях и идут в основном на изготовление изюма. Тяжелые гроздья, упакованные в хлопковую вату, сохраняют свои вкусовые качества и неподражаемый аромат многие месяцы и экспортируются в другие страны Азии, а также в Европу, Америку.

Но вот за бортом машины проплывают последние виноградные лозы, и вскоре вдали появляются очертания города Чарикара — центра провинции Парван. Этот небольшой цветущий городок расположен в живописной долине. Кажется, ничто не указывает на существование здесь древних памятников, однако античные авторы с упорным постоянством говорят, что где-то тут Александром Македонским во время его великого похода был основан город Александрия-Опиана. Археологам еще предстоит проверить эти свидетельства специальными исследованиями. Но случайные находки римских монет говорят о том, что там было поселение и в более поздние времена. Современный Чарикар славится своими ювелирными лавками и особенно знаменитыми ножами, которые длинными, тяжелыми связками висают с потолков и горами громоздятся на прилавках магазинчиков. Каких только ножей здесь нет! Маленькие перочинные ножички с тонкой гравировкой соседствуют с массивными обоюдоострыми кинжалами, а рядом невольно воскрешающие в памяти оружие чикапских гангстеров ножи с кнопками, при легком нажатии которых из ручки стремительно вылетает стальное лезвие. Но нас Чарикар привлекает своими грубыми кухонными ножами с толстыми тупыми лезвиями и деревянными ручками. Через несколько дней они нам понадобятся на раскопках в Бактрии при расчистке древних стен.

Сокровища Беграма

Асфальтовое шоссе из Чарикара прямой стрелой летит на север, к предгорьям Гиндукуша. Но свернем по грунтовой дороге немного в сторону и сделаем маленькую остановку там, где в шестидесяти километрах от Кабула расположены величественные руины античного города Беграма. Установлено, что в древности город назывался Каписа и был столицей области Паропамисад. Прямоугольный в плане город занимал по тем масштабам большую площадь — около двадцати пяти

гектаров. Он был окружен мощными оборонительными стенами с боевыми башнями. Французские археологи не могли обойти вниманием этот замечательный памятник и в течение нескольких полевых сезонов вели здесь большие раскопки. Упорство и энергия, с которыми они раскапывали дворец правителя в Каписе, были вознаграждены великолепными находками.

Вот как это произошло. В последние дни очередного полевого сезона жена и ближайшая помощница начальника французской археологической экспедиции обратила внимание на узкий коридор, который почему-то не заканчивался обычным проходом в соседнее помещение, а упирался в глухую стену. Возникло подозрение, что стена закрывает замурованный вход в какие-то другие комнаты. Когда рабочие пробили стену, их глазам открылись настоящие сокровища античного искусства: римские стеклянные трехслойные сосуды, украшенные цветными рисунками, римские бронзовые скульптуры, изображающие Гиппократ, Геракла, всадников, и, наконец, явно привозные чернолаковые китайские коробочки.

Но конечно, подлинным украшением беграмской коллекции были всевозможные изделия из слоновой кости, покрытые тончайшей резной гравировкой. Вместе с небольшими костяными обкладками шкатулок и ларцов найдены были и более крупные изделия, например трон из слоновой кости, богато гравированный орнаментами. Хотя деревянная основа изделий давно истлела, а толщина костяных пластинок всего около двух миллиметров, на их поверхности тонким пунсоном нанесены рисунки, местами сохранившие окраску. Как правило, красная краска использовалась для фона, а черная — для контура изображений, реже для подчеркивания отдельных деталей, как, например, глаз или волос персонажей. Наиболее распространенный мотив — дама и служанка, почти обнаженные. Выдержан один канон женской красоты — округлая форма груди, тонкая талия и широкие бедра. Знатные дамы богато украшены тяжелыми браслетами не только у запястий, но и на предплечьях; мочки ушей тяжело оттянуты вниз серьгами. В целом же эти изображения представляют собой гимн женской красоте, чувственное восхваление женского тела.

Несмотря на то что замечательный клад Беграма был открыт почти полвека назад, до сих пор остается не совсем ясным его происхождение. Среди археологов нет единодушия в этом вопросе, высказываются самые разные предположения. Наиболее вероятной представляется гипотеза, согласно которой клад возник в

результате сбора правителем Беграма пошлины с караванов, следовавших через его земли. Купцы расплачивались товарами.

Но возвратимся в Чарикар и по асфальтированному шоссе последуем далее на север, к месту нашей основной цели — Бактрии. Дорога из Чарикара сразу резко идет вниз, к мосту, переброшенному через реку Горбанд, а затем круто поднимается вверх, вступая в пределы селения Пули-Матак, славящегося своими каменными сосудами и, кроме того, особыми сортами белых сыров. Если свернуть налево, на грунтовую горную дорогу, то через Шибарский перевал можно попасть в Бамианскую долину, знаменитую своими колоссальными глиняными статуями — одной из главных исторических достопримечательностей Афганистана.

В глубокой долине располагается небольшой провинциальный городок Бамиан. Вдоль его длинной центральной улицы вытянулись торговые лавки и чайные. В период между туристскими сезонами даже в базарные дни в лавках и чайных немногочисленно. Жители городка живут в основном за счет доходов от туризма. Здесь остро ощущается нехватка пахотных земель. Большинство владельцев имеют наделы всего в один-два гектара. Почти полное отсутствие агротехники приводит к низким урожаям пшеницы, овса, бобовых, картофеля. Правда, в самые последние годы найдены промышленные запасы каменного угля и высококачественной железной руды, что, видимо, позволит в недалеком будущем начать их интенсивную разработку.

Неподалеку от Бамиана, в пустынном районе на высоте три тысячи метров, располагается цепь озер под названием Банди-Амир. Главная их особенность — необычный цвет воды: от голубого до салатого и кремового. Самое большое озеро под названием Банди-Зульфикар, длиной почти семь километров, представляет собой чашу, заполненную ледяной водой, которая мощным потоком стекает на каменистое плато.

Сейчас здесь находится лишь несколько невзрачных туристских домиков и небольшой кемпинг. Туристический бум еще ждет своего часа. А пока вокруг раскинули свои шерстяные шатры кочевники, нашедшие тут временный приют.

Когда на обломках ими же разгромленного Греко-Бактрийского царства вчерашние кочевники-кушаны стали создавать свою собственную мировую империю, они заложили и основы распространения в Афганистане одной из древнейших религий мира — буддизма. Буддийские памятники, едва ли не самые многочисленные в

этой стране после более поздних мусульманских, известны в Кабулистане, Паропамисаде и Бактрии. Буддийские храмы, ступы и монастыри в Хаде, неподалеку от Джелалабада, в Тепе-Сардаре, в окрестностях города Газни, в Шотораке, около Беграма, не только не исчерпывают списка подобных памятников, но и намекают на многие десятки и сотни других, разбросанных по всей стране.

Но второго Бамиана нет не только в Афганистане, но и нигде более в мире. Представим себе широкую межгорную долину с протекающей по ее дну небольшой речушкой. Вокруг изумрудная зелень, дрожащая в колебаниях чистого горного воздуха; на склонах, примыкающих к долине гор, черными пятнами зияют входы в былые кельи монахов, а дальше виднеются контуры целого комплекса буддийских храмов. Около двух тысяч пещер, вырытых, хотя и в разное время, главным образом буддийскими монахами, чернеют в основании поднимающихся вокруг долины гор. Но бесспорно, центральное место в этой живописной панораме занимают две высеченные в специальных нишах в скале гигантские статуи Будды. Наиболее древняя статуя «малого Будды», достигающая тридцатипятиметровой высоты, возведена во II веке до н. э. Статуя «большого Будды» хотя и была высечена несколько позднее, но зато достигает пятидесяти трех метров. Бурная история страны шрамами запечатлелась на лицах этих колоссов. Считается, что именно арабы, принесшие сюда новую религию — ислам, запрещавшую изображение человека, преднамеренно изуродовали скульптуры, стесав их лица. Но росписи в нишах сохранились, и в частности изображение бодисатвы, окруженного полуобнаженными женскими фигурами. Расположенные около статуй пещеры местами также сохранили остатки цветных росписей и глиняных рельефов.

Мы едем дальше, приближаясь к сердцу Гиндукуша — перевалу Саланг. Крутыми виражами серпантина дорога устремляется все выше, кажется прямо к небу. С правой стороны поднимается отвесная стена скал, слева внизу течет река Саланг, белоснежные волны которой, завихряясь, ударяются о лежащие в русле каменные глыбы. Среди кипящих бурунов вдруг блеснет пятнистым боком выскочившая форель. Первозданная красота природы порождает желание задержаться здесь подольше. И невольно закрадывается сомнение, а стоит ли ехать дальше, в пыльные и шумные города, не лучше ли пожить здесь, на природе, как обитатели этих маленьких деревушек, которые, как ласточкины гнезда,

прилепились к склонам гор. Попастъ в эти деревушки можно, лишь перейдя по мостику-бревну, перекинутому над бурлящей речкой. Такая акробатика не под силу нам, горожанам. А здесь на твоих глазах детишки играючи перебегают по нему, даже не глядя вниз, в этот бушующий водный хаос. Наполненный ароматом отцветших трав воздух дрожит над рекой и сгущается в ущельях, уже затянутых сиреневыми тенями наступающего вечера. Косые солнечные лучи тонут и растворяются в их глубине. Райское место зовет и манит, но долг превыше всего, и никто из нас, конечно, не может остановиться здесь даже на ночлег, нужно спешить вперед на раскопки, о которых столько было передумано после прошлого экспедиционного сезона.

Перевал Саланг

Еще задолго до самого перевала начинаешь чувствовать дыхание зимы. Здесь, на высоте более трех тысяч метров, осень давно кончилась. Снежные вихри залепляют ветровое стекло, ледяной вестер затрудняет дыхание, скорость движения падает. Сквозь снежную пленку встают острые пики голых скал. Кажется, что они окружают тебя глухой стеной каменного склепа. Фантастическая и даже жуткая картина! Мощные хребты то расступаются, и дорога опять идет по дну широкого ущелья, то, наоборот, настолько сближаются, что почти не остается места асфальтированной ленте шоссе.

Суровый и неприветливый осенью и зимой, летом Саланг производит не такое мрачное впечатление. Сложенные из гранитов и мраморов, сланцев и известняков горы, даже голые и безлесые, поражают разнообразием оттенков пород, и пейзаж выглядит светлее и радостней.

Гиндукуш, через который проходит перевал Саланг, обладает залежами угля, железа, меди, хрома, серы, полудрагоценных камней. Но нередко эти природные богатства расположены в таких труднодоступных местах, что добыча их, а главное, транспортировка связаны с большими техническими трудностями.

Скальные ущелья и горные кряжи служат местом обитания многих видов птиц и животных, часть которых включена в Красную книгу, как, например, снежный барс—ирбис. Горные козлы и волки, кабаны и медведи, рыси и барсы—вот далеко не полный перечень обитателей Гиндукуша. Долины Саланга, лежащие в нижней части перевала, богаты орешником, тутовником и в особенности лекарственными растениями, в том

числе облепихой. Богатейшая флора Гиндукуша — неиссякаемый кладезь лекарственных растений. Они собираются и используются в народной медицине и даже экспортируются. В 70-х годах специалисты из МГУ, проделав огромную работу, выявили около тысячи видов лекарственных растений, список которых был передан Министерству здравоохранения Афганистана.

Но вот последние, самые крутые и опасные подъемы преодолены, и мы почти у перевала. Сначала на это указывают первые железобетонные галереи, устроенные в местах схода крупных снежных лавин и предохраняющие дорогу от заносов. Наконец впереди последняя широкая площадка и перед ней полуциркулярный свод, отмечающий вход в трехкилометровый туннель, пробитый в сплошной скальной тверди совместными усилиями советских и афганских специалистов. Строительство туннеля началось в 1958 году, но лишь в 1964 году состоялось его открытие, что объяснялось большими техническими трудностями. В самом деле, на высоте более трех тысяч метров над уровнем моря предстояло соорудить туннель, по которому могло бы круглосуточно проходить двустороннее движение автомашин. Если учесть, что это единственный путь, связывающий север страны с центром единственным средством транспорта — автомобилем, то станут понятными вся грандиозность замысла и те колоссальные выгоды, которые получила страна от его эксплуатации. Ежедневно сотни, если не тысячи автомашин, и в первую очередь грузовых, двигаются в обоих направлениях, перевоза большое количество необходимых стране грузов. Эксплуатация туннеля требует тщательного надзора и ухода. Особенно много забот по поддержанию движения по туннелю доставляют зимние месяцы, когда дорога заносится снегом и лишь бульдозеры могут очищать ее от высоченных сугробов. Круглосуточно в туннеле должно поддерживаться электрическое освещение. Саланг требует большого к себе внимания и соответствующих материальных затрат. Для компенсации их правительство взимает особую плату со всех автомашин, для чего на дороге поставлены специальные шлагбаумы и посты. Но все эти трудности окупаются полученными от его строительства выгодами. Достаточно сказать, что французские археологи добились из Кабула в Мазари-Шариф около месяца, а мы сейчас можем сделать это за один день. В самом деле, теперь почти на двести километров сократилась дорога, связывавшая южные склоны Гиндукуша с северными, не говоря уже о том, что она стала комфортабельной. Словом, туннель Саланг — уникальное сооружение, ко-

торое может служить не только образцом технического прогресса человечества, но и примером дружбы двух соседних народов — советского и афганского.

Перевалив Саланг, вступаем в пределы Северного Афганистана, простирающегося от Гиндукуша до Амударьи. Постепенно снежные языки на шоссе сменяются лужами, а потом и они пропадают. Горы переходят во всхолмления, а затем в плоскогорье с густыми зарослями можжевельника и фисташки. Северный Афганистан издревле был житницей страны. Лёссовидные почвы, богато орошаемые стекающими с предгорий Гиндукуша ручьями и речушками, создают здесь настоящий рай для земледельцев и скотоводов. На покрытых сочной травой лугах пасутся не только местные стада. Сюда пригоняют свой скот кочевники из разных районов Афганистана. Бесчисленные стада коз и отары овец составляют неотъемлемую часть пейзажа Северного Афганистана. Население этого района в основном тюркоязычное: узбеки, туркмены, в меньшей степени пуштуны и хазарейцы.

Не только благоприятные природные условия, но и трудолюбие крестьян, обрабатывающих каждый пригодный для земледелия клочок земли, способствовали сельскохозяйственному развитию этого района. В Северном Афганистане пахотные земли составляют 40 процентов всех земель. В этой части страны сосредоточено почти все производство хлопка, половина производства изюма, большая часть сбора пшеницы, риса, граната, практически все поголовье каракульских овец и свыше 70 процентов мелкого рогатого скота. Одним словом, трудно переоценить экономическое значение Северного Афганистана в народном хозяйстве страны.

Первый крупный город после Саланга, уже на северной стороне перевала, — Пули-Хумри. В нем имеется хлопчатобумажная фабрика, цементный завод, гидроэлектростанция и крупный элеватор. Этот город не менее знаменит и своими древними памятниками, среди которых первое место занимает храм Сурхкотал. Любопытна история открытия храма. Когда проектировалась главная автомагистраль из Пули-Хумри в сторону Мазари-Шарифа, трасса ее должна была пройти через холм Сурхкотал. Инженеры, приступившие в конце 50-х годов к изыскательским работам, обнаружили в основании холма плиту с греческой надписью. Они сфотографировали плиту и послали ее фотографию во французскую археологическую миссию в Кабуле, одновременно приостановив работы. Научная значимость надписи была оценена по достоинству. Уже на следующий год трасса дороги была перенесена в сторону, где

она и пролегает сейчас, а французские археологи приступили к многолетним раскопкам Сурхкотала. понадобилось пять лет работ, пока археологам посчастливилось найти огромную каменную плиту, перевернув которую они обнаружили на ее лицевой стороне многострочную надпись. Раскопки показали, что в древности на вершине холма Сурхкотал располагался храм, укрепленный вокруг обводной стеной с башнями. Археологам удалось раскопать остатки этого храма с центральным святилищем и анфиладой помещений. Внешние стены и главные архитектурные сооружения были построены из сырцовых кирпичей и облицованы снаружи каменными блоками. В стенах главного двора, в специальных нишах, были установлены монументальные статуи из необожженной раскрашенной глины и мягкого известняка. К сожалению, время, а может, все те же арабы, принесшие на своих копьях новую мусульманскую религию с ее фанатичным неприятием антропоморфных изображений, превратили глиняные статуи в мелкие, безнадежно раскрошенные обломки. Больше повезло известняковым изваяниям, которые дошли до нас в лучшем состоянии. Одна из этих статуй условно определяется как изображение кушанского царя Канишки и сейчас находится в Национальном музее Афганистана.

Многострочная надпись на найденной археологами в начале раскопок плите была сделана древнегреческими буквами. Это очень обрадовало археологов, но их радость быстро уступила место разочарованию. Оказалось, что кушаны, не имея своей собственной письменности, использовали греческий алфавит для передачи своего языка. Это напоминает ситуацию, как если бы мы хотели написать письмо на русском языке, но латинскими буквами. Все это чрезвычайно затруднило расшифровку первой и тогда единственной надписи, которая не доведена до конца и до сих пор. Вообще же район Сурхкотала, видимо, был религиозным центром уже в очень отдаленные времена, так как в других обнаруженных здесь надписях неоднократно упоминается название «Баглам», которое специалисты переводят как «храм, алтарь, святилище». Дело в том, что это слово упоминают средневековые авторы X века, когда речь идет об области, где до сих пор расположен городок Баглан, сохранивший свое наименование на протяжении почти двух тысяч лет.

Еще больше интригующих загадок ставят перед археологами результаты других раскопок Сурхкотала. Согласно первой надписи, все это сооружение на холме называлось «храм Канишки-Победителя», и здесь воз-

никает противоречие. Дело в том, что правитель кушан Канишка известен как ревностный проповедник буддизма в своей стране. В таком случае храм Сурхкотал должен быть построен в соответствии с предписаниями буддийской религии. Но всё, что археологи обнаружили здесь, представляет собой смесь древнеиранских и греческих, но отнюдь не индийских традиций. Покойный руководитель раскопок Сурхкотала, талантливый востоковед Д. Шлюмберже после многолетнего изучения находок назвал это искусство греко-иранским, в чем с ним можно полностью согласиться.

Но это само по себе очень верное и точное определение не решает проблемы в целом: почему же ревностный приверженец буддизма построил храм в таком стиле? Строители возвели типичный древнеиранский алтарь огня внутри крепости, но окружили его чисто греческим портиком и колоннами с коринфскими капителями. Очевидно, все дело в чрезвычайно широкой веротерпимости кушан и их консервативной приверженности к старым культам. Даже на своих монетах царь Канишка показан в окружении тридцати божеств греческого, иранского и буддийского пантеонов. Из этого документального факта специалистами был сделан вполне логический вывод, что Сурхкотал—это династийный храм, посвященный Канишке и его обожествленным предкам. Иными словами, в Сурхкотале поклонялись статуарным изображениям кушанских правителей, в том числе, возможно, самому Канишке, выступавшему уже в роли божества.

Но и при этом допущении показательно, что изображения своих обожествленных правителей кушаны одевают не в индийские, а в типично иранские костюмы—длинные до колен кафтаны с наброшенными поверх них халатами, застегивающимися у горла специальными застежками, то есть именно в те одежды, которые демонстрируют царские захоронения ранних кушан в Тилля-тепе, о чем речь пойдет дальше.

Оставляя слева величественные развалины Сурхкотала, мы продолжаем свой путь далее на север по направлению к Мазари-Шарифу. Через несколько часов мы подъезжаем к небольшому старинному городу Самангану. Уже в 630 году н. э. один китайский пилигрим упоминает этот город, а арабы отмечают его красивую оборную мечеть. Во времена нашествия Чингисхана он был полностью разрушен, затем снова отстроен, однако при Тимуре этот многострадальный город опять лежал в руинах. Сейчас это небольшой, чистый, хорошо распланированный городок, славящийся своим парком, базаром, двумя мавзолеями.

Менее чем в двух километрах от центра города располагается буддийская ступа и монастырь с местным названием Тахти-Рустам (трон Рустама). Эта ступа заинтересовала сначала французских, а позднее японских археологов. Благодаря их исследованиям было обнаружено несколько пещер буддийских монахов, которые обслуживали приезжавших сюда паломников. Ступа высечена из черного гранита и окружена глубоким рвом с единственным проходом в северной части. Создается впечатление, что строители как бы предвидели варварские нравы некоторых современных туристов и постарались обезопасить ступу от любителей автографов, оставив лишь один проход к ней.

Неподалеку от монастыря расположено местечко Хазарсум, что означает «тысяча пещер». Оно представляет собой небольшую долину, окруженную амфитеатром скальных предгорий, густо заросших кустарником. В 1962 году итальянские археологи—специалисты по буддизму раскопали здесь не менее двухсот пещер-квартир, в которых когда-то жили буддийские пилигримы. Каждая жилая пещера состояла из передней, центральной комнаты с очагом и спальней позади нее. Стены были тщательно покрыты глиняной штукатуркой, на которой сохранились начертанные геометрические фигуры и реже фигуры животных. Но каково же оказалось удивление археологов, когда здесь же под лопатами рабочих вдруг неожиданно появились кремневые отщепы, а затем и кремневые орудия людей неолитического времени. Дополнительные исследования позволили установить, что еще задолго до буддийских монахов это благодатное место было облюбовано людьми новокаменного века. Здесь находились их временные сезонные стоянки, которые они оставили, когда в поисках более удобных охотничьих угодий перешли на новое место. Прошли тысячелетия, и буддийские монахи, по достоинству оценив эту райскую долину, устроили тут настоящий «пещерный городок».

Ущелье Александра Македонского — ворота в Бактрию

Наши машины давно перевалили последние скальные гряды предгорий Гиндукуша, вокруг почти до горизонта расстилаются ровные речные долины с аккуратно нарезанными участками пахотных, тщательно возделанных земель. Изменился не только окружающий ландшафт, но и люди, которые встречаются по обочинам дороги и в селениях. Длинные рубахи, свободно ниспадающие поверх широких, со множеством складок штаточков, постепенно сменяются цветастыми полосатыми

халатами, этой типичной одеждой тюркоязычных народов. Если приглядеться внимательно, то можно заметить и постепенную смену одного антропологического типа другим. Словом, ираноязычное население постепенно заменяется тюркоязычным, то есть местными узбеками и туркменами, составляющими основную часть жителей Северного Афганистана. Правда, заливные луга и изобилие травы привлекают сюда кочевое население с его многочисленными стадами и из других частей страны, но после сезонной перекочевки они снова уходят на свои традиционные обжитые места.

Кажется, что последние отроги Гиндукуша остались позади и мы уже долго не увидим гор, как вдруг неожиданно впереди снова появляются зубчатые силуэты новой горной цепи. Снова экспедиционные машины петляют по серпантину дорог, и вдруг скалы, словно по волшебству, раздвигаются, образуя узкий, как бы рассеченный гигантским мечом, проход всего около тридцати метров шириной. Он стиснут двумя отвесными скалами, вершины которых, кажется, уходят в самое поднебесье. Видимо, не только на нас производит такое впечатление это ущелье. Существует легенда, что Александр Македонский, или Искандер Зулькарнаин, как его называют на Востоке, совершая свой победоносный Восточный поход, вдруг остановился перед неприступной горной грядой, преградившей ему путь. Не раздумывая, он рассек ее своим волшебным мечом. Отчего у местного населения это место иногда называется воротами Искандера. Машины проскакивают узкое ущелье, и невольно из груди вырывается вздох облегчения — пронесло и на этот раз (здесь часто бывают обвалы). Отсюда и начинается великая Бактрийская равнина. Первым нас встречает небольшой, но уютный город Ташкурган, он же Хульм.

Этот город, расположенный у входа на Бактрийскую равнину и контролирующий все ведущие сюда дороги, в прошлом долгое время был центром узбекских ханств. Так продолжалось до середины XVIII века, когда Ахмад-шах Дурани разрушил Хульм и основал неподалеку город Ташкурган. После объединения Афганистана под властью кабульских правителей значение Ташкургана падает. Политическим центром Северного Афганистана становится Мазари-Шариф. На окраине Ташкургана высится величественная цитадель, которая еще до 1845 года являлась резиденцией независимых узбекских ханов. На фоне заходящего солнца эффектно выделяются полуобвалившиеся крепостные стены, и в особенности круглые боевые башни, некогда

представлявшие собой грозные фортификационные сооружения, вознесенные на высоченную платформу.

Крытый базар Ташкургана

Ташкурган — небольшой, но достаточно хорошо распланированный и буквально утопающий в зелени город. За высокими глухими дувалами не видно домов, выступают лишь верхушки деревьев. Свежий горный воздух, чистая вода бурной речушки Хульм, плодородные почвы, трудолюбие населения — все это, вместе взятое, снискало заслуженную славу местному инжиру и в особенности гранатам за пределами Бактрийской равнины. Но самая известная достопримечательность города — его крытый базар. Он начинается прямо с узких улочек, имеющих легкое дощатое перекрытие, опирающееся на грубообтесанные балки. Даже в сильную жару здесь относительно прохладно. Вдоль улицы по обеим ее сторонам тянутся ряды крошечных лавочек, забитых разными товарами, которые часто изготавливаются тут же, на месте. Здесь же располагаются сапожные, кузнечные, ювелирные мастерские. Крытые улочки сходятся к круглой площадке с купольной крышей — это и есть центральная часть крытого базара Ташкургана.

Вторая достопримечательность Ташкургана — дворец, выстроенный эмиром Абдуррахманом около ста лет назад. По справедливому мнению специалистов, это провинциальная копия кабульского Баги-Бала, построенного этим же правителем. Многочисленные обширные залы дворца богато облицованы мраморными плитами, но сами интерьеры представляют грубую подделку под оригинальную кабульскую архитектуру. Фасад дворца обращен к роскошному парку, в центре которого расположен огромный бассейн, облицованный мрамором. Проточная вода поступает в него из специально подведенного арыка. Парк окружен высоченными стенами с круглыми башнями по углам и массивными деревянными воротами. Дворец сильно пострадал после землетрясения, местами появились трещины в парадных залах, частично обвалилась стена, но и сейчас еще, вступая в ворота парка из знойного, пыльного города, вы оказываетесь в царстве прохлады и тишины. Тихо шумят старые чинары, листья, медленно кружась, опускаются на голубую гладь зеркала бассейна. По бокам от главной аллеи располагаются заботливо подстриженные кустарники и яркие клумбы. Тишину прерывают лишь птичьи голоса да легкий плеск воды, стекающей из арыка.

Вокруг Ташкургана разбросано множество больших и малых холмов, скрывающих руины древних городов. Первые раскопки здесь были предприняты много лет назад французскими археологами, раскопавшими античный город Шахри-Бану. Продолжаются они и по сей день, но уже местными кладоискателями. Если забрешься на древний акрополь города, то увидишь, что до самого горизонта тянутся бесчисленные отвалы накопанной земли, а рядом зияют воронки кладоискательских ям. Нередко можно заметить медленно бредущего среди руин человека, тянущего за повод своего коня. Глаза человека пытливо ощупывают каждую пядь земли в поисках затерявшейся в траве монеты или яркой бусины. В другом месте молча и методично копают землю два жителя близлежащего кишлака в надежде найти то «жемчужное зерно», что манило и разжигало воображение кладоискателей всех времен и континентов.

От Ташкургана до Мазари-Шарифа

Из Ташкургана мы продолжаем свой путь к главному городу Северного Афганистана — Мазари-Шарифу. За спиной у нас теряющиеся в предвечерней дымке горы, впереди — ровная гладь степи с выжженной травой; лишь на несколько весенних дней она расцветивается ярко-красными головками маков, а затем опять до следующей весны всюду стелется только желтая, выгоревшая трава. Дорога, приближаясь к Мазари-Шарифу, все ближе подходит к левобережью Амударьи, где некогда, по уверениям древних авторов, в густозаросших тугаях бродили бесчисленные стада оленей и кабанов, за которыми следовали стаи волков и даже как будто бы водились львы. По крайней мере о львах в соседнем Туркестане упоминают китайские хроники на рубеже новой эры. Известно, что в 87 году кушанские послы вывезли отсюда львов в подарок китайскому двору. Имеются глухие сведения, что где-то здесь в 1256 году охотился на львов сын Чингисхана — Хулагу; упоминает о львах и великий путешественник Марко Поло, а также авторы XV века.

Пребывая в раздумье о достоверности подобных сведений, не замечаем, как вдруг впереди появляется предместье Мазари-Шарифа. Вплоть до конца XIX века это был сравнительно небольшой городок. Он неожиданно возвысился только из-за того, что в административно более важном тогда соседнем городе Балхе вспыхнула эпидемия холеры. Возможно, потому, что город разрастался не стихийно, а по одному, хорошо

продуманному плану, Мазари-Шариф выгодно отличается своей благоустроенностью от многих городов Афганистана. В средние века на этом месте располагалась обычная деревушка Хайр, которая своим возвышением в ранг города обязана стараниям сельджукского султана Санджара, повелевшего в 1136 году выстроить здесь пышную гробницу, то есть мазар, в которой, по преданию, похоронен наиболее почитаемый среди мусульман-шиитов святой — Али. Правда, в Ираке, в Наджафе, также имеется гробница этого святого, а, какая из них является подлинной, это уж личное дело паломников. Но независимо от этого вокруг мазара постепенно сложился сам город, который получил название Мазари-Шариф, то есть «Святая гробница». Первоначальный мавзолей был почти полностью разрушен ордами Чингисхана и лежал в руинах, когда его посетил правитель Герата, последний представитель династии Тимуридов Хусейн Байкара, которому попалась на глаза надпись: «Это могила льва Аллаха, святого Али». Он повелел заново восстановить мазар, строительство которого закончилось в 1481 году: в таком виде этот замечательный памятник архитектуры дошел до нашего времени. Пожалуй, это самое величественное средневековое сооружение во всем Афганистане. Оно состоит из самого мавзолея, площадок для молитв, часовен и огромной мечети, построенной уже в наши дни. Весь этот грандиозный комплекс одет в мозаичную «рубашку», расцветочную замысловатыми орнаментами арабесок, представляющими, как известно, стилизованные изречения из Корана. Высокие минареты и массивные полусферические купола подавляют верующего своим величием, вызывая у него невольное чувство приниженности и покорности судьбе.

Но служители культа не забывают и о материальной стороне дела. У входа в гробницу специальная надпись указывает, какую плату следует взимать с иностранных туристов за вход и какую — дополнительную — за право фотографировать. Даже из такой достопримечательности, как тысячи белых голубей, живущих около гробницы, извлекается выгода. Уже с раннего утра здесь раскладывают свои лотки торговцы птичьим кормом. Благочестивые паломники всегда могут купить горсть корма и, медленно рассыпая его перед собой, мгновенно почти исчезнуть под белыми хлопьями голубиных крыльев.

Ковровая империя

Кто был в Афганистане, тот не мог не запомнить длинные ряды лавок, забитых тугоскатанными рулона-

ми ярко-красных ковров. Афганистан — один из крупнейших экспортеров ковров, которые расходятся более чем в двадцать стран мира. Англия и ФРГ, США и Италия, Швеция и Швейцария закупают здесь чудесные ковры, которые затем становятся подлинным украшением не только богатых людей, но и музейных коллекций. Когда говорят о коврах Афганистана, в первую очередь упоминается главный центр ковроткачества — город Акча, почти сплошь населенный туркменами. Вот туда мы и отправляемся сейчас. В обычные дни Акча — тихий провинциальный городок с широкой центральной улицей и отходящими от нее боковыми улочками. В лавках-дуканах дремлют их хозяева, нет покупателей — нет и работы, а значит, и прибыли.

Лишь в чайханах еще теплится жизнь. Вот усталый путник, размотав чалму и обтерев ее концом вспотевшее лицо, утоляет жажду, а заодно и спасается от жары за пиалой чая. Под помостом худющие, голодные собаки, зло огрызаясь, в который раз обглаживают давно уже начисто объеденные кости. Тишина, пыль, жара. Так бывает во все дни недели, но только не в четверг — базарный день, когда улицы и площади заполняют толпы людей. В этот день продают и покупают ковры, и к этому праздничному торжищу готовятся не только горожане, но и жители близлежащих и даже дальних деревень. Идут и стар и млад. Многие месяцы, а то и годы в невзрачных деревенских домах женщины-туркменки занимаются поистине адской работой — ковроткачеством. Долгое время все члены семьи живут надеждой на продажу ковра. Заранее распределяются деньги на уплату долгов за шерстяную нить и краски, на нужды семьи — словом, на все, чем жила и будет дальше жить семья. Наконец ковер закончен. В ближайший базарный день на попутной машине, а то и верхом на лошади или ослике хозяин, бережно закатав в рулон ковер, под доброе напутствие домочадцев отправляется в Акчу.

Уже с раннего утра по всем дорогам, ведущим к воротам города, направляются люди. Базарный день — это больше чем просто выходной день. Здесь встречаются добрые знакомые поговорить «о жизни» и вовсе незнакомые, кто купить, кто продать. Здесь идет обмен новостями от сугубо личных, семейных до местных и даже общегосударственных. Словом, все мужское население, раздетое в самые лучшие свои цветастые халаты, отправляется на великое торжище в Акчу.

У городских ворот их встречают стерегущие каждый новый ковер перекупщики. Их легко узнать по богатому, нередко шелковому халату, белоснежной

чалме, легким кожаным сапожкам. За пазухой у них толстые пачки денег, заметные даже непосвященному. Быстрым, зорким, оценивающим взглядом осматривают они каждого вступающего в город, но особенно тех, у кого через плечо переброшены привезенные на продажу ковры. Многих из них они знают в лицо, здороваются, смеются, ведут, казалось бы, незначительные разговоры, а глаза выхватывают все новые ковры, выделяя самые лучшие, дорогие.

Владельцы ковров проходят мимо них, невольно сжавшись от страха: не прогадать бы, не продешевить. Вдруг ястребиный взгляд перекупщика останавливается на оборванном бедняке, несущем на спине единственное свое достояние, выстраданное муками, полуголодным существованием, каждодневным трудом согнутых спин над ковровым станком,— ярко-красное чудо, расцвеченное сказочными узорами. Перекупщик останавливает бедняка и повелительно, но вместе с тем как бы оказывая ему величайшую милость приказывает показать ковер. Прямо тут же, на пыльной, проезжей дороге, расстилается почти волшебный по изумительной красоте ковер. Луч солнца из-за деревьев скользнул по нему, и вдруг ярко-красные пятна побежали по его ворсистой поверхности. Растворилась одна искра, за ней волнами набегают новые, и уже кажется, что ковер охвачен настоящим пламенем. Скорчив недовольную мину и вынув рулетку, перекупщик начинает обмеривать ковер и, медленно сворачивая ее, наконец называет смехотворно низкую цену. Владелец ковра, не раздумывая, как бы автоматически выпаливает свою цену, которую он твердил вот уже много месяцев в ожидании сладостного мига— базарного дня в Акче. Кажется, впервые он здесь не в качестве зеваки с несколькими медяками в кармане, которого ни один лавочник не принимает за покупателя, а центральная фигура, вокруг которой собрались такие же, как он, бедняки со своими коврами, а то и просто праздничношагающие, которые приходят на базар каждый четверг.

Начинается яростный торг, настоящее театрализованное представление, причем главным актером выступает, конечно, перекупщик. Для него это не случайный эпизод, а еженедельный спектакль, где ему, чтобы заработать свой куртаж, необходимо оглушить, заговорить, осмеять, обкричать продавца. Перекупщик в который раз брезгливо ощупывает ковер, утверждая, что в нем слишком много хлопковых, а не шерстяных нитей, на что бедняк тихо, но твердо возражает: «Покажи, где на этом базаре есть хоть один ковер без хлопковой примеси». Перекупщик безжалостно топчет

пыльными сапожищами ковер и, оставляя на его нежно-красной поверхности безобразные, гадкие следы, в который раз обмеривает ковер, пытаясь уличить продавца в обмане на несколько сантиметров. А вокруг все разрастается толпа. Для зевак это праздничное развлечение, для других продавцов — хороший урок того, как нужно будет им вести себя в подобной ситуации. Крик, шум, шутки, советы, смех. Оглушенный продавец понемногу сбрасывает цену, а перекупщик набавляет, но до окончательного согласия еще очень далеко. Веселый, сытый, уверенный в себе перекупщик шутит, высмеивает своего контрагента, обращается за сочувствием к толпе, взывает к аллаху, к совести, но, конечно, не к своей.

Наконец как последний аргумент он вытаскивает из-за пазухи оглоблей свернутую пачку засаленных ассигнаций, пытаясь их «живым» веером соблазнить бедняка, не видевшего последние месяцы ничего, кроме медяков-полушек. Страсти доходят до точки кипения. Толпа ждет, кто же победит в этой словесной дуэли, и это напоминает чувство зрителей на трибунах во время острого футбольного матча. Больше часа идет игра, а еще ни в одни ворота не забито ни одного гола. Игра потеряла всякий интерес, и разочарованные болельщики уже согласны, чтобы за бездарную игру гол забили их любимой команде. Нечто подобное в психологическом плане происходит и здесь, на акцинном базаре. Кажется, перекупщик уже потерял всякий интерес к этому коврику, засунул деньги назад за пазуху и, уже выбрав новую жертву, останавливает ее, повелительно приказывая расстелить ковер для осмотра. Первый продавец под лицемерные и сочувственные советы зевак начинает аккуратно скатывать ковер в рулон, мысленно ругая себя за несговорчивость, но не успевает он завернуть его до конца, как нога перекупщика снова наступает на угол ковра.

Снова разворачивается ковер, и снова начинается яростная торговля. Перекупщик насильно разжимает ладонь бедняка и сует туда скомканную и оттого кажущуюся невероятно большой пачку денег, но продавец все еще не сжимает пальцы и не берет ее. Гола все еще нет ни в те, ни в другие ворота. Возмущенные зрители, а среди них многие такие же бедняки, принесшие свои единственные ковры на продажу, начинают громко кричать, требуя заключить сделку. Должен же кто-то взять эту кучу денег, которую насильно суют в руки такому же, как они, бедняку, а то и односельчанину. Понятно, что на перекупщика они кричать не будут: им еще самим придется иметь дело если не с ним, то с

его коллегами, и поэтому всю свою душевную энергию, разжигаемую видом пухлой пачки денег, они адресуют продавцу. Они уже просто кричат на него, требуя продать ковер. Тонкий базарный психолог, перекупщик улавливает переломный момент и еще немного набрасывает цену. Оглушенный и совершенно сбитый с толку, продавец незаметно для самого себя соглашается. Интерес к нему сразу пропадает, толпа расходится.

И вот он уже стоит один, но с пачкой денег, тех денег, что так ждут дома его домочадцы. Конечно, это далеко не та цена, о какой они мечтали всей семьей долгими зимними вечерами, когда еще и наполовину не был соткан этот ковер. Конечно, этих денег не хватит на уплату всех долгов и на все расходы, но это хоть какая-то отдушина, надежда на будущее, позволяющая как-то перебиться, закупить шерсть и краски и начать плести следующий ковер. Бывали времена и хуже, как, например, в памятном 1972/1973 году, когда в результате небывалой засухи основная житница страны — северная часть Афганистана осталась без ячменя и пшеницы. Начался настоящий голод. Целые деревни уходили на заработки в город, но там их ожидала почти полная безработица. Стало опасно ездить по сельским дорогам, где отчаявшиеся люди могли ограбить, а то и убить человека за несколько килограммов муки. Наконец, на том же акчинском базаре доведенные до крайности люди за несколько мешков муки отдавали «в услужение» своих дочерей, которых их новые владельцы увозили неизвестно куда. И все это без какого-либо официального документа, под «честное» слово настоящих работорговцев XX века!

А базар в Акче все продолжается. Вдоль главной улицы ни пройти, ни проехать. Сотни ковровых лавок широко открыли свои двери, выставив на обозрение самые разнообразные ковры. Здесь и знаменитые мервские ковры, так называемые маури, славящиеся не только красотой, но и высокой ценой. Ярко-красный, почти огненный фон их украшен крупными восьмигранными фигурами, отдаленно напоминающими цветок, с концов свешиваются длинные бахромчатые кисти. Для изготовления этих ковров местные туркмены закупают самую высококачественную шерсть из Кандагара. Рядом с коврами маури выставлены и настоящие текинские ковры, на которые идет шерсть каракульских пород овец. Отдельные узоры — «гёли» — плетут из разноцветных нитей, и в том числе из нежной, легкой ирблужьей шерсти песочного цвета.

Высокими пирамидами высятся в акчинских лавках ковры необычайной красоты, но редко когда покупают

их местные жители. Основная масса ковров идет на экспорт. Бесчисленные перекупщики скупают ковры, но не для себя, а для ставшего почти легендарным Ак Мурада—этого некоронованного короля невидимой ковровой империи. Благообразный седоватый туркмен в европейском костюме возглавляет созданную им же торговую фирму «Ак Мурад Лтд». Это настоящий спрут, который запустил свои щупальца не только в акчинский ковровый рынок, но и в бедные дома ковроделов. Фирма дает в долг сырье беднякам, за что они обязаны всю свою продукцию продавать только ей. Фирме принадлежат ковровые мастерские, а то и небольшие фабрики, где, сгорбившись над станками, сидят туркменские мальчики и девочки начиная с восьми-девятилетнего возраста. На фирму работают перекупщики. Наконец, фирме принадлежит совершенно новый, выстроенный из обожженного кирпича склад, куда под вечер на телегах свозят сотни сложенных пирамидами ковров, скупленных у ковроткачей. Отсюда акчинские ковры экспортируются во многие страны мира, где фирма «Ак Мурад Лтд» имеет свои отделения и получает баснословные прибыли.

Я сам видел, как по узким пыльным улицам Акчи мчался шикарный американский автомобиль новейшей марки, за рулем которого сидела одна из взрослых дочерей Ак Мурада, а сзади—ее многочисленные чада, все в туалетах, которые доступны лишь очень богатым людям. А в это же время сотни и тысячи девочек и мальчиков, еще не узнав, что такое детство, видят перед собой только натянутые нити очередного ковра, красотой которого потом будет восхищаться заезжий турист.

В очередной базарный день к складу снова выстраиваются очереди повозок, набитых скупленными за день коврами. Отсюда их путь лежит в Англию и ФРГ, Италию и США, Швецию и Швейцарию и даже в такие страны, как Иран и Индия, где есть свои ковры, но не акчинских!

Жертвы собственной доброты

Оставив шумный базар Акчи, двигаемся дальше в сторону Шибиргана, последнего пункта, куда доходит асфальтовое шоссе. Дальше вплоть до Герата разбитая, в зияющих ямах дорога, по которой пройдет не каждая машина, а лишь огромные грузовые тяжеловозы. Подобно многим небольшим городам, Шибирган имеет одну главную улицу, делящую его на две части. Но одна особенность Шибиргана сразу бросается в глаза—

это стандартные, однотипные двухэтажные дома, вытянувшиеся по обеим сторонам главной улицы. Шибирган — центр газовой промышленности Афганистана, и дома были построены для специалистов, занимающихся разработкой газовых месторождений. Отсюда по газопроводу промышленный газ поступает в советскую Среднюю Азию, где в основном используется для производства азотно-туковых удобрений. Уже давно эксплуатация и транспортировка газа осуществляются при техническом содействии СССР, так что эти двухэтажные дома населены преимущественно советскими специалистами. Как правило, в таком доме живет несколько семей, и для поддержания общего порядка и необходимой чистоты к каждому из них прикреплен один человек. Обычно это бача — мальчики-подростки, которые за небольшую плату от департамента газовой промышленности убирают лестничные клетки, коридоры, места общего пользования. Узнав, как мало получают эти бача за свою в общем-то грязную работу, сердобольные русские женщины из одного такого коттеджа решили складываться и сообща доплачивать ему небольшую сумму денег. Так прошло несколько недель, как вдруг они заметили, что вместо прежнего бача стали появляться, да и то эпизодически, совершенно новые мальчики, которые рвением к работе не отличались и выполняли свои обязанности из рук вон плохо. Постепенно все больше захламлялись коридоры, все реже подметались лестницы, не протиралась пыль, не выносились ведра с мусором. Наконец терпение хозяек лопнуло, и они стали наводить справки, где же их бача? А он был неподалеку, в небольшом городском парке, где блаженствовал на скамье под теплым весенним солнцем.

В результате расспросов выяснилось, что бача, получив дотацию от хозяек, решил, что он уже и сам может быть хозяином. На эти добавочные деньги он нанял других мальчиков, которые должны были за еще меньшую плату, чем получал он, убирать коттеджи. Сначала новый работодатель еще проверял их работу, но затем, уверившись в своем высоком статусе, стал приходить сюда лишь за получением добавочных денег от хозяек, ставших жертвами собственной доброты. Пришлось вернуться к старому и проверенному временем порядку.

Собачья бой

На окраине Шибиргана, около самой дороги, высятся величественные, хотя и сильно оплывшие руины цита-

дели средневекового города. Сейчас большая часть средневекового Шибиргана недоступна для археологов, так как город почти полностью застроен современными домами. Лишь местами в садах или во двориках вдруг заметишь остатки мощных кирпичных стен или даже оборонительной башни, давно уже приспособленной для нужд новых домовладельцев. Жилые кварталы современного Шибиргана вплотную подходят к древней цитадели и ее некогда мощным фортификационным сооружениям. Кольцо стен цитадели со временем оплыло, образовав огромную плоскую чашу с пологими склонами. Когда-то эта цитадель была резиденцией местных правителей, средоточием абсолютной власти, а ныне горожане избрали ее местом собачьих боев.

Почти каждую пятницу здесь собираются любители этого страшного зрелища. Еще не встало солнце, еще спит город, а из некоторых домов уже выходят владельцы бойцовых собак со своими питомцами. На коротких, часто простых веревочных поводках рвутся вперед настоящие чудища: коренастые, с широкой грудью, нередко ростом с хорошего теленка. С разных концов города к древней цитадели стягиваются любители собачьих боев. Рассаживаются просто на склонах холмов, окружающих амфитеатром обширную площадку. Пока еще не все любители собрались, зрители осматривают собак, определяют их бойцовые качества, оценивают шансы на победу, заключают пари. Наконец на площадку, напоминающую цирковую арену, выходит судья. Осмотрев место и подчистив его для порядка от нескольких мелких камешков, он вызывает подготовленные пары. Оба владельца выходят в центр и по знаку судьи спускают с поводков своих питомцев. То, что происходит дальше, мне трудно описать словами. Под неистовые крики болельщиков в клубах пыли собаки злобно сшибаются, норовя сбить противника с ног и схватить его за горло. Глядя на это побоище, понимаешь, почему этим собакам, когда они еще находятся в щенячьем возрасте, коротко отрубают хвосты и уши.— так труднее ухватить противника. Борьба идет с переменным успехом: то одна, то другая собака оказывается на земле, но, изловчившись, снова вскакивает и, злобно рыча, набрасывается на противника. Теперь понимаешь, почему все свое внимание селекционеры уделяют выведению коренастых, широкогрудых особей, задача которых сначала сбить с ног, а потом уже схватить за горло противника. Наконец одна из собак чувствует себя побежденной и яростного дьявола преобразается в покорную судьбу жертву. Тогда победитель, взгромоздившись на повер-

женного противника, исполняет символический акт, утверждающий его победу, правда более подходящий для брачного периода. Таким необычным образом завершается каждый бой на этой площадке.

Неожиданная встреча

В послевоенные годы правительством Афганистана был разработан проект дорожного строительства под названием «Большое кольцо». По замыслу проектировщика это должно было быть первоклассное асфальтированное шоссе, проходящее по окраинным районам Афганистана и охватывающее страну кольцом. Энергично начатое строительство автодороги на юг от Кабула соединило столицу с такими крупными городами, как Газни и Кандагар, остановившись у Герата. Советские автодорожники, осуществлявшие строительство северной ветки, начали работы от Кабула и довели дорогу до Шибиргана. Тогдашнее правительство решило продолжить начатое дело своими силами, но лихоимство чиновников и недостаточное техническое образование собственных специалистов сорвали дальнейшее строительство автодороги. Вот теперь-то от Шибиргана нам и предстояло двинуться дальше уже не по асфальтированному шоссе, а по древним караванным путям.

Сразу же за Шибирганом, где кончалась ровная лента асфальта, началась вконец избитая проселочная дорога. Собственно по самой дороге ехать было нельзя: она представляла собой сплошные ямы, засыпанные песком и пылью так, что двигаться можно было лишь по ее обочине. Но здесь тонкая аллювиальная пыль достигала почти полуметровой толщины, что вместе с необходимостью двигаться медленно превращало поездку в сплошной кошмар. Такая дорога идет от города Андхой до города Меймене. Потом она продолжается вдоль северных предгорий хребта Банди-Туркестан, но здесь уже за ее сохранностью следят жители многочисленных придорожных деревушек.

Особенно живописен ландшафт у речки Кайсар, по берегу которой идет дорога. С одной стороны нас сопровождает река, с другой — небольшие зеленые предгорья. На их вершинах с удивлением видишь крестьян, распаивающих на быках небольшие клочки земли. Вода из реки сюда, конечно, никогда не поднимается, вся надежда на дожди. Это богарные земли, и в случае засухи они ничего не дадут землепашцам, но такой риск оправдывается тем, что эти земли ничейные и за них не нужно платить деньги.

Так мы доезжаем до маленького городка Баламур-

габ, лежащего в верховьях Мургаба, большей частью протекающего уже в пределах Советского Туркменистана. Мы еще будем иметь возможность вернуться к этой реке, в древней долине которой за тридцать пять веков до нас располагалась загадочная до сих пор страна Маргуш.

А пока мы забираемся все выше в горы и наконец после нескольких крутых подъемов оказываемся в Калайи-Нау. Этот маленький, затерявшийся в горах городок большую часть года отрезан от внешнего мира, так как горные дороги проходимы лишь в сухие летние месяцы. В первый и, видимо, в последний раз мы попали сюда суровым декабрьским днем 1969 года. Так получилось, что наш приезд совпал с первым днем после мусульманского поста, и все вокруг было пронизано праздничным настроением. Разодетые люди целыми семьями шли в гости друг к другу, на качелях качалась счастливая детвора, вокруг смех, шутки, радость. Как-то неудобно почувствовали мы себя здесь, «в чужом пиру», и тем неожиданное прозвучало нам в спину: «Здравствуйте, товарищи!» Кажется, появились перед нами джинн из восточных сказок, и то мы удивились бы меньше, чем этому приветствию, да еще радостно сказанному на почти чистом русском языке. Оглядываясь назад и видим, что к нам подходит, широко улыбаясь, худой парнишка, одетый в длинный европейский макинтош, но с белой чалмой на голове. Делать нечего, надо знакомиться. И здесь, в глуши, на проезжей дороге, мы познакомились еще с одной человеческой судьбой.

— Сам я туркмен из города Мары, работал в передвижной механизированной колонне № 10,— начал свое грустное повествование наш новый знакомый.

— Жили хорошо, у меня был мотоцикл, по воскресеньям ездил на танцы, в кино. Но засыпал нас письмами дядя, давно попавший в Афганистан. Писал, что очень богат, но уже старый, умрет — чужим людям достанется добро. Долго судили, как быть, и, хотя нам, братьям, не хотелось покидать родину, отец настоял на переезде сюда. Распродали все, что имели, распростились с друзьями и родственниками, а, когда приехали сюда, узнали, каким шутником оказался наш дядя. Бедняк из бедняков, он не имел даже клочка земли, но одиночество, тоска по родным местам и родственникам толкнули его на заведомую ложь.

И вот мы оказались здесь. Дядя вскоре умер, и мы остались совсем одни. Хорошо еще, что у нас были деньги на покупку небольшого участка земли, и теперь я, расставшись с мотоциклом, на быках пашу землю.

Ни кино, ни танцев. Единственное удовольствие — поохотиться в горах.

Наш незнакомец задумчиво прищурился, посмотрел вокруг и вдруг спросил:

— Как вы думаете, как мне снова вернуться в СССР?

Мы посоветовали ему обратиться в посольство СССР, угостили его нашими сигаретами и разошлись. Прошли годы, и мы встретили его снова, уже в Кабуле, он работал в нашем посольстве и мечтал побыстрее вернуться домой, в Советский Туркменистан.

Золотой клад Фуллола

Из Калайи-Нау последуем по северо-восточному пути, который в конечном счете приведет нас в «лазуритовую страну», расположенную в Бадахшане. Асфальтированная дорога сначала идет прямо на север, пока около города Баглана уже порядком надоевшая нам безликая равнина не сменится предгорьями преследующего нас Гиндукуша. Нас, археологов, Баглан привлекает не столько своим крупным сахарным заводом, сколько находкой здесь знаменитого золотого клада.

Жарким летним днем 5 июля 1966 года местные крестьяне, раскапывая землю далеко от города, на правом берегу реки Сохи-Азора в урочище Фуллол, обнаружили клад, состоящий из золотых и серебряных сосудов. Чтобы никого не обидеть и поделить его поровну, крестьяне обычным топором разрубили сосуды на отдельные куски, но уже вскоре слухи о находке клада достигли Баглана, а затем и Кабула. Срочно на место были командированы сотрудники Национального музея Афганистана, которым удалось получить пять золотых и семь серебряных сосудов; кроме того, были собраны фрагменты по крайней мере еще пяти сосудов. Общий вес золотых сосудов составил девятьсот сорок граммов, серебряных — почти два килограмма. Но конечно, не в весе драгоценного металла заключается ценность клада. Все сосуды, за исключением одного, были покрыты рельефными орнаментами. Они изображали то стремительно бегущих или, наоборот, мирно пасущихся быков, то голову бородатого быка, которому были приданы антропоморфные черты, то фигуру кабана, стоящего около дерева, то птицы и рядом извивающейся змеи.

Поскольку клад был найден недалеко от Бадахшана, где издавна добывался чудесный синий камень лазурит, а сами сосуды украшены орнаментами, выдержанными в месопотамском стиле, то было высказано вполне

обоснованное предположение, что своим происхождением клад обязан обменной торговле. Отсюда, из Бадахшана, из «лазуритовой страны», в далекую Месопотамию могли отправляться караваны верблюдов, груженные тяжелыми кусками лазурита в обмен на драгоценные парадные сосуды; в обратном направлении шли другие предметы роскоши, в том числе ювелирные изделия. Как видно, обнаружение лишь одного клада проливает совершенно новый свет на историческую ситуацию и реальные торговые связи, сложившиеся на крайней северо-восточной периферии древнего Востока. Проявляя завидную оперативность в тех случаях, когда дело касается выдающихся кладов или памятников древнего искусства, местные власти, к сожалению, не столь живо и остро реагировали на ставшие обычными хищнические раскопки в этом районе, в результате которых керамические сосуды, каменные и металлические изделия, рядовые украшения появились на антикварном рынке. Обстоятельства, связанные с условиями находки клада, были столь интригующими, что в очередной полевой сезон мы решили осмотреть место находки.

Наш газик все глубже уходит в горные ущелья, следуя по извилистой каменистой дороге. Местами горы расступаются, и появляется небольшая долина, по ложу которой протекает речушка. А у подножия гор теснят друг друга селения, утопающие в зелени фруктовых деревьев. Преодолев несколько крутых подъемов, наш газик выезжает в долину с центральным селением под названием Фуллол. Но интересующее нас место, где был найден золотой клад, находится не здесь, а еще дальше, куда уже не может пройти ни одна машина. Дорога переходит в узкую тропинку. Проводника у нас нет. Но зато есть главный ориентир — это русло речки Фуллол. В весенние паводки эта своенравная речка несет с гор не только массу воды, но и множество камней, которые веером усыпают ее ложе. Сейчас осень, вода спала, и это хуже для нас, так как идти приходится по высохшему ложу реки, усыпанному галькой. Наконец после утомительного перехода выходим к месту, где в Фуллол впадает небольшая речушка Дарьйи-Кош, на берегу которой возвышается конической формы высокий холм. Вот там-то, на его вершине, крестьяне и нашли клад. Медленно, цепляясь за кусты и скользя по мокрой траве, поднимаемся на холм и сразу же находим полузросшую травой траншею, выкопанную крестьянами, а позднее обследованную музейными работниками. В свою очередь мы начинаем просматривать отвалы земли из траншеи, надеясь найти

хоть какие-либо свидетельства былого клада. Золотых вещей, даже в микроскопических обломках, мы, конечно, не обнаружили, но мелкие косточки, найденные нами, бесспорно, свидетельствуют о вполне вероятном местонахождении здесь древнего захоронения.

Стоя на верху холма и оглядываясь вокруг, поражешься, в каком глухом месте находился клад. Вокруг таинственные в своем безмолвии ущелья, за которыми громоздятся уходящие под самое небо горы. Тишина абсолютная. Вокруг ни одного селения, никаких признаков жизни. В голову невольно закрадывается тщеславная мысль: а ступала ли когда-нибудь здесь нога европейцев? Может быть, мы первые? Но ответа на этот вопрос мы не получаем, как и на мучивший нас вопрос об истинном происхождении клада. Естественно, наше обследование района не ограничилось этим холмом. Несколько дней мы потратили на археологическое изучение древностей вокруг селения Фуллол, но ничего более раннего, чем средневековые памятники, не обнаружили. Но ведь клад относится к более древнему периоду! Остается лишь предполагать, что какой-то безвестный богатый купец-тамкар из далекой Месопотамии внезапно умер в пути и был похоронен вместе со своими драгоценными товарами. А может, это все-таки было не захоронение, и тогда можно допустить, что владелец клада в минуту грозной опасности закопал принадлежавшие ему золотые и серебряные сосуды в глухом месте в надежде вернуться и забрать их потом. Но сколько бы ни гадать об истинном происхождении клада, бесспорно одно: эти великолепные золотые изделия стали гордостью Национального музея Афганистана.

Шортугай — индийский форпост в Бадахшане

Территория от Баглана до Кундуза, расположенного в северо-восточной части страны, — это довольно унылая предгорная равнина, почти лишенная растительности, исключая мелкие кустарники. Зато Кундуз встречает нас буйной зеленью, журчащими арыками, хорошей планировкой города. В центре главная городская площадь, от которой радиально расходятся прямые улицы с одно-двухэтажными домами, уютно расположившимися в зеленых садах. Здесь приятный и здоровый климат. Но к сожалению, мы не можем задерживаться тут надолго. Наш путь лежит к самой границе, туда, где река Кокча впадает в великую среднеазиатскую реку Амударью. Здесь расположен античный город Айханум, раскопками которого успешно занимались французские археологи. Результаты их работы бук-

важно ошеломили научный мир. Им удалось установить, что в этой забытой богом глухомани свыше двух тысяч лет назад существовал типично греческий город, точно копирующий планировку городов материковой Греции. Но мы временно отвлечемся от античного города и обратимся к еще более сенсационным открытиям, сделанным археологами в самые последние годы неподалеку от Айханума.

Из года в год продолжались стационарные раскопки Айханума, одновременно с которыми велись разведочные обследования всего прилегающего района, для того чтобы составить археологическую картину этой древней области. Как правило, археологи обращали внимание на хорошо заметные всхолмления, под которыми обычно бывают скрыты руины былых селений и маленьких городов. Так и велись эти раскопки вплоть до 1975 года, когда работы возглавил выдающийся и старейший исследователь Афганистана — французский археолог Ж. Гарден. Кажется, он первый решил, что помимо регистрации самих древних памятников следует обратить внимание на древнюю геоморфологию и гидрографию всего района. Вместе со своими сотрудниками Ж. Гарден значительно расширил арену поисковых маршрутов, все дальше и дальше удаляясь от базового лагеря археологов в Айхануме.

Через некоторое время маршрутное обследование приблизилось уже к самому берегу Амударьи, где на плоской аллювиальной равнине не было видно ни одного древнего холма, отмечающего место бывшего поселения. Правда, местами прослеживались небольшие, как думали археологи, естественные возвышения, обычные для береговых террас. Плоская как стол равнина левобережья Амударьи, казалось, не сулила археологам ничего, кроме разочарования. И тем не менее маршрутные работы были направлены именно в эту сторону. В поисках следов, возможно, скрытых под аллювиальными наносами былых водных протоков археологи постепенно приближались к высокому береговому обрыву.

Но вот кто-то обратил внимание, что на невысоком, аморфной формы возвышении среди жухлой травы разбросаны какие-то невыразительные черепки. Вскоре все археологи сгрудились на этом месте, метр за метром тщательно обследуя слабовыраженные в рельефе возвышенности. Наконец после длительных, многочасовых поисков все находки были аккуратно разложены на земле, и началось их полевое исследование. Каждый черепок рассматривался со всех сторон, обсуждался между специалистами, пытавшимися опреде-

лить его возраст, а тем самым эпоху, когда он был изготовлен древними гончарами. Научная полевая дискуссия затянулась допоздна. Археологи никак не могли прийти к единодушному мнению: неорнаментированные, безликие черепки загадочно молчали. Будь это яркая глазурованная керамика, ее без всяких колебаний можно было бы отнести к эпохе средневековья; будь она нерасписанная, но деликатная, тонкостенная, покрытая красочной облицовкой — к античному времени; наконец, если бы встретились расписные черепки, они могли быть расписаны замысловатыми узорами в раннежелезном веке. Но среди найденных здесь керамических обломков ни один образец не соответствовал такой классификации.

Наконец, сдув вековую пыль с очередного черепка, взятого из бесформенной кучи, которая грудилась на земле у ног археологов, кто-то из них, не ограничиваясь этим, обмакнул черепок в речную воду. Как на фото пленке в проявителе, вода, подсыхая, обозначила на черепке сначала контуры, а затем и растительные орнаменты расписных узоров. Появилась возможность определить, когда же древний гончар, сняв со станка изготовленный им сосуд и обмакнув кисть в краску, начал выводить на внешней поверхности очередной замысловатый узор. В пределах Афганистана такую расписную посуду изготавливали примерно три тысячи лет назад, когда эпоха бронзы сменилась раннежелезным веком, и в таком случае найденные черепки могли относиться именно к этому периоду. Уже само по себе открытие памятников расписной керамики так далеко на востоке страны, в Бадахшане, представляло большой научный интерес. По крайней мере все известные памятники подобного рода пока располагались далеко на западе, в провинции Балх.

Этот случай вдохновил археологов на новые поиски в следующие дни. Наконец им посчастливилось найти еще несколько расписных черепков, составивших теперь небольшую, но весьма показательную коллекцию в полевом музее. Но, странное дело, хотя орнаменты на этих черепках и были нанесены краской, сами узоры резко отличались от уже известных. Зато они до удивления близко напоминали посуду, что была распространена в третьем тысячелетии до н. э., но не в Афганистане, а на Индийском субконтиненте, в долине Инда. Но это уже не укладывалось ни в какие логические умозаключения. И дело даже не столько в том, что между Бадахшаном и долиной реки Инд большое расстояние, сколько в том, что территория, лежащая между ними, представляет собой непроходи-

мые горные кряжи Гиндукуша. Даже сейчас они своим видом отпугивают многих любителей-альпинистов, оснащенных новейшей альпинистской техникой. Что же говорить о древних людях!

Но теоретические рассуждения так и остаются в области теории, пока не подтвердятся практикой, а на ладонях у археологов — практические доказательства, расписные черепки, удивительно близко напоминающие те, что использовали в своем повседневном быту хозяйки, готовившие пищу на берегах Инда за сорок пять веков до нас. Только археологические раскопки — этот испытанный и надежный критерий правильности теоретических рассуждений — могли внести окончательную ясность в этот вопрос.

Начались раскопки всхолмления, называемого местным населением Шортугай. Для начала решено было раскопать неширокий, но глубокий вертикальный шурф, который, дойдя до самых нижних слоев поселения, извлек бы оттуда на свет наиболее древние изделия, и в первую очередь такой массовый материал, как керамика. В таком случае предстала бы возможность установить, с каким набором вещей пришли сюда первые колонисты, решившие основать на левобережье Амударьи свои поселки. Результаты такого зондажа превзошли самые смелые ожидания. Уже на самом верху под лопатами археологов появились не только черепки древней посуды, но и остатки былых зданий, некогда возведенных на этом месте из сырцовых, высушенных на солнце, прямоугольной формы кирпичей. Метр за метром углублялись рабочие-землекопы, и если сверху вся встреченная посуда была исключительно простой, ничем не украшенной, то ниже сначала изредка, а потом все чаще стали появляться раскрашенные черепки того же типа, что обнаружили археологи в первые дни при обследовании поверхности Шортугая.

Итак, было установлено с документальной точностью, что встреченная на поверхности поселения расписная посуда не попала сюда случайно, скажем вместе с караванами древних купцов, а, извлеченная со дна многометрового шурфа, свидетельствовала о ее местном происхождении. Было установлено главное — люди, жившие на этом месте в третьем тысячелетии до н. э., изготавливали точно такую же посуду, что и жители городской цивилизации долины Инда. Теперь предстояло уточнить и конкретизировать новые представления о ходе исторического развития этой части древневосточного мира.

С 1976 по 1979 год на Шортугае шли систематиче-

ские планомерные раскопки. Правда, теперь археологи полностью отказались от первоначальной методики раскопок узкими глубокими шурфами и перешли к раскопкам на широких многометровых площадях. Каждый раскопочный сезон приносил новые материалы, в результате чего появилась возможность представить целостную, хотя еще и далекую от исчерпывающей полноты картину, которая в предварительном виде выглядит так: примерно около 2500 года до н. э. сюда, в Бадахшан, приходят люди из долины Инда, где в это же время или чуть раньше под натиском чужеземного вторжения гибнет столетиями процветавшая городская цивилизация. Со своей родины пришельцы принесли в долину Бадахшана собственные навыки и традиции в хозяйственной и культурной жизни. Они пытались на новом месте продолжить старую жизнь. Переселенцы возводят здесь дома такого же типа, как на их прежней родине. Гончары продолжают делать посуду тех же форм и расписывать их теми же традиционными узорами, что и раньше. Нанося на посуду различные геометрические и зооморфные рисунки, они изображают не животных, живущих в густых приамударьинских тугаях по соседству с их селениями, а зверей, обитавших на Индийском субконтиненте и еще живших в памяти первых колонистов. В этом плане особенно показательны фитоморфные рисунки, в частности изображения листьев пипала — растения, абсолютно чуждого Афганистану, но типичного для Индии. То же можно сказать и об их личных украшениях, точно копирующих древнеиндийские, а находки браслетов из морских раковин, бесспорно, говорят о том, что эти вещи проделали путь длиной в полторы тысячи километров: от Индийского океана до Амударьи.

Итак, на первых порах это было типично древнеиндийское поселение, но перенесенное с берегов Инда на берега Амударьи. Однако со временем картина меняется. Находясь в инокультурном окружении, обитатели Шортугая не могли не соприкоснуться с соседями. Эти внешние контакты постепенно все более расширяются, а былые связи с теперь уже далекой родиной затухают. И в самом деле, материальная культура людей, живших в этом же поселении, но уже через 500—700 лет, заметно отличается от предыдущей. Иными словами, потомки первых колонистов постепенно ассимилировались настолько, что по крайней мере по своей материальной культуре уже ничем не отличались от обитателей соседних районов Северного Афганистана. Особенно наглядно проявляется сходство материальной культуры обитателей Шортугая и Бактрии на примере

памятников, открытых советскими археологами в районе Балха. В этом отношении показательны до деталей копирующие друг друга вазы на высоких стройных ножках и другие формы сосудов Бактрии и Бадахшана середины второго тысячелетия до н. э. Это сходство не ограничивается только посудой, оно проявляется и в украшениях. Например, абсолютно идентичны металлические булавки с навершиями в виде трех скульптурных голов винторогих козлов. Словом, раскопки французских археологов под руководством Ж. Гардена не только озадачили научный мир неожиданным аспектом древней истории этого региона, но и наметили новые пути поисков в решении проблемы взаимосвязи Средней Азии и Индийского субконтинента.

Великий лазуритовый путь на древнем Востоке

Этот чудесный лазуревый камень помимо своей завораживающей красоты интересен еще и тем, что его месторождения в мире строго ограничены всего несколькими ареалами. Это открывает возможности для некоторых важных исторических заключений. В самом деле, лазуритовые месторождения во всем мире известны лишь в Южной Америке, Прибайкалье, на реке Слюдянке в Сибири и в Бадахшане. Правда, в литературе появлялись отдельные упоминания о якобы лазуритовых месторождениях в горах под Бухарой, Самаркандом и Ташкентом, однако после специальных изысканий такие предположения не подтвердились. «...Это скорее предположение, чем действительные указания на находки», — писал академик А. Е. Ферсман. Подобные утверждения нередко связаны с тем, что лазурит легко смешать с синими минералами меди, что могло приводить к невольным заблуждениям.

Итак, можно считать бесспорным, что лазуритовые месторождения на древнем Востоке до сих пор известны лишь на северо-востоке Афганистана, точнее, в Бадахшане. Это подтверждается рядом последних открытий и находок в Шортугае. О знаменитых лазуритовых копях Бадахшана упоминают многие путешественники — от Марко Поло до некоторых европейцев XIX века. Добыча его велась простым способом при помощи огня: порода с вкраплениями лазурита раскалялась, а затем заливалась холодной водой. Резкая смена температуры приводила к растрескиванию камня, из которого выбирали кусочки синего минерала — лазурита. Вплоть до начала XX века разработка лазуритовых копей строго контролировалась и считалась прерогативой афганских эмиров, так что частная добыча и

особенно вывоз из страны приравнялись к контрабанде.

Но как показывают находки лазуритовых изделий из археологических раскопок на древнем Востоке, разработка и торговля лазуритом уходят корнями в далекую старину—если не к пятому, то к началу четвертого тысячелетия до н. э. Так, в Средней Азии лазуритовые украшения широко использовались у племен, обитавших на юге Туркмении именно в этот период, причем, что особенно важно, специальные исследования этих находок, проведенные в Минералогическом музее АН СССР, показали, что они изготовлены именно из бадахшанского лазурита. В соседнем Иране, как, например, в поселении Сиалк, также известны находки лазуритовых изделий, использовавшихся людьми, жившими здесь во второй половине четвертого тысячелетия до н. э. Существует даже мнение, что разрушение врагами Сиалка в конце четвертого тысячелетия до н. э. связано не просто с обычной экспансией соседних племен, а с выгодным местоположением его на торговых путях и с желанием захватчиков контролировать торговлю лазуритом в Центральном Иране. Высказано вполне вероятное предположение, что первые лазуритовые находки здесь восходят к еще более древнему времени—к пятому тысячелетию до н. э. Даже в таких далеких отсюда районах, как Египет, Турция и Кавказ, лазуритовые украшения известны были в четвертом—третьем тысячелетиях до н. э.

Эти чисто археологические наблюдения находят подтверждение и в древних клинописных документах, например в донесении одного агента, посланного ассирийским царем в некую горную местность за лазуритом. Теперь, после открытия Шортугая, можно почти не сомневаться, что эта горная местность была Бадахшаном с его богатыми лазуритовыми копиями, дразнившими воображение многих правителей древнего Востока. Предполагаемая торговля лазуритом между Бадахшаном и другими районами Передней и Средней Азии скорее всего носила меновой характер. Многоступенчатые обменные торговые сделки могли идти через Белуджистан и Сеистан, вдоль побережья Персидского залива, достигая в конце концов далекой Месопотамии. Отсюда лазурит мог попадать в Сирию, Анатолию и Египет, а тысячи деревушек и селений, разбросанных вдоль этих магистральных торговых путей, играли роль промежуточных станций для странствующих купцов-тамкаров.

Уникальное и единственное месторождение лазурита в Бадахшане дает ключ к посильной разгадке еще

одного вопроса, давно уже волновавшего умы востоковедов. Среди клинописных глиняных табличек из Месопотамии внимание на себя обратили не те обычные, на которых древние писцы записывали хозяйственные расходы и приходы, а целые поэмы. Одна такая поэма, получившая название «Энмеркар и верховный жрец Аратты», написанная в начале третьего тысячелетия до н. э., повествует о событиях реальной жизни того далекого времени. В ней рассказывается о споре между правителем главного месопотамского города Урук Энмеркаром и владельцем некоей загадочной горной страны Аратты. По тексту поэмы Энмеркар посылает гонца к владельцу Аратты с требованием прислать ему в Урук золото, серебро, строительные материалы и лазурит. Судя по некоторым косвенным данным, приведенным в поэме, лазурит не только имелся, но и добывался именно в этой горной стране. Среди специалистов уже давно и безуспешно ведутся споры о том, где же конкретно находилась страна Аратта, тем более что она неоднократно упоминается и в других шумерских клинописных табличках. В одном единодушно востоковеды — что искомая страна располагалась к востоку от Шумера, так как в поэме прямо говорится, что гонец царя Энмеркара по пути в Аратту должен был перескочить высокие горы, а главное, миновать города Элама, которые, бесспорно, располагались на восток от нижней Месопотамии. Но дальше мнения специалистов опять расходятся. Одни авторы помещают Аратту в горах южного Ирана, в современной области Луристан, другие — в центральном Иране, где располагалось древнее поселение Сияк, третьи — еще далее на восток.

После открытия клада Фуллол и поселения Шортугай появились веские основания помещать страну Аратту в Бадахшане. В самом деле, если вспомнить выражения «куски лазурита», «лазурит, извлеченный из скал», «лазурит у его месторождений», то станет очевидным, что древние писцы имели в виду место, славившееся своими лазуритовыми копиями. В таком случае на древнем Востоке это мог быть скорее всего Бадахшан.

Глава IV У развалин древнего Балха

Балх — «мать всех городов»

Современный Балх — это маленький провинциальный городок, состоящий из нескольких кварталов скученных домишек. Глядя на них, трудно поверить, что когда-то на этом месте стоял город, который был настолько прекрасен, что все побывавшие в нем единодушно называли его «матерью всех городов». Но, вчитавшись в древнюю историю, начинаешь понимать всю справедливость столь пышной метафоры. Древнее название города — Бахди — на греческом языке звучало как Бактр, а со средневековья и до настоящего времени он зовется Балх. Предполагается, что именно в этом городе между 1000—600 годами до н. э. родился основатель зороастрийской религии Зороастр. «Отец истории» Геродот уже знал и слышал об этом городе и в своей знаменитой «Истории» писал, что в Балхе почитают солнце, луну, землю, огонь и воду. Имеются сведения, что в Балхе находился знаменитый храм богини Анахиты с ее статуей, которую посвятил храму царь Артаксеркс Мемнон (404—358 годы до н. э.). По мнению великого поэта средневековья Фирдоуси, Зороастр был убит и сожжен на алтаре именно в Балхе.

В Балхе Александр Македонский женился на Роксане, красивейшей женщине и одновременно искусной дворцовой интриганке, которая позднее, в 311 году, была убита собственным сыном. Словом, город пережил многовековую бурную историю, но сейчас лишь печальные руины укреплений Балахисара (Верхней крепости) напоминают о его былом величии.

Если смотреть на Балх с Верхней крепости, то на монотонном, унылом фоне плоских серых крыш можно заметить ярко выделяющееся пятно — руины средневековой мечети Абу Наср Парса. Вокруг нее кипит жизнь типично восточного городка: стук молотков в

мастерских, шумные споры торговцев, рев верблюдов и ослов, но все эти приметы современности обрываются у стен мечети. Внутри двора, в тени полуобвалившегося портала, сидит оборванный дервиш и, полузакрыв глаза, медленно перебирает сухими пальцами костяные зерна четок. Перед мечетью, во дворе, на огражденном возвышении белеют мраморные прямоугольные надмогильных памятников, сплошь покрытых тонким замысловатым резным орнаментом, где среди благопожеланий из Корана можно разобрать и имя усопшего. Деревянная изгородь с цветными лоскутками, привязанными благочестивыми паломниками, давно покосилась, но высоко вверх поднимаются флажки с выгоревшими мусульманскими знаменами.

Недалеко от мечети расположены мелкие лавочки, среди которых две-три имеют прямое отношение к интересующей нас теме. Торгующие в них местные антиквары не только скупают у окрестных крестьян вещи из разграбленных могил, но и фабрикуют поддельные древности здесь же, на месте, причем делается это на «научной основе». Например, берется действительно древний сосуд из могил эпохи бронзы и на его стенке тщательно вырезается то крылатый лев, то человечки, зачастую скопированные с античных и средневековых оригиналов. Заезжие туристы, потратившие деньги на дорогу и длительную поездку, находясь под очарованием Востока, довольно легко поддаются искушению привезти домой настоящий «древний» сувенир. И их отчасти можно понять. Для людей, просиживающих годами в душных офисах и мечтающих об отпуске, маршрут путешествия в легендарный Балх, затерянный в глубинах Азии, представляется не менее далеким и мифическим, чем маршрут путешествий Миклухо-Маклая.

Но Балх лежит в стороне от главных дорог, и лишь немногие туристы добираются туда, проделав сложный путь из Кабула через Гиндукуш на север страны, чтобы посмотреть знаменитую мечеть в Мазари-Шарифе и развалины Балха. Поэтому предложение на рынке опережает спрос и искусные изделия ремесленников эпохи бронзы многие месяцы пылятся в лавках продавцов «древностей», пока наконец не попадают в Кабул. Здесь приезжий торговец не имеет своей лавки, поэтому прямо на земле расстилается дешевый платок, на котором вперемешку с дешевой современной бижутерией кучей свалены разнообразные, порой уникальные изделия. Бывает, что и «товар» еще не распродан, а его владельцу нужно возвращаться домой, тогда он перепродает его солидным кабульским антикварам, имеющим

специализированные магазины, расположенные в центре многолюдного города. К сожалению, на этом путешествии не заканчивается, и вещи, некогда заботливо уложенные в древние могилы в окрестностях Балха, оказываются у коллекционеров Европы и Америки.

Но сколько бы ни сетовать на сложившуюся ситуацию, немало таких вещей удалось сфотографировать и описать советским археологам и тем самым сохранить их для науки. Определенную лепту внесли в дело спасения древностей страны и афганские археологи. Однако отсутствие у страны достаточных средств и квалифицированных специалистов препятствовало по-настоящему эффективному и действенному решению вопросов, связанных с изучением и охраной древностей Афганистана. Самое большее, что в то время могло быть сделано Институтом археологии Афганистана,— это координировать работу иностранных археологических миссий, следить за проведением подобных раскопок на месте, принимая в них практическое участие через своих инспекторов.

Древние сокровища и современные грабители

После окончания очередного полевого сезона экспедиция возвратилась в Кабул. Чем меньше остается дней до отъезда, тем больше вырастает список еще не законченных дел—от экспедиционных до личных. Так было и глубокой осенью 1974 года, когда, заглянув в очередную антикварную лавочку в поисках каких-либо оригинальных сувениров афганских мастеров-умельцев, в куче подлинных и псевдостаринных монет, украшений и современной бижутерии мы вдруг обнаружили массивную бронзовую печать, точно такую же, как только что найденная нами при раскопках в Бактрии. Сначала подумалось: «А не подделка ли это?» Но уже в следующей лавчонке под стеклянной витриной лежало несколько печатей и рядом медные гвоздевидные булавки с фигурными навершиями. По форме и общему облику они опять-таки больше всего напоминали металлические изделия, широко использовавшиеся у древнебактрийских племен в эпоху бронзы. Правда, близкие по типу изделия были распространены и на юге Афганистана, в частности на поселении Мундигак, однако прошло уже более десяти лет после того, как французские археологи прекратили там раскопки, а в витринах антикварных лавок они появились лишь в этом году. Это наводило на мысль об их «прибытии» с севера страны, из районов, где мы вели свои раскопки.

Наши худшие предположения оправдались. Чабаны

первыми обратили внимание на торчащие кое-где прямо на поверхности такыров края керамических ваз, кубков, горшков и даже целые скелеты, выступившие на поверхность в результате длительной работы ветра и ливневых дождей, размывающих такыры. Сначала просто тупой палкой, а потом и лопатой чабаны стали довершать то, что не успела еще сделать природа. И уже вскоре наиболее упорным и настойчивым вместо обычных сосудов стали попадаться каменные украшения, бронзовые топоры, кинжалы, копья, медные печати, разнообразные булавки, зеркала и многое другое, что могло заинтересовать антикваров, а значит, и туристов.

Слух об удачливых чабанах вскоре достиг близлежащих деревень. Соблазн был слишком велик, и началась настоящая «золотая лихорадка». Практически все дееспособное население окрестных деревень на ишаках и лошадях, пешком и на велосипедах с раннего утра отправлялось в пустыню на поиски древних могильников. Уже вскоре среди искателей появились «мастера», специализирующиеся не на раскопках, а на поисках могильников. Опытным путем они обнаружили, что после ливневых дождей на просыхающей глади такыров проявляются большие темные пятна, под которыми обычно и располагаются древние могильные ямы, как правило образующие целые кладбища. Как только такой могильник становился известен, сюда устремлялись толпы «джентльменов удачи». Десятки, если не сотни местных крестьян за неделю превращали древний могильник в огромное вспаханное поле с зияющими провалами могильных ям. Если находки были удачными, слухи об этом, обрастая по пути фантастическими преувеличениями, распространялись все дальше и дальше, и вскоре новые толпы отправлялись на место былых кладбищ. Уже нет времени на ежедневные поездки домой, и наиболее предприимчивые грабители устраиваются на ночевки прямо на месте.

Нам приходилось видеть эти импровизированные «полевые станы». Одна из ограбленных могил расширяется и расчищается, в углу устраивается очаг, на полу охапки сухой травы для ложа. Наверху ряны, колышки для привязи и глиняные кормушки с соломой для лошадей и ослов. Ни страх перед мертвецами, ни грех перед покойниками не могли остановить их, так сильно была надежда на скорое обогащение. На наш вопрос, разве они не боятся осквернить могилы умерших, следовал ответ со ссылкой на авторитет деревенского муллы, что-де это не мусульмане, а язычники, так что и особая греха в этом нет.

Раскопки приобретали фантастический размах. Антиквары из близлежащих городков стали направлять своих маклеров непосредственно на место действия. Пока крестьяне роются глубоко внизу, в яме, безжалостно выбрасывая наверх ненужные им скелеты и десятки погребальных сосудов, маклеры, словно грифы, согнувшись на корточках у края могилы, зорко следят за тем, что появляется под очередным взмахом лопаты. В случае удачи начинается горячий торг: крестьяне, боясь продешевить, заламывают непомерно высокую цену, а торговцы — смехотворно низкую. Торгуются до тех пор, пока не сойдутся в цене. Все находки отсюда через маклеров направляются в антикварные лавки Кабула, где помимо туристов из Европы и Америки особую активность проявляют богатые коллекционеры из соседнего Ирана. Их маклеры следят за всеми новыми поступлениями на антикварный рынок и сразу перекупают нужные им изделия старины.

В Афганистане нет закона, запрещающего продажу антиквариата, но есть закон, не разрешающий его вывоз по крайней мере без специальной санкции экспортной комиссии Национального музея Кабула. И тем не менее немало выдающихся предметов древнего прикладного искусства безвозвратно исчезло из страны, попав в частные коллекции богатых любителей старины Европы, Азии и Америки.

Что же представляют собой эти могильники и что было найдено в них? Археологи, которые дообследовали разграбленные могильники, установили, что в эпоху бронзы жители Бактрии устраивали кладбища недалеко от своих родных поселков, нередко на их краю, но всегда на ровном, чистом месте. При похоронах сначала вырывалась глубокая вертикальная шахта, на дне которой потом делался подбой, так что получалась своеобразная сводчатая камера. Именно сюда, поглубже в землю и укладывали покойника, а вместе с ним и заупокойные приношения, количество которых зависело от степени его знатности и богатства, а также от благочестия оставшихся в живых родичей. После погребения вход в камеру закладывался кусками кирпича, а сама шахта засыпалась, и на поверхности не оставалось никаких видимых следов. Много десятков лет люди хоронили умерших на своем родовом кладбище, так что со временем сотни древних могил оказывались расположенными вплотную друг к другу. Хитроумное устройство могил многие столетия хранило их от разграбления. Но чего не смогло сделать время, сделали любители легкой наживы.

Вскоре, захлестнутые изобилием керамической

посуды, антиквары перестали покупать ее у крестьян, и почти вся она осталась на месте, разбросанная по отвалам из могил. Но не только посуду помещали в могилы. Выдающимся личностям того времени, занимавшим важные посты, полагалось уйти «в лучший мир» с атрибутами их особого положения в реальной жизни.

Вот эти-то интересные вещи попадали к антикварам Кабула и выставлялись в витринах маленьких лавчонок. Археологам удалось завязать знакомство с некоторыми кабульскими антикварами и получить разрешение сфотографировать отдельные вещи. Зарисовав, сфотографировав и даже сделав с них слепки, мы тем самым сохранили для науки хотя бы копии древних изделий.

Среди этих замечательных изделий особое восхищение вызывают печати, сохранившие уникальные изображения, ранее не известные науке. Вот, например, круглая печать, в центре которой расположена изящная человеческая фигурка с птичьим лицом и крыльями за спиной, с широко расставленными в стороны руками, сидящая на извивающейся змее или драконе. На другой же круглой печати опять изображен человек с крыльями, но теперь спокойно восседающий в кресле или на троне. Перед нами, безусловно, персонажи мифологического характера, крылатые фантастические существа, возможно передающие образы «гениев». Интересно, что наиболее близкие к ним изображения встречаются в северной Месопотамии, то есть в совершенно другом районе древнего Востока.

О тех же сложных мифологических представлениях древних бактрийцев можно судить по уникальной печати, изображающей ладью в виде извивающегося двуглавого дракона, на котором стоит горбатый бычок. Утрированно подчеркнутый горб скорее всего передает индийскую породу горбатых быков, что уже само по себе может указывать на взаимные культурные влияния, существовавшие между Бактрией и долиной Инда. Более того, считается, что в преимущественно речных странах в качестве божественных символов чаще всего выступали ладья, лодка, корабль, в то время как в степных и полустепных областях это могла быть колесница. В таком случае образ бычка на ладье скорее всего был действительно более распространен на Индийском субконтиненте, откуда затем он попал в среду местных бактрийских племен. Уже эти три печати не только намечают вполне вероятные линии культурных связей, но и помогают заглянуть во внутренний мир древнего человека.

Птицы и даже насекомые также занимали большое

место в духовных представлениях древних бактрийцев. Особенно популярны были крупные массивные печати, в центре которых изображены, по-видимому, орлы в геральдической позе: хищная голова с крючковатым клювом гордо повернута в сторону, широко распростерты крылья и веером распушен хвост. Столь же часто встречаются изображения скорпионов, переданные в полном соответствии с натурой. Но наиболее распространены были массивные, тяжелые печати, украшенные изображениями крестов. Но каких! Древние ювелиры воспроизводили поразительное количество вариаций на эту явно священную и магическую тему: кресты наподобие мальтийских; кресты с поперечными перекладинами или кружками на концах; маленький крестик, вписанный в более крупный крест; кресты, заключенные в круг с фестончатым краем,— словом, бесчисленные сочетания и модификации крестообразных фигур демонстрируют печати обитателей Северного Афганистана.

Кажется, уже исчерпана фантазия на эту тему, и вдруг попадают новые варианты: крест, составленный из четырех полумесяцев; крест, заключенный в ажурную, прорезанную сетку; крест, концы которого в свою очередь оформлены в виде миниатюрных фигурных крестиков, и т. д. Четко прослеживается целеустремленно выдержанная идея выделить фигуру креста в качестве главного, центрального мотива в общем орнаментальном декоре печатей. Очевидно, что именно эта фигура несла главную смысловую нагрузку; как считают, крест являлся оберегом, символизировал собой идею охранения его владельца от всех и всяческих напастей. Заполненные зерном, вином и маслом сосуды запечатывались такой печатью, что должно было предохранить продукты от порчи. Но безусловно, назначение печатей было самое широкое, о чем говорят разные вариации креста. Они могли представлять и знаки социального отличия определенных лиц, занимавших особое положение в древнебактрийском обществе.

Наряду с медно-бронзовыми печатями распространены были и каменные амулеты с выгравированными на них преимущественно геометрическими рисунками. Круглые, прямоугольные или квадратные, плоские в разрезе, они всегда имели сквозные отверстия в центре для продевания шнура. Нам посчастливилось найти амулеты, украшенные зооморфными рисунками. Так, в одной лавке мы обнаружили квадратный, с зубчатыми краями амулет, на одной стороне которого был выгравирован какой-то крылатый хищник в агрессивной позе: разинутая пасть, вздыбленный загривок, заборозченный на спине длинный хвост. На другой стороне

этого же амулета был вырезан простой крест. Нетрудно заметить, что все изображения на каменных амулетах имеют смысловую направленность — отвлечь злые силы от владельца амулета.

Судя по дошедшим до нас погребальным приношениям, модники и модницы той эпохи немало времени уделяли своей внешности. Свидетельство тому — десятки зеркал разного размера и формы, заботливо положенные в могилы вместе с усопшими. Самые большие модники заказывали мастерам-ювелирам особые зеркала. Вот зеркало, ручка которого отлита в виде стройной женщины с опущенными вниз руками; вот другое, на оборотной стороне которого сохранилась отлитая в высоком рельефе сцена: стремительно скользящая по воде змея устремляется навстречу всплывающему быку, рога которого видны на поверхности воды. Тыльные стороны некоторых зеркал украшены рельефными фигурами то лягушки, то других животных, но всегда эти изображения связаны с водной стихией, причем на одном из зеркал выгравированы даже изображения волн. Очевидно, что округлая плоскость зеркал ассоциировалась у древних бактрийцев с водной гладью, на поверхности которой разыгрывались сцены из различных мифологических преданий и сказаний, передававшихся из поколения в поколение.

Но бесспорно, самыми массовыми и популярными видами украшений были длинные медные булавки. Многие десятки и сотни таких булавок грудами пылялись в лавках Кабула. Наиболее выдающиеся образцы сохранили навершия в виде скульптурных изображений птиц и животных. Иногда это целые фигурки, как, например, горный баран или козел с головой, повернутой в сторону, и гордо озирающийся вокруг. Другие навершия булавок отлиты в виде тех же животных, но изображенных в спокойной сидячей позе. Есть даже одна булавка, навершие которой передает фигуру коровы, ласково лижущей своего теленка. Другая булавка украшена великолепной головкой, изображающей бородатого быка с загнутыми вверх рогами, расставленными в стороны лепестками-ушами, большими, почти человеческими глазами и длинной, расчесанной бородой.

Бактрийские кузнецы умели изготавливать различные топоры и другие виды древнего вооружения: ножи, обоюдоострые кинжалы, короткие мечи и «боевые вилы» длиной до одного метра.

Оценивая в целом коллекцию изделий прикладного искусства Бактрии и намечая ее историко-культурное место в системе древнего Востока, нельзя не прийти к однозначному выводу — наиболее близкие параллели

имеются еще только в Маргиане — древней стране, некогда располагавшейся на востоке Советского Туркменистана. Именно там в последние годы советским археологам посчастливилось открыть культуру, которая поразительно напоминает древнюю культуру Бактрии. Сходство это настолько велико, что высказано мнение о существовании во втором тысячелетии до н. э. единого центра в этой части древневосточного мира. Возможно, это сходство объясняется родством происхождения; вероятно, это было крупное племенное объединение, стоявшее на пороге создания Бактрийско-Маргианского государства. Дальнейшие работы помогут уточнить этот вопрос, но уже сейчас кажется бесспорным факт близкого родства культур этих двух древних областей.

Рассказ об уникальных находках в Бактрии будет неполным, если мы не остановимся на истории открытия неоднократно уже упоминавшейся древней страны Маргуш, или Маргианы, располагавшейся в юго-восточных Каракумах. Ей и посвящается следующая глава.

В поисках страны Маргуш

В тени высокого песчаного бархана медальным профилем застыл варан, лишь нервно подергивающийся кончик хвоста обнаруживал живое существо, находящееся в крайней степени возбуждения и растерянности. Такое здесь, в глубине Каракумов, он видел впервые. В пустынной предвечерней тишине среди песчаных барханов звучала вперемежку английская и туркменская речь. Несколько европейцев в светлых полотняных костюмах и белых тропических шлемах, прозванных ашхабадскими мальчишками «здравствуй-прощай», распорядились разгрузкой верблюдов. Проводники-туркмены в тяжелых, косматых шапках и красных полосатых халатах, туго натянув поводья, заставляли верблюдов опуститься на землю. Животные недовольно ревели, медленно сгибаемая колени, присаживались на передние ноги, а затем как-то сразу грузно плюхались на землю вместе с тяжелыми, высокими, намертво притороченными на их спинах вьюками. Вечерело. Барханы растворялись в наступающих сумерках. Жарко трещал огонь пылающего саксаула, а в кувшинах уже булькал, переливаясь через край, кипяток.

Варан все смотрел не двигаясь и не мигая на странных пришельцев. За свою долгую жизнь в пустыне он повидал немало: и разноголосые блеющие отары овец, погоняемых пастухами, и караваны верблюдов,

цепочкой шагающих друг за другом под монотонный звук колокольчика, болтающегося на шес впереди идущего караван-баши, и охотников-мергенов, преследующих стада пугливых джейранов, незаметно углубившихся в пески. Но сейчас вместо знакомых ему бородатых, загоревших дочерна туркменов у костра сидели светлокотные люди с голубыми глазами и рыжеватыми волосами. Впервые тишину барханных песков нарушила не тягучая, гортанная тюркская речь, а четкие, рубленые фразы европейцев. Но не только варан, а и сами путешественники удивлялись судьбе, забросившей их из далекой Америки в глубь песков Каракумов. А всему этому предшествовали такие события.

В 1898 году начальник Закаспийского округа генерал В. А. Комаров, страстный любитель старины, заинтересовался древностями недавно вошедшей в состав России так называемой Закаспийской области. Уже сразу за последними, окраинными домами Ашхабада, на плоской как стол равнине высокими холмами бутрились курганы, возможно погребальные, обещающие первооткрывателям несметные сокровища, дразнящие воображение каждого собирателя древностей. Кроме того, в петербургских газетах запестрели сообщения о раскопках на юге России скифских курганов, поразивших мир поистине царским великолепием невиданных до того золотых ювелирных изделий. А ведь все эти вещи покоились под такими же насыпными курганами.

Выбор генерала упал на два рядом стоящих холма, расположенные неподалеку от Ашхабада, на окраине аула Анау. Решающим доводом при выборе места раскопок послужила коническая форма этих холмов, напоминающая курганы скифских царей в южнорусских степях. Сказано — сделано. С чисто военной четкостью В. А. Комаров приказал отобрать сотню казаков, выдать им лопаты, и уже вскоре на одном из холмов на солнце заблестели вскидываемые далеко вверх лезвия лопат. Метр за метром «вгрызались» лопаты в глубь холма, постепенно образовалась гигантская траншея. Но честолюбивым планам генерала не суждено было осуществиться. Под лопатами солдат встречались лишь битые черепки древней посуды; редко-редко кто-либо из солдат умудрялся заметить среди рыхлых кусков земли окислившийся обломок медного ножа или кинжала, а то и совсем незаметную миниатюрную бусину.

Наконец стало ясно, что холмы Анау не погребальные курганы, как скифские, а остатки некогда существовавших на этом месте древних поселений, которые

за прошедшие века обезлюдели и пришли в запустение. С течением времени под весенними ливневыми дождями обрушивались крыши, клонились и падали стены, дома превращались в руины. Сильные ветры несли с собой тучи песка, который постепенно засыпал эти древние поселения. Словом, в руки любознательного генерала попали не драгоценные украшения, а обычные, хотя нередко искусно изготовленные предметы быта людей далекого прошлого. Обескураженный результатами своих работ, не оправдавших его надежд, В. А. Комаров нашел в себе мужество прямо написать об этом в специальной статье, напечатанной в местной газете «Туркестанские ведомости».

Возможно, на этом и закончилась бы история, если бы экземпляр газеты не попал в Америку, в частности в Институт имени Карнеджи в Вашингтоне. Специалисты этого института крайне заинтересовали результаты археологических раскопок русских в Средней Азии. Вряд ли кто-нибудь раньше предполагал, что в ныне безводных, пустынных районах могли существовать поселки, в которых обитали древние люди. А между тем, казалось бы, невзрачные горшки, найденные на холмах Анау, представили для ученых чрезвычайный интерес. Они оказались украшенными расписными узорами, очень близко напоминавшими роспись на древней посуде, обнаруженной при раскопках в Иране и в далекой Месопотамии. Посуда эта была найдена в руинах городов, жизнь в которых процветала не несколько веков, а несколько тысячелетий назад. Более того, предполагалось, что именно в Месопотамии находилась колыбель древнейшей цивилизации мира, откуда достижения человеческого гения постепенно распространялись по всему древнему Востоку. Правда, не все ученые считали, что центр мировой цивилизации находился исключительно в Месопотамии, и допускали возможность одновременного существования нескольких таких мировых центров. В таком случае сходство расписной посуды Месопотамии и холмов Анау могло указывать на существование дотоле совершенно неизвестного центра древнейшей цивилизации человечества в Закаспии.

Предположение выглядело настолько заманчивым, что его стоило проверить практически. С присущими им упорством и деловитостью американцы решили организовать специальную экспедицию в Закаспийскую область. Понадобилось несколько лет дипломатических переговоров, чтобы получить от русского правительства разрешение на проведение археологических раскопок на холмах Анау. И вот весной 1903 года американ-

ская экспедиция прибыла на место работ в Ашхабад.

Нельзя сказать, что русская интеллигенция равнодушно отнеслась к предприимчивым гостям. Известный русский востоковед академик В. В. Бартольд с самого начала скептически отнесся к предполагаемым работам американцев и выступил в печати с предупреждением о необходимости проведения специального контроля за ходом раскопок. Он прямо отмечал, что методика археологических раскопок американцев отличается низким уровнем и что чисто американский размах работ неприемлем для археологических раскопок столь древних и хрупких памятников. Опасения русского академика оправдались. Раскопки на холмах Анау проводились на низком даже для того времени методическом уровне, что привело к известной путанице и ошибкам в оценке результатов раскопок. Но, даже несмотря на это, работы американцев с документальной точностью установили существование в Закаспии древней цивилизации, которая по своему развитию могла соперничать с цивилизацией передовых центров древнего Востока.

Параллельно с раскопками холмов Анау предприимчивые американские археологи решили обследовать территорию, расположенную в юго-восточных Каракумах и упоминавшуюся античными греко-римскими авторами. Предполагалось, что эта древняя страна некогда находилась в бассейне древней реки Мургаб, к северу от современных городов Байрам-Али и Мары. Вот туда-то и двинулся тяжело груженный экспедиционным оборудованием караван верблюдов вместе с местными проводниками-туркменами. Американцы посетили величественные развалины древнего Мерва, современное туркменское название которого — Гяур-Кала — переводится как «крепость неверных». Но молчаливые руины этого огромного античного города не удовлетворили, а лишь еще больше раздражили воображение исследователей. Не ограничившись осмотром Гяур-Калы и других холмов в его окрестностях, американцы решились на отчаянный по тому времени шаг — углубиться еще дальше в пески и посмотреть, нет ли там каких-либо следов древнего человека. И вот уже караван-баши ведет археологов за первую гряду песчаных барханов. Лишь узкая, протоптанная верблюжьими копытами тропка вьется между высокими барханами, устремляясь все дальше на север. Позади остались последние аулы, последние колодцы с питьевой водой. Впереди лишь старые, по большей части заброшенные колодцы, вода в которых либо давно иссякла, либо застоялась и протухла. Теперь успех экспедиции полностью зависел от ее подготовки.

Несмотря на очевидный риск, дух предпринимательства и азарт первооткрывателей вели археологов все дальше в глубь песков. Медленно извивается караван между барханами, останавливаясь около холмов — полужасыпанных песком руин былых построек. Все находки аккуратно наносятся на карту, описываются, а позднее эти материалы будут опубликованы в двух объемистых томах. Казалось, что петляющая среди барханов дорога уже увела экспедицию далеко в пески Каракумов, но, как потом выяснилось, археологи ушли лишь на двадцать пять — тридцать километров от Байрам-Али. Тем не менее силы, продукты и питьевая вода были на исходе, а впереди в вечерних сумерках мощными песчаными волнами громоздились новые барханы, уходящие к самому горизонту. Наконец последний привал, последняя ночевка перед возвращением назад, невольным свидетелем которой оказался варан, смотревший на незваных пришельцев с видом потревоженного хозяина. Наутро американские археологи повернули назад, и на этом закончился первый этап поисков следов древнейших людей в глубине Каракумов.

Прошли годы, в Туркменистане установилась Советская власть. После гражданской войны в республике началось экономическое и культурное строительство, в том числе систематическое и планомерное археологическое изучение памятников старины. Однако эта работа была прервана начавшейся Великой Отечественной войной. Но сразу же после ее окончания в республике возобновились экспедиционные работы, направленные на поиски древней Маргианы. Основные исследования проводились в оазисах вокруг Гяур-Калы, где на ровной пустынной поверхности были разбросаны десятки холмов. Наконец кропотливая работа по учету и регистрации древних холмов закончилась, и археологи получили возможность направить свое внимание на север от Гяур-Калы, туда, где на горизонте, казалось, непроходимой грядой высились песчаные дюны Каракумов.

Итак, в 1954 году советские археологи уже не на верблюдах, а на автомашинах устремились в глубь пустыни Каракумы на поиски следов древнего человека. Теперь приходилось искать обходные дороги: машина могла намертво забуксовать там, где верблюд проходил, даже не заметив песчаную, вязкую гряду под ногами.

Машина, петляя между барханами, держала направление на колодец Тахирбай, где была хорошая пресная вода и где находились чабаны со своими отарами. По

экспедиционной привычке археологи заночевали в пределах видимости колодца, но подалее от кошары, где всю ночь громко блеют беспокойные бараны. Временный лагерь разбивали почти в темноте на еле заметном возвышении, как это всегда делается, когда ночь застает людей в пустыне. Была обычная ночевка в конце обычного экспедиционного дня. Однако утро преподнесло археологам сюрприз—прямо под их походными кроватями валялись черепки древней посуды, причем необычного вида.

Вместо завтрака начались лихорадочные поиски все новых и новых черепков, этих визитных карточек древности, с помощью которых определяют время, когда человек ими пользовался. Россыпи битых черепков уводили все дальше от места ночлега, и вот уже за редкими кустами верблюжьей колючки еле виднеется силуэт экспедиционной машины. Это чудесное осеннее утро подарило археологам в качестве достойного приза за упорство и трудолюбие огромное поселение, но такой древности, о какой никто из них не мог и предполагать! Те невзрачные черепки, что привели их к этому открытию, со всей определенностью свидетельствовали, что они были изготовлены гончарам в середине второго тысячелетия до н. э., т. е. за тридцать пять веков до наших дней. Но в таком случае они относятся к эпохе бронзы, и тогда само поселение у колодца Тахирбай должно относиться к этому же времени.

Это была подлинно научная сенсация. Все, что знали археологи вплоть до того утра, ограничивалось древними памятниками середины первого тысячелетия до н. э. Значит, жизнь в Каракумах существовала еще в бронзовом веке, то есть по крайней мере на тысячу лет раньше, чем до этого предполагалось. Но теперь вставали новые проблемы: кто были эти древние люди? Как они попали сюда? Чем занимались—земледелием или скотоводством? Но самый главный вопрос был: как они могли существовать здесь, в Каракумах, без воды? Или тогда была вода? Но это еще следовало доказать.

Словом, вопросов было достаточно; чтобы ответить на них, уже на следующий год здесь, на месте древнего поселения Тахирбай, начались первые пробные раскопки. Вскоре на краю раскопок забелели выжженные беспощадным каракумским солнцем брезентовые палатки, и начались обычные археологические будни. Привозная за многие десятки километров вода в деревянных бочках-челеках, черствый до кирпичной твердости хлеб, однообразная перловая каша да постный макаронный суп—вот меню, сопровождающее археологов изо дня в день.

Под лопатами рабочих появились первые стены домов из сырцового кирпича. Найденные каменные зернотерки неоспоримо свидетельствовали о причастности этих людей к земледелию. Последние сомнения развеялись, когда в одном заброшенном чуланчике на дне хозяйственной ямы был обнаружен слой зерен пшеницы и ячменя. Так с каждым днем пополнялись знания археологов о быте и жизни древних людей Каракумов. Но все еще не было ответа на вопрос: как могло существовать земледелие в ныне безводной пустыне? Было ли это единственное поселение случайных пришельцев, или же здесь располагалась целая страна, все еще не известная науке?

Рядом с экспедиционным лагерем пролегла грунтовая дорога, ведущая дальше на север. Занятые повседневной работой, археологи не имели времени обследовать эту дорогу и посмотреть, имеются ли древние поселения за следующей грядой барханов. Наконец в один из воскресных дней, когда палящий зной загнал всех сотрудников экспедиции под брезентовый навес, после короткого совета решено было провести рекогносцировку местности. И вскоре машина с большим запасом бензина и прикрученными к борту бочками с водой двинулась по направлению к северу от Тахирбая. Дорога, петляя и обходя барханы, уходила все дальше в пески. Через некоторое время впереди появились развалины из жженных кирпичей, а рядом полузасыпанные песком колодцы. Перед археологами лежали руины средневекового караван-сарая — гостиницы для приезжих купцов. Значит, здесь пролегал древний караванный путь. Итак, стало ясно, что современная дорога через столетия проходит по старым караванным путям, через те же стоянки и колодцы, которыми пользовались путники средневековья.

Наконец после многокилометрового пробега за очередным поворотом показались сезонные кошары чабанов и действующий колодец Тархан. Солнце уже стояло в зените, и все живое попряталось в тени. В тени кошары сидели и туркмены-чабаны, с достоинством потягивавшие свой неизменный зеленый чай. Взаимные приветствия переходят в общее чаепитие, и лишь после традиционных расспросов о здоровье и благополучии археологи осторожно приступают к главной своей цели. По единодушному мнению чабанов, дальше на север не только древних развалин, но и колодцев нет, а значит, не было никогда никакой жизни. Чаепитие продолжается, разговоры переходят на отвлеченные темы, но обескураженные археологи не спешат покинуть чабанов. Поддерживая общий разговор, они незаметно

снова и снова подводят его к волнующей их теме: не видели ли чабаны где-либо среди песков каких-нибудь развалин или просто битых черепков? Казалось, конца не будет этой беспредметной словесной эквилибристике, когда беседа становится общим сопровождающим фоном к главному занятию — чаепитию.

Но вот речь зашла об охоте в урочище Аучин-Как, что в переводе с туркменского означает «водосборная яма охотников». Там молодой чолук — подпасок, охотясь за зайцами, как будто бы видел россыпи керамики на такыре. Это было уже нечто, и археологи сразу же попрыгали в машину, чтобы ехать в указанное место, но, как оказалось, дорогу туда без проводника не найти. Лишь чабаны знали, как добраться в Аучин-Как, но и они не отваживались на это в такую дикую жару. Археологи томились в кузове машины, а чолук даже и не помышлял выйти из-под благодатной тени на солнцепек. И опять лишь его величество случай помог сделать научное открытие. Один из стариков-чабанов, с непроницаемым лицом наблюдавший всю эту трагикомическую сцену, медленно бросил под язык жевательный табак и, хитро сузив глаза, заметил: «Настоящий охотник всегда найдет Аучин-Как». Этого было достаточно, чтобы уязвленный чолук тут же вскочил на подножку машины. В самом деле, без его помощи археологам никогда бы не найти Аучин-Как, надежно спрятавшийся в низине, куда весной стекала дождевая вода. В жаркую погоду эта водосборная яма являлась едва ли не единственным источником питьевой воды для охотников на многие десятки километров вокруг.

Археологи ожидали найти здесь в лучшем случае несколько разбитых кувшинов, не более, но действительность превзошла все их ожидания. Неподалеку от водосборной ямы располагалось древнее поселение, усыпанное осколками посуды того же типа, что и на Тахирбае. Значит, жизнь в двух этих поселениях существовала в одно и то же время, хотя их и разделяли многие десятки километров пустыни. В таком случае среди песчаных дюн и барханов можно найти и другие поселения? Пока эти вопросы пронеслись в головах археологов, глаза их лихорадочно искали все новые находки на поверхности, которые могли бы дать дополнительную информацию о жизни людей, обитавших здесь в эпоху бронзы. Кто-то увидел на краю поселения гончарную печь и сразу же стал ее раскапывать; другой нашел великолепный кремневый наконечник стрелы, но самый удачливый обратил внимание на краешек чашки, что торчал прямо из-под земли. Обычно так выглядели сосуды, клавшиеся за-

ботливыми родичами в могилу умершего. За прошедшие тысячелетия естественные процессы дефляции размыли и развеяли поверхностные слои, обнажив тем самым сосуды, первоначально находившиеся глубоко в могильных ямах. Понадобилось всего несколько взмахов кисточкой, чтобы удостовериться, что в данном случае выступающий краешек принадлежит сосуду от былых погребальных приношений.

И вот уже все археологи сгрудились над древним захоронением, пока под слоем песка не появился весь скелет и большое количество совершенно целых сосудов. Но главный приз достался тому, кто стал расчищать череп и, дойдя до шеи, обнаружил ожерелье, составленное из разнообразных бус, центральное место среди которых занимал каменный амулет темно-вишневого цвета с изображением змеи, вставшей на хвост. Тогда, в первый раз, это была лишь счастливая находка, и никто не предполагал, что этим положено начало открытию совершенно нового типа амулетов. Казалось, никогда не иссякнут находки на поселении Аучин, но раньше иссякла вода в шестиведерной бочке, и оказалось, что шестеро археологов за день выпили каждый по ведру воды. Только тут они спохватились, что солнце уже садится за барханы и кончается летний день. Птицей летела машина назад к колодцу Тархан; все сразу же почувствовали страшную жажду и с опаской посматривали на баллоны машины: спустит хоть одно колесо — и придется заночевать без воды среди неуютных песков Каракумов. Но выдавшая виды машина благополучно прошла весь путь и затормозила у колодца Тархан, откуда дорога до экспедиционного лагеря была уже известна. Так впервые был совершен многокилометровый маршрут от колодцев Тахирбай до Тархана и поселения Аучин и впервые появилось предположение о возможном существовании здесь, в Каракумах, целой страны эпохи бронзы.

Археологи стояли на пороге блестящего открытия, им оставалось лишь вплотную заняться разведкой всей этой территории, чтобы предположение стало реальным фактом. Но действительность изменила все их планы. На следующий год строительство Каракумского канала дошло до Мары. Его многокилометровая трасса должна была начаться у Амударьи, пройти вдоль северных предгорий Копетдага и закончиться у Каспийского моря. На этом пути стояли десятки и сотни древних памятников, которые могли быть разрушены в ходе строительства ложа канала. Перед археологами вставала первоочередная и неотложная задача — осуществить надзор за строительством, зафиксировать и изучить все

без исключения древние памятники на пути трассы. Началась кропотливая работа по составлению археологической карты вдоль Каракумского канала, потребовавшая усилий всех без исключения археологов Туркмении.

Больше пятнадцати лет никто не интересовался древностями юго-восточных Каракумов. Раскопы на Тахирбае и Аучине затянуло надувным песком так, что найти их стало почти невозможно. В 1969 году было принято решение организовать первую советско-афганскую археологическую экспедицию, которая бы начала изучение Северного Афганистана, непосредственно граничащего с Туркменией. Уже на следующий год специальный отряд экспедиции направил свои полевые исследования в не изученные в археологическом отношении районы так называемой Бактрийской равнины. Там, на левобережье Амударьи, советским и афганским археологам посчастливилось обнаружить ранее совершенно неизвестные науке памятники, относящиеся к эпохе бронзы. Археологи сразу же обратили внимание, что найденная здесь древняя посуда абсолютно идентична той, что много лет назад они нашли на поселении Аучин. Сходство было настолько полным, что, если бы смешать на столе черепки из Северного Афганистана и Южной Туркмении, их невозможно было бы различить. Когда наблюдается такое близкое сходство керамики, то это с бесспорностью указывает на ее изготовление одним и тем же народом или родственными народами. Так впервые стала намечаться пока еще призрачная связь в древней истории племен, некогда обитавших на территории Бактрии и Маргианы. А изучение древностей Бактрии показывало, что во втором тысячелетии до н. э. на пустынной Бактрийской равнине существовала оригинальная и высокоразвитая культура древневосточного типа. Было установлено, что древние бактрийцы, обитавшие в небольших поселениях, возводили рядом с ними мощные укрепления для своей знати. Многолетние раскопки одной такой крепости показали, что она имела строго прямоугольную конфигурацию с мощными оборонительными стенами и башнями; здесь же располагались здания, в которых жила уже выделившаяся из массы рядовых общинников местная знать.

Общий план памятника, состоявшего из неукрепленного поселения и расположенной рядом крепости, невольно вызывал в памяти близкую конфигурацию древнего Аучина. Если судить по микрорельефу, там также располагалось обширное, но невысокое поселение и рядом возвышение правильной прямоугольной

формы с высокими буграми по четырем углам. Итак, сходная планировка поселений, дополняемая сходной посудой на ее поверхности, ставила на реальную основу предположение о возможной культурно-исторической близости Бактрии и Маргианы эпохи бронзы. Но предположение так и остается предположением, пока оно не будет проверено на практике. А археологическая практика—это в первую очередь раскопки. И если в Бактрии существование поселений и крепостей было доказано раскопками, то для Аучина сходная ситуация предполагалась больше умозрительно. Словом, надо было начинать сначала и снова снаряжать экспедицию в Каракумы для проверки вполне вероятной, но еще не доказанной практикой раскопок гипотезы.

И вот ранней весной 1972 года археологи опять отправились на поиски этой загадочной страны. Но теперь они имели в своем распоряжении не старую, разбитую машину, а мощный тягач и вездеходы, которым практически не нужны дороги. Тяжело урча, они, двигаясь по направлению стрелки компаса, переваливали с одного бархана на другой по бездорожью. Сначала казалось, что ничто не изменилось за прошедшие почти двадцать лет: за бортом все та же пустыня, поросшая верблюжьей колючкой. Но видимость эта была обманчива. Теперь сюда вела асфальтированная дорога, протянувшаяся вслед за водой Каракумского канала. Пустынное безмолвие сменилось грохотом новостроек. Незнаваемо изменился пустынный пейзаж. Пришла вода—пришла и жизнь.

Но маршрут археологов пролегал еще дальше на север. Вот наконец и овцеводческая ферма Тахирбай. Здесь кончалась вода, подаваемая из канала. Еще через некоторое время появились легкие кошары колодца Тархан, а там и Аучин, где археологи, как и много лет назад, разбили свой экспедиционный лагерь. Понадобилось всего несколько дней разведочных раскопок, чтобы убедиться в том, что здесь, рядом с неукрепленным поселением, действительно располагается прямоугольная крепость с мощными оборонительными стенами и круглыми башнями по углам. Итак, круг научных поисков замкнулся. Теперь с документальной точностью было доказано сходство древней культуры Бактрии и Маргианы.

Предстояло выяснить, имеются ли здесь, в юго-восточных Каракумах, другие поселения эпохи бронзы. Для этого следовало от стационарных раскопок перейти к сплошной разведке всего обширного региона. Сначала археологи приступили к обследованию местности вокруг поселения Аучин. Вот когда понадобились вездехо-

ды-тягачи, оказавшие неоценимую помощь. Никакая другая автомашина не смогла бы идти по бездорожью напрямик по заданному курсу, туда, куда действительно еще не ступала нога человека. Птицей взлетали вездеходы на верх бархана высотой с трех-четырёхэтажный дом. Отсюда, с вершины, хорошо просматривались ближайшие окрестности, и, если повезет, среди желтых однообразных песчаных дюн, у их подножия, можно было заметить красноватые россыпи древних черепков, отмечающих местоположение богатых поселений. В результате многодневных маршрутов пешком и на машинах среди песчаных дюн и барханов удалось открыть, казалось бы, навсегда затерявшиеся древние поселения, некогда составившие как бы поселки-спутники вокруг центрального поселения Аучин. Так было доказано существование в Каракумах целого оазиса древних поселений во втором тысячелетии до н. э.

Но еще оставался, пожалуй, самый главный вопрос: как могли существовать люди, да еще занимавшиеся земледелием, в регионе, где сейчас вода дороже золота? Цивилизация на песке? Следовало направить поиски исследования уже в другом направлении — попытаться найти свидетельства древнего орошения, с помощью которого только и могла существовать эта страна. Но как найти такие следы, когда вся территория ныне покрыта почти сплошными вздыбленными волнами великого песчаного безмолвия, где навечно погребены следы деятельности древнего человека? Очевидно, следовало применить какие-то новые методы исследования палеогеографии. И неожиданно помощь пришла со стороны новой научной методики — аэрофотосъемки.

Когда на письменном столе были разложены крупномасштабные планшеты фотосъемки этого участка юго-восточных Каракумов, то при тщательном рассмотрении между однотипными кружками барханов стали проступать, хотя и прерывистые, полосы, образующие одну общую извивавшуюся змейку. По заключению специалистов-палеогеографов, занимавшихся дешифрированием аэрофотоснимков, такие следы на поверхности такыров обычно остаются от бывших русел рек. впоследствии засыпанных песками так, что они оказываются полностью сnivelированными. Подобные следы древних русел практически невозможно различить, находясь на земле, и лишь взгляд фотообъектива с большой высоты может выделить темноватые по цвету, извивающиеся ленты на общем более светлом фоне песков и такыров.

Кабинетные рассуждения палеогеографов следовало

проверить на месте, чтобы удостовериться в реальном существовании здесь древних водотоков. Снаряжается новая экспедиция. Но теперь уже внимание специалистов обращено не на сами древние поселения, а на прилегающую к ним пустынную равнину.

Дело было ранней весной, когда пустыня покрывается сплошным зеленым ковром, расцвеченным яркими красными пятнами цветущих маков. Ориентировав памятники на месте с их положением на аэрофотоснимках, мы вскоре заметили на травяной поверхности широкую полосу более темной по цвету травы. Эта полоса змеей извивалась между холмами-поселениями, но нигде не упиралась в них, а всегда проходила с краю. Заложённая траншея под слоем новообразованного такыра вскрыла надувной золовый песок, под которым на глубине около двух-трех метров появились тонкие глинистые слои, перемежающиеся опять с песком, но теперь аллювиального происхождения, который обычно несут с собой быстротекущие воды в больших речках. Так, используя новейшие методы смежных наук, археологи сумели на практике доказать, что в далекой древности здесь протекала вода. Судя по размерам вскрытого русла, это была большая река. Но в таком случае это могла быть только река Мургаб: другой крупной реки здесь не было.

Дальнейшие комплексные исследования археологов и палеогеографов не только подтвердили такое предположение, но и уточнили древнюю гидрографию реки. Как оказалось, здесь находилась дельта реки Мургаб, которая широким веером растекалась по плодородной аллювиальной равнине. На каждом крупном дельтовом рукаве располагались древние поселки. Теперь стало понятным, почему обнаруженные в прошлые годы поселения размещались изолированными друг от друга компактными группами, соответствуя водотокам дельты или древним ирригационным оазисам. Располагаясь цепочкой вдоль таких водотоков, оазисы были отделены друг от друга неорошаемыми, пустыми землями, но вместе они составляли единую древнюю страну. Земледельцы и скотоводы в первую очередь нуждались в проточной воде и в хороших пахотных землях. Все их благоденствие, вся их жизнь зависела от реки Мургаб. Но по иронии судьбы река, которая породила здесь жизнь, ее же и погубила! Бурные воды Мургаба сотни лет тихо и незаметно подмывали левый берег, и постепенно русло ее перемещалось все далее на юго-запад. Археологи даже обнаружили следы драматической борьбы человека с природой в виде остатков каналов, которые они выводили из «убегающей» реки,

пытаясь приблизить воду к своим поселкам. На какое-то время каналы продлили жизнь страны, но технические возможности человека эпохи бронзы еще явно уступали силам природы. Все более круто на юг поворачивала река, пока окончательно не затухли дельтовые водотоки, не обезлюдели поселки, а пески не засыпали некогда процветавшую здесь страну. Очевидно, что эта страна, ныне затерявшаяся в пустыне Каракумы, некогда была широко известна на древнем Востоке, свидетельством чего служат ее международные связи, уходящие далеко на запад вплоть до Месопотамии.

Но в таком случае эта древняя страна должна была иметь свое собственное название, что само по себе вполне вероятно, но пока не может быть доказано из-за отсутствия письменных свидетельств. Правда, и здесь можно попытаться косвенным путем установить, как же называлась она у древних соседей, письменность которых дошла до наших дней. Имеется в виду знаменитая Бехистунская скала, расположенная в Иране около города Керманшах, на которой древнеперсидский царь Дарий I приказал высечь клинописную трехязычную надпись, прославляющую его ратные деяния. В частности, в надписи среди перечня покоренных им стран и народов упоминается древнеперсидское название страны Маргуш, которую греко-римские авторы переименовали в Маргиану. Фонетическое сходство этих названий с современным названием города Мары и реки Мургаб уже давно отметили русские и советские востоковеды. По-видимому, все эти наименования соответствуют одному географическому месту, а учитывая сохранившуюся топонимику — бассейну древней реки Мургаб. В таком случае можно допустить, что открытая археологами страна в юго-восточных Каракумах в древности также имела сходное по созвучию название, скорее всего Маргуш. По крайней мере так считал академик В. В. Струве, по авторитетному мнению которого с именем реки Мюрг связано и древнее имя оазиса Мары — Маргуш, Маргиана. Более того, по аналогии со страной Бактрией, столица которой называлась Бактр, можно предположить, что центральный город страны Маргуш — современный Гонур-тепе — мог называться Марг, Мург или Мюрг.

Заканчивая многотрудную историю поиска страны Маргуш, остается отметить, что неоднократно упоминаемое выше сходство ее культуры с культурой Бактрии, конечно, не случайно. Доказательством тому служит все та же Бехистунская надпись, где повествуется о восстании, которое было поднято в Маргиане и жесто-

ко подавлено древними персами. «Говорит Дарий-царь: «Затем страна (Маргиана) стала моей. Это то, что было сделано мной в Бактрии»». Казалось бы, налицо явное несоответствие, путаница в названии двух стран, однако думается, что древние лучше были осведомлены о современной им истории, чем мы. И недаром историки уже давно пришли к единодушному мнению, что в то время, когда каменотесы высекали надпись на Бехистунской скале, Маргиана действительно входила в состав Бактрии. Остается лишь продолжить эту тему и найти доказательства культурной общности этих двух стран в еще более древнее время, в эпоху бронзы, что было обусловлено общим происхождением, культурой и историческими судьбами.

И снова, как много десятилетий назад, варан калачиком загнул кончик хвостика вверх, с любопытством наблюдая, как археологи не спеша, по-хозяйски разгружают экспедиционные машины в тени высокого бархана. Ярко пылают саксаул, кипят, переливаясь через край, туркменские кувшины-тумчи с зеленым чаем. Экспедиция заночевала у очередного древнего поселения. Как всегда в пустыне, быстро сгустившиеся сумерки не позволили сразу обследовать поселение, но спешить некуда. Завтра с первой утренней зарей археологи нанесут на карту новый памятник древней страны Маргуш, а если очень повезет, то найдут новые свидетельства ее древней и славной истории, таящей еще много загадок.

Глава V Бактрийское золото

От Алтая до Арала

Бескрайние степные просторы, раскинувшиеся от Каспийского и Аральского морей до Южной Сибири и горного Алтая, издревле служили местом обитания степных кочевников—номадов. Их многочисленные стада и отары находили здесь в изобилии сочную траву и холодную питьевую воду. Традиционные сезонные маршруты кочевков хорошо знали и стар и млад. Да и как же было не знать, если от этого зависело не только их благополучие, но и сама жизнь! Из века в век кочевали по степным просторам номады. В повозках сидели женщины, старики и дети, а вокруг на низкорослых лошадях гарцевали тысячи воинов в остроконечных башлыках, настороженно оглядывавшие раскосыми, рысьими глазами ровные степные просторы, теряющиеся далеко за горизонтом. Из-за любого холма могла выскочить вражеская кочевая орда, рыскающая по степи в поисках новых пастбищ и водных источников для своих стад. Все больше и больше племенных объединений номадов бороздило степные просторы между Каспийским и Аральским морями, и все меньше оставалось свободных пастбищ для все увеличивающихся вечно блеющих, голодных стад. После короткого весеннего зеленого изобилия трава жухла и желтела под беспощадным среднеазиатским солнцем, становилась жесткой, колкой, непригодной для корма.

А между тем в соседних районах, на возвышенностях и в предгорьях, еще только начиналась весна, и зеленые ковровые, никем не тронутые пастбища изнывали в своем первозданном изобилии. Вот сюда-то и двигались кочевники со своими стадами, здесь снова на время прекращалось голодное блеяние стад. Но проходили дни и недели, и все начиналось сначала. От зеленого сочного ковра оставалась лишь желтая, избитая тысячами копыт пыльная равнина. И кочевники

снова двигались в путь. Каждое кочевое племя имело свои, только ему известные маршруты кочевья, которые они хранили в тайне. Да это и понятно: от поголовья стада и его сохранности зависела их собственная жизнь. Уже с самого рождения дети питались молоком верблюдиц. Из обработанных шкур животных шили одежду и обувь. Шерсть верблюдов и баранов промывалась, аккуратно расчесывалась и просушивалась на солнце. В свободное от обычных хозяйственных дел время женщины пряли и вязали шерстяную одежду. И мужчины, и женщины, и стар, и млад одевались одинаково: длинные штаны, заправленные в короткие сапожки, нательные рубахи, поверх которых набрасывалась куртка или полукафтан, крепко перетянутый кожаным поясом. Как влитые сидели всадники на своих низкорослых косматых лошаденках, вооруженные железными копьями и кинжалами. Но главное их оружие составляли лук и стрелы. Кочевая лавина под громкие гортанные завывания, посылающая тысячи стрел, в те времена представляла собой грозную силу.

Конечно же между кочевниками и горожанами древнего Востока во все времена существовали контакты, и в первую очередь торговые. На время укротив воинственный нрав, кочевники мирно пригоняли под городские стены свои стада и отары, обменивая их на боевое вооружение и различные украшения, изготавливаемые искусными городскими мастерами. Но далеко не всегда взаимоотношения между горожанами и номадами были столь мирными; бывали и местные конфликты, взаимные обиды и ссоры, а то и вооруженные столкновения.

Угроза Евтидема

Теперь перенесемся мысленно на территорию древней Бактрии. После блестящего периода расцвета культуры эпохи бронзы Бактрия была покорена царем Киром II и в качестве подвластной сатрапии вошла в империю персидских царей из рода Ахеменидов. Это произошло в 550 году до н. э. И вскоре отсюда в Персию потянулись караваны повозок и телег с податями. Известно, что, когда царь Дарий I предпринял строительство грандиозного дворца в Сузах, из Бактрии помимо строительных материалов привозили и золото, необходимое для отделочных работ. Почти двести лет находилась Бактрия под властью империи Ахеменидов, пока в начале IV века до н. э. Персидская держава не рухнула под натиском войск Александра Македонского. Так Бактрия оказалась в составе другой империи, на

сей раз Греко-Македонской. Но после смерти Александра Македонского его великая держава распалась на несколько враждующих между собой государств.

Один из ближайших сподвижников Александра Македонского — Селевк I — сумел вскоре расширить границы своего царства, которое стало простираться от Средиземноморья на западе до Индии на востоке. На крайнем северо-востоке этого царства, названного Селевкидским, находилась маленькая Бактрия, которой, однако, суждено было сыграть большую роль в последующей истории этого огромного региона. Присоединенная силой оружия, Бактрия лишь ожидала момента, удобного для отделения. Воспользовавшись войной, вспыхнувшей на западных границах Селевкидского царства, бактрийский наместник Диодот в 250 году до н. э. провозгласил независимость Бактрии.

Ну а что же происходило внутри самой страны? Еще были живы старые солдаты, помнившие Александра Македонского и прошедшие с ним трудный путь от родной Эллады до Индии. При их жизни распалась в части великая держава Александра Македонского, а вчерашние полководцы, как, например, Селевк I, внезапно возвысились до царственного сана. И вот теперь один из их соотечественников — Диодот — не избежал искушения стать во главе очередного царства. И все это за каких-нибудь несколько десятков лет, на протяжении жизни одного поколения!

Казалось бы, положение нормализовалось. Центральное селевкидское правительство, находящееся далеко в Месопотамии, на первых порах никак не пререагировало на самоуправство своих восточных наместников, и Диодот как будто бы прочно занял бактрийский трон. Но так только казалось. Среди завистливых и тщеславных греческих военачальников, еще недавно деливших с Диодотом как с равным все тяготы военной службы, появились претенденты на престол. Началась серия дворцовых переворотов и кровавых интриг. Наконец, около 230 года до н. э. на троне Греко-Бактрийского царства утвердился властолюбивый малоазийский грек Евтидем, с именем которого связаны наиболее блестящие страницы древней истории Бактрии. На монетах, чеканенных в правление Евтидема, изображен его портрет. Мы видим решительного человека с глубоко посаженными, пристально смотрящими глазами, прямым носом, узкими губами и волевым подбородком. Этот явно незаурядный, энергичный, не знающий колебаний правитель сумел навести порядок в своем царстве. Он уже мог позволить себе проводить независимую политику по отношению к

Селевкидскому государству. Однако военные возможности самого Селевкидского царства еще далеко не были исчерпаны.

Уладив дела на западных границах, селевкидский царь Антиох III решил примерно наказать своенравную Бактрию и со своим хорошо организованным войском двинулся в Восточный поход.

...Медленно несет свои воды река Герируд. Бурная в верховьях, она, вырываясь в долину, широко разливается, образуя естественную приграничную полосу между современными Ираном и Афганистаном. Вот так же несла свои воды Герируд две с лишним тысячи лет назад, когда здесь разыгралась одна из кровавых драм того времени. С запада, со стороны Ирана, к реке размеренным шагом двигались тяжеловооруженные воины в типично греческих одеяниях. В колеснице, запряженной лошадьми, украшенными плюмажами, в боевом парадном облачении гордо восседал Антиох III. Серая пыль, поднимавшаяся из-под ног тысяч солдат, застилала солнце.

Навстречу им с востока, с другой стороны реки, двигалось менее пышное и менее многочисленное, но почти неотличимое по вооружению и боевому облачению войско Евтидема. Снова, как на их общей родине, в далекой Греции, начиналась междоусобная война, снова греки шли войной на греков, но теперь уже не на земле Эллады, а на их второй, азиатской родине. Еще недавно их отцы и деды тяжелыми, строгими фалангами шли по этим пыльным дорогам вместе с Александром Македонским. Но тогда они все вместе двигались с запада на восток, теперь же они шли навстречу друг другу, одни желая защитить свою новую родину, другие — поработить ее.

Боевые порядки войска Евтидема далеко уступали по численности селевкидским, но зато у них были боевые слоны, своего рода «тяжелая артиллерия» того времени.

После первого, неудачного для бактрийцев сражения осторожный Евтидем решил не искушать судьбу и укрыться за мощными городскими стенами, навязав тем самым противнику длительную и дорогостоящую войну, к тому же на чужой территории. Основное ядро войска и свою ставку он быстро переводит в столицу — Бактр, заблаговременно укрепленную мощными городскими стенами, по которым свободно могла проехать боевая колесница. Через сквозные бойницы осажденные могли беспрепятственно осыпать врагов тучей смертельных стрел. Сделав этот тактический ход, Евтидем правильно рассчитал дальнейшую стратегию

ведения войны. Проходили месяцы, а селевкидские войска все топтались у подножия городских стен, не зная, как приступить к осаде. Так прошло томительных два года. Ни одна из сторон не могла одолеть другую. Но если для греко-бактрийского войска тактика проволок не означала поражения, то для Антиоха III затяжная война практически была крахом всего его военного начинания. Кроме того, хитроумный Евтидем не отсиживался праздно за безопасными стенами, а предпринимал ловкие дипломатические ходы. Богатыми подарками и льстивыми обещаниями он склонял противника к мирным переговорам, призывая прекратить братоубийственную войну. Наконец и селевкиды, видя бесперспективность дальнейшей осады, решили пойти на переговоры, послав в качестве парламентария некоего Телея. Встреча произошла в царской резиденции в цитадели, расположенной в самой высокой части города.

Евтидем принял посланца с царственным величием.

— Не я первый восстал на селевкидского царя,— начал он.— Напротив, я достиг царского трона тем, что истребил его врагов, тех изменников, что, начиная с Диодота, подняли восстание против законного селевкидского царя. Это был точно рассчитанный, а главное, очень тонкий ход, так как на эллинистическом Востоке право царского первородства считалось священным и данным свыше. Так, когда Александр Македонский, преследуя персидского царя Дария III, узнал, что некто Бесс, персидский вельможа, не только предал, но и умертвил своего царя, то вместо награды Александр велел предать Бесса мучительной казни, мотивируя это тем, что тот посмел посягнуть на царское достоинство, дарованное богами. Как видно, уже тогда «классовая солидарность» оказывалась выше политических соображений—судьбу царя мог решать только другой царь, и никто более!

Но вернемся к переговорам, что протекали в дворцовой тиши, за толстыми городскими стенами Бактра. Евтидем, искушенный в дипломатических хитростях, приводил сидящему против него Телею все новые и новые аргументы в пользу взаимного примирения. Если мы правильно понимаем слова римского историка Полибия, то, видимо, не обошлось здесь и без некоторых «подарков» послу: «Долго говорил так Евтидем и наконец просил Телея оказать ему услугу в мирном посредничестве и убедить Антиоха оставить за ним царское имя и сан». Можно почти не сомневаться, что свое красноречие Евтидем сумел подкрепить богатыми приношениями. И действительно, он убедил Телея стать

не только посредником, но и его союзником в мирных переговорах с Антиохом III. Но главный свой аргумент Евтидем припас под конец, когда от восхваления своей личности он перешел к скрытым угрозам, хотя и сделанным в весьма завуалированной форме. Он постарался обосновать необходимость примирения, шантажируя селевкидов общей опасностью, которой в одинаковой мере подвергались и бактрийские и селевкидские войска.

— На границе,—продолжал он,—стоят огромные полчища кочевников, угрожающие нам обоим, и если только варвары перейдут границу, то страна наверняка будет завоевана ими.

В самом деле, кочевники во все времена противопоставляли себя горожанам. Еще персидские цари Ахеменидской державы, чтобы обезопасить свои северные границы, безуспешно пытались покорить саков—кочевников среднеазиатских пустынь. По достоинству оценил их и Александр Македонский, войскам которого уже тогда кочевники доставляли большие неприятности. Легкая конница кочевников использовала тактику быстрых и внезапных нападений, после которых она мгновенно исчезала, как бы растворяясь в тучах пыли за горизонтом.

Словом, Антиох III прекрасно понимал всю реальность и серьезность «угрозы Евтидема», тем более что действительно кочевники очень внимательно следили за политическим положением внутри Греко-Бактрийского царства, ожидая лишь благоприятного случая для военного вторжения. Перед угрозой общей опасности состоялось примирение обеих сторон: Антиох III со своими войсками вернулся назад, а Евтидем принялся наводить порядок в своем царстве.

На штурм Айханум

Всего сто лет просуществовало Греко-Бактрийское царство, но оно оставило яркий след во всей последующей истории этой части древневосточного мира. Здесь, в сердце Азии, греки и македоняне создали маленький островок, точно копирующий нравы и обычаи их былой и теперь уже далекой родины—Эллады. Чтобы подтвердить это, обратимся к реальности сравнительно недавних дней.

Жаркой сухой осенью 1961 года на севере страны, неподалеку от города Кундуза, там, где горная речушка Кокча впадает в Пяндж, на одном из холмов случайно была найдена древняя коринфская капитель мраморной колонны. Прибывшие вскоре на место фран-

цузские археологи определили, что здесь некогда располагался огромный по тем временам город, оплывшие руины которого местные жители называют Айханум, то есть «луноликая женщина». Но понадобилось еще более десяти лет систематических, широкомасштабных археологических раскопок, чтобы подтвердить это документально. Действительно, на этом месте находился античный город, построенный к тому же по классическим канонам греческого градостроительства. Судя по многочисленным находкам, сделанным в ходе археологических раскопок, город был основан в начале III века до н. э. греческими колонистами, которые после смерти Александра Македонского решили обрести здесь свою вторую родину.

Вряд ли они могли найти лучшее в климатическом и более безопасное в военном отношении место, чем это. В самом деле, представим себе межгорную плодородную долину, выклинивающуюся острым мысом у слияния рек Кокчи и Пянджа. Противоположный, правый берег Пянджа представляет собой многометровый неприступный скальный щит, с которого невозможно спуститься к воде. Итак, выбранное под городскую застройку место представляло собой гигантский треугольник, вершина которого вдавалась в водную гладь, образованную слиянием двух рек, сторонами являлись их берега, а основание этого треугольника было отграничено естественным возвышением. От классической планировки городов Греции его отличала только необычная треугольная конфигурация. Но этот отход от классических канонов был вполне объясним, если учесть кто, где и когда решил основать здесь новый город. По преимуществу это были греки и македоняне, которые с оружием в руках пришли и завоевали эту страну, затерянную в глубине Азии.

Естественно, что местное бактрийское население смотрело на них если не враждебно, то настороженно. Но вряд ли только водные и скальные преграды могли полностью обезопасить колонистов от окружающего их враждебного мира, если бы не тонкая политика, которую начал проводить здесь еще при своей жизни Александр Македонский. Он прекрасно понимал, что нельзя покорить народ, основываясь только на силе. Женившись на бактрийской красавице Роксане, он тем самым показал личный пример, а затем едва ли не насильно переженил десять тысяч молодых греков на местных бактрийках, считая, что эти браки привяжут завоевателей к новой родине. Он отбирает тридцать тысяч местных юношей, обучает их греческим обычаям и языку, включает в свою армию на равных правах с

греками и македонянами. Отвечая на упреки соотечественников в насаждении в греческой среде местных нравов и обычаев, он прямо говорит, что нельзя управлять таким государством, если не передавать другим что-то свое и не учиться у них самим. Он вполне обдуманно и преднамеренно пытался создать прослойку миксэллинов, пытаясь смешать греков и бактрийцев, и через них надеялся управлять этой частью своей огромной империи. Трудно сказать, насколько преуспел бы он в своих начинаниях, если бы их не прервала преждевременная его смерть.

...Из года в год, из десятилетия в десятилетие воды Кокчи и Пянджа, соединившись в западном углу города, устремляются дальше, вырываясь затем на широкие среднеазиатские просторы и образуя мощную реку Амударью. Казалось, ничто не меняется вокруг, и, как извечно несется вода в этих реках, так вечно будет стоять и процветать город у их слияния. Правда, с некоторых пор всё чаще на скалах правого берега Пянджа стали появляться фигуры всадников в островерхих башлыках, сидящих верхом на косматых низкорослых лошадях. Все чаще и чаще вместе с восходом солнца четкими силуэтами на голубоватом фоне неба вырисовывались сначала единицы, а затем и десятки фигур. Вскоре конные разъезды стали вести круглосуточное наблюдение за городом, о чем красноречиво свидетельствовали едва мерцающие в ночи огоньки костров на вершинах скал. Конечно же горожане хорошо знали, что это были кочевники, совсем недавно захватившие северную часть их страны, расположенную на правом берегу Пянджа. Беженцы с правобережья рассказывали о тех ужасах, что несли с собой завоеватели-кочевники. Жестокая правда смешивалась с невольными вымыслами и фантастическими преувеличениями, но до сих пор горожане относились к этим рассказам как сторонние слушатели. Они сочувственно вздыхали и успокаивали беженцев, нисколько не заботясь о своей собственной судьбе. Водный рубеж и скальный щит были для них примерно тем же, чем в недавнее время линия Мажино для французов. Но иначе считали кочевники, высллавшие все новые и новые конные разъезды на вершины скалистого берега, с которого как на ладони просматривался весь город.

Параллельно берегу по длине оси город перерезала прямая широкая улица, по обе стороны которой располагались частные дома и общественные здания. Сверху видно было, как под утренними лучами солнца постепенно оживал город. Вот и первые горожане, торопящиеся по своим делам. Стайка молодых юношей спе-

шит в гимнасий, расположенный у самой крепостной стены. Построенный по классическим канонам греческих сооружений подобного рода, он состоит из обширного двора, вокруг которого правильным прямоугольником располагаются помещения для занятий. Здесь преподавали греческую литературу, основы математики, философию, правописание, да мало ли каким еще премудростям взрослые пытались научить молодое поколение, стараясь подражать тому, что они слышали, а некоторые и видели в Греции.

Но вот многомудрых философов сменяют преподаватели-гимнасты, и начинаются состязания в борьбе, беге, скорости и ловкости, развивающие в юношах храбрость, мужество, силу и неустранимость духа — качества наиболее важные для людей, заброшенных судьбой в чужие края. А в конце занятий юношей ожидало приятное плавание в бассейне, устроенном посреди двора. Здесь они специальными железными скребками смывали с себя грязь и пыль, учились плавать и нырять.

Но не только это подмечали острые глаза кочевников. Южнее гимнасия они видели дворец с колоннами из белоснежного мрамора (капитель одной из них и была найдена в 1961 году). Богатое воображение рисовало им несметные сокровища, спрятанные во дворце. Высокие каменные стены надежно скрывали дворцовые тайны, но яркие лучи поднимавшегося к зениту солнца открывали их взорам многокрасочный мозаичный пол бани. Здесь немногочисленная городская элита отдыхала, как в Греции, проводя многие часы за мирной беседой и философскими спорами. Пока юноши занимались в гимнасии и правители решали городские дела, хозяйки в сопровождении слуг тянулись к агоре, расположенной неподалеку от дворца.

Подобно современным восточным базарам, древняя агора представляла собой торжище. В плетеных корзинах грудками возвышались сочные фрукты и свежая зелень, которую приносили сюда на продажу крестьяне из пригородных селений. На лотках трепетала серебристая рыба, только что выловленная в Кокче и Пяндже. Блеющее стадо коз и баранов, тяжелое мычание коров сулили обильные мясные блюда. Словом, это был обычный восточный базар, куда стекалось из городской округи все, чем был богат этот край.

Все более разгорались алчные глаза кочевников, видящих, как, энергично жестикулируя, торгуются хозяйки на агоре, — казалось, протяни руку — и все достанется тебе, но грозным предупреждением для них служило большое здание в южном конце магистральной

улицы, где располагался арсенал. Перед мысленным взором кочевников представляли десятки и сотни бронзовых мечей, кинжалов и копий, блеснувших тонкоотточенными лезвиями на солнце, круглые, обтянутые толстой бычьей кожей щиты, железные кольчуги и поножи, тысячи граненых наконечников стрел и разное другое вооружение и боевые доспехи, спрятанные в арсенале.

Наступило самое жаркое время дня. В городе все живое попряталось в тень или укрылось за толстыми стенами в прохладе комнат, за исключением дозорных, внимательно следящих за городской округой. Не уходили со своих мест и конные разведчики кочевников, упорно отыскивающие наиболее слабые и уязвимые места в городских оборонительных сооружениях. Даже их, привычных в палящей жаре степняков, одолел зной сегодняшнего дня, а прямо внизу, у них под ногами, располагался круглый бассейн, брызгающий струйками фонтанов. Выложенная каменными, тщательно пригнанными друг к другу блоками, ровная гладь стен бассейна местами была декорирована выступающими скульптурными головками то дельфина, то волка, то комедийной маски, изо рта которых тонкими фонтанчиками поднимались струйки прохладной воды.

Но вот спадает полуденная жара, и горожане постепенно появляются на своих крохотных двориках, на улицах и площадях. Кто-то идет в храм, кто-то спешит в театр, где сегодня дается очередное представление трагедии Эсхила. Полукруг ступенчатых рядов театра заполняется зрителями. Публика в который раз с неподдельным интересом следит за действием на сцене, бурно реагируя на выступление своих любимых актеров. Театр, точно копирующий греческий, располагается у самой магистральной улицы. Рядом, создавая прохладу, проходит канал, куда вода подается по своеобразному водопроводу.

Но как часто бывает в жизни, радость и печаль идут бок о бок. Скорбная толпа родственников медленно движется в сторону городского кладбища. Хоронят Клеарха, человека удивительной судьбы. Последователь учения Аристотеля, он не ограничился чтением его произведений, а, преодолев с большими трудностями огромное расстояние от Бактрии до Греции, в конце концов добрался до родины своих предков. Там он решил посетить священное для всех греков место — Дельфы, где его внимание привлекла одна философская надпись из Аристотеля, которую он в сокращенном виде скопировал для себя. Вернувшись домой, в Бактрию, он велел своим детям после его смерти

начертать это изречение на могильном камне. В свободном переводе оно звучит примерно так: «В молодости старайся усмирять свои страсти, в зрелом возрасте давай хорошие советы, в старости умри без сожаления». Пример Клеарха наглядно демонстрирует нам тягу греков даже второго-третьего поколений к своей исторической родине — Греции.

Однако бактрийская действительность не могла не сказаться на повседневной их жизни. Давно уже сменили они типично греческие одеяния на местные, более подходящие к жаркому климату. Почти все горожане были двуязычны и свободно изъяснялись с местным населением на одном из диалектов восточноиранского языка. Детям, рождавшимся в смешанном браке, нередко давали не греческие, а местные древнеиранские имена. Словом, шел естественный процесс ассимиляции сравнительно небольшого пришлого населения. На дружеских пирушках звучала смешанная, греко-бактрийская речь, а когда старшие, встав в круг, начинали водить свои древние хороводы, не только гости-бактрийцы, но и дети смотрели на танцующих с непониманием и некоторым удивлением. Но все же, какие бы сложные этнические процессы ни проходили в этом городе, его мощные стены отграничивали кусочек Эллады от окружающего его иноязычного и инокультурного мира бактрийцев. Казалось, пройдут еще века, а внутри, за городскими стенами, все будет звучать греческая речь, процветать греческие обычаи и нравы.

Но все оказалось иначе. Мы не знаем, как кочевники сумели взять и разрушить Айханум, но археологические раскопки с документальной точностью зафиксировали результаты этой катастрофы. Может быть, кочевники совершили обходной маневр и одновременно форсировали обе реки вплавь, держась за хвосты своих лошадей, может быть, они использовали другие способы, но результат оказался один. В огне пожара погиб город, носивший, как полагают французские археологи, в древности название Александрия-на-Оксе (Оксом греки называли Амударью). Безжалостно были разрушены храмы и дворец, разграблены даже царские могилы. Разграблено было все, вплоть до личного имущества рядовых горожан, так что в руки археологов попали лишь вещи или заранее спрятанные в тайники, или засыпанные обрушившимися стенами и кровлей горящих зданий. Жители частично были перебиты, частично разбежались и спрятались в ближайших горах. Кочевники разрушили не только город, но и водопровод, подававший в него воду. Жизнь в Айхануме так больше никогда и не возродилась.

Вскоре кочевая лавина затопила всю Бактрийскую равнину. Ничто не могло устоять перед ее натиском. Города и села сдавались на милость победителей и подвергались грабежу и разрушениям. Захватив всю Бактрию, кочевники и здесь, в традиционных земледельческих оазисах, первое время вели прежний образ жизни.

Но проходят годы, и они постепенно начинают отстраивать ими же разрушенные города и основывать новые. Один такой город, Емши-тепе, они строят в Шибирганском оазисе, неподалеку от холма Тилля-тепе. Необычная круглая планировка города скорее всего восходит к кочевым традициям, когда, останавливаясь на ночевку в степи, номады для безопасности ставили свои повозки кругом, сами располагаясь внутри его. Обезопасив себя от возможного нападения тесно составленными повозками, они могли по достоинству оценить преимущества круговой системы обороны, и эти свои навыки использовали при устройстве оборонительных сооружений города.

Как бы то ни было, Емши-тепе, бесспорно, входил в первую десятку крупнейших городов Бактрии того времени и был столичным центром всего Шибирганского оазиса. В таком случае естественно допустить, что именно здесь находилась центральная власть, а во дворце, за мощными стенами цитадели, располагалась резиденция местной правящей династии. К сожалению, раскопки Емши-тепе не коснулись цитадели, но установлено, что жизнь в городе процветала на рубеже нашей эры. Вчерашние кочевники перенимают нравы и обычаи, существовавшие при царском дворе Греко-Бактрийского государства. Они украшают свои покои с чисто царским великолепием, рабски следуют модам, господствовавшим при эллинистических правителях. Победные трофеи, попавшие в их руки при взятии города, теперь извлекаются из сундуков. Не понимая художественной ценности великолепных ювелирных изделий, попавших в их руки, они при дележе добычи безжалостно разламывали подлинные шедевры эллинистического ювелирного искусства. Кочевники ценили только вес и блеск драгоценных металлов, а не их красоту.

Вскоре награбленных украшений стало уже недостаточно, чтобы подчеркнуть все величие новых правителей, и они, подобно своим греко-бактрийским предшественникам, стали заказывать ювелирам новые золотые и серебряные украшения на свой собственный вкус. Теперь больше всего стали цениться размеры и вес украшений, а не их художественные достоинства.

Постепенно низкий эстетический уровень запросов заказчиков стал приводить к упадку ювелирного искусства. Из рук ювелиров выходят десятки, сотни и даже тысячи однотипных золотых украшений в виде простых бляшек и подвесок. Когда же царственные персоны заказывали для себя индивидуальные ювелирные изделия, как, например, фигурные пряжки, браслеты, перстни, то и тогда мастера лишь рабски копировали, да и то на сравнительно низком художественном уровне изделия своих старых учителей. Так на смену искусству пришло ремесло.

Даже в тех немногих случаях, когда им заказывались ювелирные изделия греко-бактрийского стиля, мастера не могли уже с точностью воспроизвести копии бывших оригиналов. Например, весьма популярная тема греко-римского искусства — амур верхом на дельфине, резвящемся среди морских волн, — получает совершенно новую трактовку. Теперь это не юный жизнерадостный проказник, а человек с обрюзгим лицом, сидящий на рыбе, которую даже при большом желании трудно принять за дельфина. Очевидно, что мастер-ювелир лишь смутно представлял себе самую композицию «амур, сидящий на дельфине» и поэтому изобразил в своем произведении хорошо известную ему рыбу, что в изобилии водилась в бактрийских реках. Более того, угождая вкусам новых правителей, мастера нередко придавали греческим божествам характерные черты самих кочевников.

Правители Емши-тепе всячески старались подчеркнуть свой высокий социальный статус не только при жизни. Умерших родственников они обряжали в такие пышные погребальные одеяния, каких не могли себе позволить и более блестящие царские династии прошлого. Создается впечатление, что умершим в могилы они клали больше золотых ювелирных изделий, чем имели сами, в ряде случаев «заняв» их у своих же здравствующих родственников.

На погребальные одеяния нашивались десятки, сотни и даже тысячи мелких золотых украшений, что должно было и на том свете выделять их владельцев среди простых смертных. В могилы клали все личные украшения умершего, почти ничего не оставляя наследникам, все с той же целью — предельно возвеличить и подчеркнуть высокий социальный ранг, который умерший занимал при жизни.

Но несметные богатства, которые помещались в могилы, нужно было как-то уберечь от возможных грабителей. Для этого кочевники-правители применили простой, но полностью оправдавший себя прием, уст-

роив тайное родовое кладбище, известное лишь ограниченному кругу посвященных. Естественно, что такое кладбище не могло находиться в пределах Емши-тепе, на глазах у всех горожан. Нужно было найти укромное место вдали от людских глаз, но вместе с тем и вблизи от себя, чтобы легче было контролировать его сохранность.

Они обратили внимание на холм, расположенный менее чем в полукилометре от дворца. Конической формой он напоминал те курганы, что кочевники обычно насыпали над могилами на своей прежней родине (и сейчас такие курганы сотнями разбросаны по среднеазиатским степям, отмечая маршруты передвижений кочевавших когда-то племен).

Итак, место под кладбище было выбрано, и, как показало время, выбрано вполне удачно. Именно благодаря этому оно и сохранилось в целостности до наших дней, т. е. в течение почти двух тысяч лет. Естественно думать, что секретные захоронения полностью исключали обычные многолюдные похороны и пышные тризны. Под покровом ночи гробы переносили к холму Тилля-тепе. Здесь за считанные часы вырывали прямоугольную могильную яму глубиной около двух метров, куда на веревках опускали гроб. На высоте около полутора метров на специальные уступы укладывались деревянные плахи, на них клались плетеные тростниковые циновки, которые сверху забрасывались землей на одном уровне с поверхностью холма и обкладывались зеленым дерном. И уже на следующий день ничто не указывало на совершенное здесь ночью захоронение, и люди, как обычно, равнодушно проходили мимо холма, спеша на свои поля, а чабаны, как всегда, пригоняли сюда на выпас многочисленные отары. Все без исключения могилы располагались в той части холма Тилля-тепе, которая легко просматривалась из дворца.

Все это стало понятным лишь после того, как советскими и афганскими археологами было сделано замечательное открытие на Тилля-тепе, названное находкой века, но этому предшествовало почти десять лет археологических поисков.

Загадки Тилля-тепе

Наше первое знакомство с Тилля-тепе — «Золотым холмом», как называют его местные крестьяне, состоялось осенью 1969 года. Расположенный среди хлопковых полей, почти вплотную подступивших к окраине Шибиргана, этот холм сначала ничем не привлекал нашего внимания и, казалось, совсем не отличался от других

холмов, возвышавшихся неподалеку и уже обследованных нами. Но наше мнение сразу же изменилось, как только мы начали обследовать его поверхность. Если на соседних холмах археологи находили лишь обломки глазурованной посуды, относящейся к средневековому времени, то черепки на Тилля-тепе были изготовлены более грубо и, что самое главное, имели не глазурованную поверхность, а простую, шероховатую, покрытую красочными расписными орнаментами. Такие обломки посуды в Северном Афганистане нам встречались впервые, но очень похожие черепки были известны в соседней Южной Туркмении. Однако этот тип посуды относится к периоду, намного предшествующему эпохе средневековья. Словом, первое же обследование поверхности холма Тилля-тепе показало всю необычность памятника, но лишь раскопки могли дать хотя бы частичный ответ на многие вопросы, связанные с историей живших здесь людей.

Наша экспедиция уже завершала свой первый полевой сезон, но большие, масштабные раскопки в тот год времени не оставалось, поэтому пришлось ограничиться пробными разведочными работами. Для этого на самом верху холма был выбран небольшой ровный участок, раскопки которого выявили остатки домов, выстроенных из сырцового кирпича. Внутри бывших комнат, хозяйственных помещений, кухонь мы нашли большое количество разбитой посуды, но, странное дело, вся она была изготовлена на гончарном круге, а главное, ничем не украшена. Такая керамика широко использовалась в быту за двадцать пять веков до наших дней, когда Бактрия силой оружия была включена в состав Ахеменидской державы. Но на верху холма жили люди в более позднее время, а нижележащие слои могли относиться к более древнему периоду. Чтобы убедиться в этом, в центре раскопа была выбрана совсем маленькая площадка, которую решено было максимально углубить. Только проникнув в недра холма, можно было посмотреть, к какому же времени относятся остатки вещей — преимущественно битая посуда, — сохранившиеся от тех далеких времен, когда безвестная хозяйка, готовя обед семье, безнадежно разбила и выбросила один из своих горшков.

И в самом деле, когда с холма был снят верхний слой с ничем не украшенной посудой и рабочие стали углубляться дальше, картина резко изменилась. Под их лопатами стали попадаться черепки, грубые по изготовлению: их делали не на гончарном круге, а вручную, так что стенки были не так тонки и изящны и формы их не отличались идеальными пропорциями. Но на этом

отличие не кончалось. После того как мастер вручную отформовал сосуд, он расписывал его по наружной поверхности различными геометрическими орнаментами, нарисованными коричневой, красной, бурой красками, обведенными черными контурами. Причудливые, замысловатые орнаменты из треугольников, ромбов, квадратиков, шахматных сеток ярко-красными фризами опоясывали верхние части чашек, кубков, мисок — явно парадной посуды, предназначенной для особых, торжественных случаев. На каждый день годились простые, также изготовленные вручную, но ничем не украшенные сосуды, обломки которых в изобилии были встречены в раскопе археологами.

Оставались считанные дни до конца работ экспедиции, а культурные слои с черепками этого типа уходили все глубже и глубже, из чего можно было заключить, что период жизни человека на этом месте был довольно длительным. Метр за метром углублялись рабочие; вот уже пройдена трехметровая глубина, все тяжелее выбрасывать накопанную землю наверх, а культурные слои все продолжались. Тогда решено было заложить небольшой дополнительный шурф у основания холма и тем самым максимально быстро дойти до «материковых» слоев, то есть до слоев, на которых человек древности, впервые придя сюда, стал возводить свои дома, заложив тем самым основание нового поселка.

Но и этот метод не дал ожидаемых результатов. Добраться до «материка» в тот год нам так и не удалось. Решено было отложить окончание раскопок на следующий год. Однако по разным причинам возобновились они лишь осенью 1971 года и при довольно драматических обстоятельствах. Приехав тогда в очередной раз в Кабул, мы случайно узнали, что около Тилля-тепе идет большое строительство, которое уже частично разрушило холм. Службы охраны памятников старины в подлинном смысле этого слова в то время в Афганистане практически не было, поэтому решено было срочно выехать в этот район, чтобы оценить ситуацию. Действительность оказалась хуже, чем мы предполагали. На месте бывшего холма торчал лишь чудом сохранившийся останец, у подножия которого сновали бульдозеры и самосвалы. Стены и полы древних зданий, с такой тщательностью расчищенные нами два года назад, в одно мгновение исчезали в зубчатой пасти экскаваторов, целые сосуды с изысканными фризами тысячу осколков брызгали из-под гусениц бульдозеров! Принятые нами энергичные меры приостановили дальнейшее разрушение, но холм уже имел весьма плачевный вид.

Тем не менее надо было спасти то немногое, что еще оставалось. О раскопках древних зданий самых верхних слоев не могло быть и речи, так как их попросту уже не было. Оставалась возможность при помощи серии глубоких шурфов выявить хотя бы общую толщу культурных напластований, считая от верхушки бывшего холма до «материка». И вот тут наконец результаты превзошли все наши ожидания. Общая толща культурных слоев достигала почти двенадцати метров, в то время как сам холм возвышался над окружающими его хлопковыми полями всего на четыре метра. Высота его была измерена нами еще два года назад. Но люди не могли основать поселение в котловане, значит, за прошедшие тысячелетия поверхность в окрестностях Шибиргана «поднялась» на пять-шесть метров сравнительно с древним уровнем. Такая геоморфологическая ситуация может объясняться активными процессами аккумуляции, когда с близлежащих предгорий сезонные паводки и речушки смывают и откладывают на прилегающую равнину ежегодно из века в век тонкие, почти миллиметровые глинистые наносы. Со временем они образуют метровые наслоения.

В результате разведочных работ нам удалось в общих чертах нарисовать картину существования и развития этого конкретного поселка. С самого начала здесь была возведена округлая в плане платформа шестиметровой высоты, сложенная из тяжелых, стандартной формы сырцовых, то есть высушенных на солнце, кирпичей. Тысячи кирпичей были уложены в эту мощную платформу, чтобы на верху ее построить какое-то монументальное здание. У основания платформы располагались дома рядовых обитателей — земледельцев и скотоводов. Вознесенное на высокую платформу здание доминировало над поселком, демонстрируя тем самым социальное расслоение местного общества, деление на знатных и богатых и рядовых общинников. С самого начала люди, жившие здесь, изготавливали лепную расписную посуду, хотя нередко пользовались и простой, неорнаментированной, но изготовленной на гончарном круге. Красочные, четко выписанные узоры геометрических орнаментов эффектно выделялись на общем красноватом фоне самих сосудов, создавая тонкое сочетание близких цветовых оттенков. Там же попадались в небольшом количестве и черепки чернополированной посуды, резко отличавшейся от остальной. По всей вероятности, она была привезена из соседнего Ирана.

Много загадок задали археологам люди, создавав-

шие расписную посуду. Почему-то они совсем не изготавливали терракотовые статуэтки: ни для изображения своих богов, ни в качестве детских игрушек. Создается впечатление, что тогда существовал запрет на подобные статуарные изделия. Вообще повседневный быт обитателей Тилля-тепе отличался скромностью и даже суровостью. Почти никаких украшений не нашли археологи при раскопках: редкие металлические изделия представлены оружием, преимущественно бронзовыми наконечниками стрел и, возможно, железными боевыми доспехами. До сих пор интригующей загадкой остаются погребальные обряды: ни одного захоронения не было найдено при раскопках холма на этой глубине. Не встречались они и в Южной Туркмении, где люди, изготавливавшие аналогичную расписную посуду, также не оставили ни одного захоронения. Остается либо думать, что могильники располагались далеко за пределами поселков, либо допустить, что у них существовали особые погребальные ритуалы, например сожжение умерших. Но и это еще не все. Главная загадка заключается в том, что до сих пор наука не располагает сведениями о том, кто были, откуда появились и куда ушли люди расписной керамики. И это несмотря на то, что вот уже более полувека над решением этой проблемы работают различные специалисты: археологи, антропологи, лингвисты, историки.

Правда, раскопки Тилля-тепе внесли относительную ясность в вопрос о том, когда жили люди на этом месте. Так, на полу одного из помещений, в очаге, нам посчастливилось найти угольки. Радиоуглеродное определение показало, что огонь горел в этом очаге где-то в середине IX века до н. э.

География научного поиска

Хотя находки на Тилля-тепе позволили более точно установить время существования загадочных людей красной расписной керамики, но до решения всей проблемы в целом было еще далеко. Поэтому в том же 1971 году после завершения раскопок на Тилля-тепе мы предприняли маршрутные обследования в поисках новых мест обитания людей расписной керамики. Понско-вые группы археологов направились в наиболее глухие пустынные районы Северного Афганистана; нам казалось, что лишь там, вдали от современных населенных пунктов, можно найти следы, отмечающие пути движения людей красной расписной посуды.

...От Шибиргана до Акчи и далее, до Мазари-

Шарифа, по обе стороны дороги тянутся ровные плоскости такыров, на которых уже издали видны оплывшие бугры средневековых городов, поселков, караван-сараяв. От Мазари-Шарифа в который раз наш вездеход направился в сторону Амударьи. Многодневные поиски не были безрезультатными: в контактной зоне песков и такыров удалось обнаружить стоянки каменного века. Развалины десятков античных деревушек и средневековых городов впервые были обнаружены здесь археологами. Это представляло большой научный интерес: все шире раздвигалась арена становления и исторического развития древних североафганских племен в разные эпохи и в разных областях. Но ни один из вновь открытых памятников не был обжит людьми расписной керамики: ни на одном из древних поселений археологи не нашли черепков с расписными геометрическими фигурками. Направленность путей расселения этих людей все время ускользала от археологов.

...Из многодневного пустынного маршрута вездеход устало возвратился в Ташкурган. Отсюда, оставив всякие надежды на поиски следов расписной посуды, мы выехали в Мазари-Шариф, где нас ожидал заслуженный отдых на стационаре. Расстояние между этими городами не превышает шестидесяти пяти километров, так что через час поисковая группа рассчитывала быть на базе. Но прибыли мы туда только через несколько дней. В дороге случилось следующее.

Машина стремительно рвалась вперед, за бортом мелькали лишь белые километровые столбы, резко контрастирующие с черной стрелой асфальта, пронзившей выжженные, желтые такыры. Примерно на полпути от Мазари-Шарифа кто-то из археологов обратил внимание на еле заметные всхолмления, тянущиеся вдоль дороги на расстоянии брошенного камня от нее. Десятки раз тут проезжали экспедиционные машины, и ожидать чего-либо интересного вроде бы не приходилось. Только для собственного успокоения археологи затормозили машину, и лишь один человек, спустившись с откоса, нехотя побрел к ближайшему всхолмлению. Еще только приближаясь, археолог определил — это не естественный бугорок: на поверхности среди выгоревших кустиков тускло поблескивали черепки посуды. Значит, здесь жили люди. Но когда? Поднят один осколок, другой, третий — явно не средневековые, пожалуй, не античность; тогда, может, это еще более древняя посуда? Теперь уже мы не могли проехать мимо, не обследовав древний памятник, и вскоре на обочине дороги осталась стоять пустая машина, а археологи разбрелись по бугоркам и всхолмлениям.

тщательно осматривая поросшую травой поверхность. Вот под сухим кустиком светлым пятнышком отмечен обломок сосуда, рука археолога уже потянулась за ним, как вдруг «веточка» кустика со злым шипением извивающейся коричневой змейкой бросается на человека. Пустыня есть пустыня, хотя она и начинается всего в десяти метрах от шоссе.

Собранная с холмов керамика относилась к ахеменидскому времени, то есть близко напоминала посуду с самого верха холма Тилля-тепе. Но тогда можно ожидать, что поблизости обнаружится и расписная керамика предшествующего времени. Надо было отойти подальше от дороги, туда, где почти на горизонте на фоне заходящего солнца виднелось слабоаметное вытянутое всхолмление. Сначала здесь, как и на Тилля-тепе, на поверхности были найдены лишь обломки посуды ахеменидского времени, однако бросилось в глаза слишком большое присутствие лепной керамики, правда нерасписной, и в таком случае это могла быть обычная кухонная посуда. Но интуиция подсказывала археологам, что весь облик находок довольно архаичен, здесь можно было ожидать красочную роспись на одном из таких черепков.

Отряд заночевал на этом месте, надеясь продолжить поиски на следующий день. Вечер был необычайно тихим, лишь легкий ветерок обвевал наши усталые тела. Поставив в ряд раскладные кровати со спальными мешками, мы устроились на ночлег. Но вскоре ветер усилился, а к утру началось настоящее светопрестваление. Сквозь сплошную песчаную мглу едва проглядывало солнце. От сильных порывов ветра вздрагивал кузов вездехода ГАЗ-66, песком занесло все экспедиционное оборудование. Охир заман — «конец света» на языке дари — называли мы между собой эти песчаные бури. «Афганец идет», — говорят в Средней Азии, когда из-за Амударьи налетает все испепеляющая песчаная буря. «Шемали руси» (русский ветер), — говорят афганцы, когда сильный ветер дует в обратном направлении — из Средней Азии на Бактрийскую равнину.

Песчаная буря свирепствовала с неослабевающей силой, и лишь в редкие моменты относительного затишья археологи отваживались на сбор поверхностного материала. Вот тогда-то под свист «охир замана», почти во мгле кто-то умудрился поднять черепок со следами выцветшей от долгого лежания под палящими лучами солнца росписи. Но, несмотря на невзрачный вид черепка, стало ясно, что здесь проживали люди расписной посуды. После того как буря утихла, нам удалось найти другие черепки, сохранившие роспись из

геометрических рисунков, раскрашенных краской.

Позднее подобная же посуда была обнаружена на других близлежащих холмах. Как оказалось, здесь располагался целый оазис поселений того времени; в трех—пяти километрах южнее этого древнего оазиса у подножия гор ныне располагается селение Набабад, рядом с которым протекает речушка того же названия. Очевидно, в древности она протекала много севернее, чем сейчас, так что во время таяния снегов ее потоки приносили с гор вместе с водой много плодородного ила, который в периоды сезонных паводков широко разливался в дельтовом веере. Создавались оптимальные условия для занятия земледельческо-скотоводческим хозяйством, что и послужило причиной того, что здесь в древности обосновались люди расписной посуды. Изучение Набабадского оазиса показало, что они появились здесь позднее, чем на Тилля-тепе.

Набабадский оазис располагается примерно на полпути между Тилля-тепе и поселком Кучук-тепе в Узбекистане, намечая тем самым промежуточный пункт на пути расселения людей расписной посуды. Эти открытия в Северном Афганистане приобретают особую научную ценность, полностью опровергая старую теорию американцев, занимавшихся раскопками в Средней Азии еще в дореволюционный период, об «эпохе варварской оккупации». В самом деле, культурные слои холмов в Северном Афганистане достигают мощности более шести метров, в то время как в Средней Азии толща слоев таких же поселений не превышает двух—двух с половиной метров. Иными словами, время обитания людей расписной керамики в пределах Средней Азии было в несколько раз короче, чем в соседнем Афганистане. Все это дало право выдвинуть новую теорию о том, что люди расписной посуды не имеют никакого отношения к кочевникам безбрежных степных просторов севера Средней Азии, а, напротив, их происхождение связано с более южными территориями, занятыми ныне Афганистаном и Ираном. Это предположение подтвердилось, когда сходные материалы были обнаружены нами в соседнем Восточном Иране. Теперь уже намечалась хотя и прерывистая, но единая, взаимосвязанная цепочка однотипных, или однокультурных, памятников: от Северо-Восточного Ирана и Южной Туркмении через Северный Афганистан до Южного Узбекистана.

Многое еще оставалось неясным в происхождении людей расписной керамики, но одно бесспорно: не бескрайние степи Средней Азии, а традиционно земледельческие области Передней Азии были родиной этих

племен, откуда они расселились далеко на восток. Более того, появилась возможность в свете новых данных пересмотреть историческую интерпретацию памятников, раскопанных еще до второй мировой войны и вскоре после нее. Имеются в виду такие памятники, как Нади-Али и Мундигак, расположенные на крайнем юго-западе Афганистана, недалеко от города Кандагар. Довоенные раскопки французских археологов открыли здесь слои с изготовленной вручную керамикой, покрытой красными расписными орнаментами. Теперь есть веские основания предполагать, что и эти поселения отмечают распространение родственных племен расписной посуды, но уже не в восточном, а в южном направлении, вдоль афгано-иранской границы.

Археологические будни

Пока одна группа археологов занималась исследованием древних племен, некогда обитавших на Тилля-тепе и в Набабадском оазисе, другая группа на вездеходе отправилась по маршруту вдоль газопровода. Маршрут этого поискового отряда шел из Шибиргана на север, до города Андхой, а от него по пескам и такырам вплоть до того места, где нитка газопровода упирается в Амударью. Ведь где-то здесь, недалеко, на территории Средней Азии, советскими археологами были найдены черепки древней посуды, остатки каких-то строений, оплывшие, почти незаметные холмы. Обследовав два-три таких холмика, мы убедились, что тут действительно располагались целые оазисы, где обитали люди эпохи бронзы. До сих пор их стоянки вообще не были известны на Бактрийской равнине.

Сейчас эти холмы располагаются в пустыне. Ближайшая к ним деревушка Фаруккала находится примерно в десяти километрах южнее. Верхом на лошадях, ишаках, а чаще пешком добирались оттуда рабочие, нанятые нами для раскопок одного из таких холмов. Небольшие холмы не привлекали особого внимания местных жителей и поэтому не имели собственных названий. Работы начались на холме, условно названном нами Дашлы-1, наиболее крупном, заметном, возможно, древнем столичном памятнике, где можно было ожидать богатых находок. И в самом деле, раскопки выявили на этом месте мощную прямоугольную крепость, обнесенную по краю широкой кирпичной оборонительной стеной.

Обследования, проведенные внутри крепости Дашлы-1, показали, что примерно за тридцать пять веков до наших дней в поселках Дашлинского оазиса обитали

традиционно земледельческие племена. Свою керамику они изготавливали на гончарном круге, причем мастера-керамисты порой достигали изумительного совершенства в своем деле. Особенно много было найдено стройных, изящной формы сосудов типа ваз и кубков на высоких ножках. Подобные сосуды, обнаруженные ранее в долине Инда, так и были названы археологами — «вазы для фруктов». В самом деле, тонкие по профилю, изысканные по форме, они, казалось, должны были употребляться только в парадных случаях. Однако при раскопках Дашлы-1 они встретились в таком большом количестве, что это заставило нас усомниться в их прежнем назначении. Окончательно мы в этом убедились, когда раскопали древние могилы, внутри которых в таких вазах находились кости животных, некогда положенные туда вместе с поминальными кусками мяса.

Горшки, миски, банки, соусники, чайники, графины и многие другие виды посуды дополняют ассортимент сосудов, некогда использовавшихся в быту жителями Дашлы-1. Вся эта посуда имеет светлый цвет, никогда ничем не украшена, лишь изредка мастера-керамисты покрывали свою продукцию сплошной краской густо-коричневого и темно-красного цвета.

Жители Дашлинского оазиса еще не знали железа, но из меди и бронзы они изготавливали всевозможные украшения, орудия труда, оружие. Широко использовались в то время еще и каменные орудия, в особенности кремневые наконечники стрел. Эти и другие находки дают общее представление о материальной культуре, о каждодневном быте местных жителей, но как заглянуть в их духовный мир, если язык этого народа не сохранился? Некоторую помощь могут оказать древние захоронения, ведь умершего хоронили по определенному обряду и у каждого народа он был свой, в чем-то отличный от других.

Так, при раскопках Дашлы-1 были найдены погребения, в которых скелеты лежали на боку, со скорченными ногами и почти всегда головой на север. Эта устойчивая традиция, выдерживаемая из поколения в поколение, и является характерным признаком погребального обряда местных племен. В могилу клали и погребальные приношения. Чаще всего это были разнобразной формы сосуды, причем нередко у бедняков они еще вчера стояли на столе и употреблялись в быту, а сегодня за неимением других отправлялись сопровождать умершего в «лучший» мир. В женских захоронениях нам нередко попадались медные серьги и браслеты, иногда встречались золотые и серебряные украшения, а

также медные туалетные булавки и флаконы, различные бусы, подвески и зеркала. В мужское захоронение помещалось оружие, как правило бронзовые кинжалы и даже короткие мечи, стрелы с кремневыми наконечниками, боевые топоры. Эти и другие находки говорят о существовании традиционных ритуалов в погребальных обрядах местных бактрийских племен. Подтверждение тому дают и особые по типу захоронения, когда в обычной могиле имеются богатые погребальные приношения, но отсутствует сам костяк. Это так называемые кенотафы, то есть символические захоронения людей, умерших «на стороне», далеко от родной земли.

И уж полной неожиданностью оказалась находка захоронений баранов, аккуратно положенных в могилу на боку, головой на север, в окружении точно таких же погребальных сосудов, что и в обычных могилах людей. Сначала можно было допустить, что и это не более как кенотаф, в которых бараны могли являться просто заупокойной пищей умершему вдали от дома. Однако перед мордой одного из баранов внутри такойстройной вазы на высокой ножке находились бараньи ребра! Иными словами, захороненному барану помимо сосудов положили и «пищу» для дальнейшей заупокойной жизни. Очевидно, в культовой символике древних бактрийцев бараны обожествлялись, им воздавались особые почести, о них распевали священные гимны, они играли большую роль в местном мифотворчестве.

Пока продолжались раскопки на Дашлы-1, археологи в свободные часы отправлялись на поиски новых памятников. В сотне метров от Дашлы-1 располагался другой холм, получивший название Дашлы-2, где также были проведены разведочные раскопки, а немного севернее виднелся холм, названный нами Дашлы-3. С самого начала этот пункт привлек к себе особое внимание: рядом с холмом через небольшую седловину располагалось слабо заметное в рельефе блинообразное возвышение. Казалось, что здесь, как и на Дашлы-1, сам холм — это руины древней крепости с башнями, а блинообразное возвышение — неукрепленное поселение рядовых общинников. Вместе с тем это поселение отличалось от всех других характером находок. Прямо на его поверхности были обнаружены полуразветные погребения, которые обнажились в результате интенсивных процессов дефляции, когда столетиями дожди и ветры размывали и раздували землю. Поэтому каждый наш поход на Дашлы-3 приносил удачу: вот полузасыпанная песком совсем целая миниатюрная ваза, выточенная из мраморовидного камня, вот обломок бронзовой печати, бусины, булавки. Но особенно много было

найденно здесь великолепно изготовленных кремневых наконечников стрел. Поблескивая на солнце почти отполированной поверхностью, они как бы просились сразу в витрину музея.

Но археологические будни—это не каждодневные находки мраморных статуй, золотых сосудов или кладов монет, заботливо спрятанных их владельцами до «лучших времен», а довольно монотонная работа, требующая большого трудолюбия, тщательности и самодисциплины. Есть профессиональные нормы, которые выше желаний, личных склонностей, характера археолога. Изо дня в день они обследуют, казалось бы, похожие друг на друга помещения древних домов, заполненных мусором, битой посудой—короче, всем тем, что оставили нам прошедшие тысячелетия. Ведь и в те времена люди, покидая старые места и переселяясь на новые, брали с собой все ценное и необходимое, оставляя лишь совершенно ненужные в быту вещи. Поэтому редко-редко археологические будни расцветаются удачной находкой закатившейся под циновку золотой бусинки, потерянным медным колечком или амулетом. Словом, приходится тщательно фиксировать все, что попадает в во время раскопок: от разбитого черепка до зольника в мусорной яме, из которых и состоят культурные слои археологических памятников.

Когда после целого дня однообразной и порой утомительной работы у археолога появляется возможность в свободное время побродить по вновь открытому поселению, он чувствует себя первооткрывателем, ступившим на необитаемый остров.

Одним из энтузиастов поисков новых памятников был и Сергей Панарин, художник экспедиции. Просиживая часами над чертежами, планами и рисунками, он пользовался каждой свободной минутой, чтобы навестить Дашлы-3 даже в неблагоприятную погоду. Так было и в тот пасмурный день, когда еще полностью не разгулялся «охир заман», но солнце уже было затянуто темно-серой пеленой пыли и песка. Сергей, как обычно, бродил по поверхности блинообразного поселения в надежде найти какую-либо новую выдающуюся находку, но предыдущие рейды археологов основательно опустошили поверхность холма, и на глаза попадались лишь битые черепки. Но в тот день он нашел больше, чем надеялся. Сергей обратил внимание, что поверхность холма неоднородна по цвету: на светло-сером фоне местами прослеживались более темные пятна, сливающиеся при внимательном рассмотрении в одну широкую полосу, на которой местами намечались очертания стен. Не оставалось сомнений, это была древняя

очень широкая стена, но, главное, она шла не по прямой линии, а изгибалась по кругу! Круглые здания в столь древнее время в Афганистане до сих пор известны не были, что необычайно повышало интерес к Дашлы-3. Возникло два наиболее вероятных предположения: либо это здание имело культовое назначение, либо это был обычный загон для скота, какие до сих пор распространены у местных чабанов. Второе предположение нам сначала казалось более вероятным, уж очень невзрачным выглядело само блинообразное возвышение. Слабо выраженное в рельефе, поднимаясь над такыром всего на полметра, аморфное по конфигурации, оно не шло ни в какое сравнение с расположенным рядом массивным бугром трехметровой высоты — холмом Дашлы-3.

Но как бы то ни было, только раскопки могли внести ясность в этот вопрос, для чего параллельно с работами на Дашлы-1 были предприняты пробные раскопки в пункте Дашлы-3.

Для начала следовало убедиться, действительно ли это круглая стена и как далеко она идет на самом деле. На расчистку были поставлены самые опытные рабочие, тонко чувствующие границу между оплывшими кирпичными стенами и примыкающими к ним мусорными отвалами. Определив на глаз, в каком направлении по поверхности идет эта широкая, загибающаяся лента, они осторожно зачищали ее гребень и намечали боковые грани. С двух сторон навстречу друг другу шли по гребню былой стены рабочие, то теряя, то опять обнаруживая ее следы, нередко действуя по интуиции и общему предполагаемому направлению. С замиранием сердца следили археологи за действиями рабочих, идущих навстречу друг другу, — сомкнется стена или оборвется? Наконец все сомнения остались позади: стена замкнулась в гигантский круг диаметром около сорока метров. Более того, с внутренней стороны параллельно ей шла вторая круглая стена, так что вместе они образовали круглую галерею, перегороженную внутри поперечными стеночками на ряд отсеков. Во внешней стене образованного круга неожиданно расчистились входы, ведущие в прямоугольные башенки, возможно, оборонительного назначения. В целом начала уже намечаться общая планировка этого сооружения, но срок работы экспедиции кончался, и потребовалось еще три полевых сезона, чтобы картина полностью прояснилась.

Внутри этого, бесспорно, монументального по тем масштабам здания располагались обширные прямоугольные помещения с возвышениями-суфами и при-

стенными очагами, приподнятыми на кирпичные платформы. Это и была сакральная часть, святая святых всего сооружения. Лишь жрецы, храмовые служки и, возможно, особо доверенные светские лица имели доступ внутрь, где в большие праздники возжигался огонь на очагах-алтарях, а в обширных помещениях проходили культовые церемонии, возможно связанные с жертвоприношениями животных. Во всяком случае в одном из таких центральных помещений на полу оказались замурованные ямки-лунки, заполненные угольками и сожженными костями баранов. Археологи сразу обратили внимание, что сами ямки не имеют следов огня, из чего справедливо заключили, что лишь после ритуальных обрядов, когда жертвенные животные были сожжены на очагах-алтарях, их кости аккуратно собирались и помещались в специальные ямки-лунки. Как тут не вспомнить бесспорно ритуальные захоронения баранов в Дашлы-1, к чему теперь добавлялись культовые трапезы, когда на алтарях закалывались жертвенные животные.

За внешней стеной круглого здания с башенками, но нигде не соприкасаясь с ней располагались обычные жилые постройки. Подобное сочетание в одном месте культовой архитектуры и жилых и хозяйственных построек хорошо известно на древнем Востоке, где такие сооружения определяются как храмовые хозяйства.

В последующие три археологических сезона помимо круглого храма огня на Дашлы-3 нами был раскопан огромный дворец прямоугольной формы. При его расчистке археологи обнаружили остатки сооружения, назначение которого на первый взгляд показалось неясным. Это был ряд длинных узких отсеков, перекрытых сверху кирпичами и замкнутых по внешнему контуру глухой стенкой. Не один день спорили между собой археологи, пытаясь выяснить истинное назначение вскрытой планировки: предлагались различные, порой фантастические гипотезы, но ни одна из них не подтверждалась полностью археологическими данными. Только для рабочих-землекопов не было ничего удивительного в этом сооружении. «Табахана», — уверенно и единодушно сказали они, имея в виду специальную отопительную систему. Она существовала еще в эпоху бронзы и кое-где устраивается под полами до сих пор. «Табахана» состоит из своего рода «кочегарки» и узких отсеков, по которым из нее горячий воздух проходит по всей площади подпола, обогревая расположенные выше помещения. Но назначение всего монументального сооружения оставалось неясным. Неожиданная находка помогла ответить и на этот вопрос.

Непосредственно над стенками «табаханы» располагался ныне почти не сохранившийся пол. Зачищая его былой уровень, рабочие обнаружили мелкие кусочки обломанных гипсовых плиточек с неровными краями. Как они использовались, мы не могли понять, пока не встретили более крупные обломки. Одна сторона обломка была тщательно заглажена, и на ее поверхности нанесена гравировка, изображающая трилистник, побеги вьющихся растений и, наконец, рога коровы или быка. Более того, неровные края плиточек были не обломаны, а тщательно выпилены по шаблону. Теперь все стало ясно. Мы обнаружили жалкие остатки когда-то великолепной гипсовой мозаики, видимо покрывавшей стены парадных помещений. Общая сложная глухая планировка, монументальные размеры, широкое использование фигурных пилястров указывали на необычное назначение всего сооружения. Не исключено, что это был дворцово-культовый комплекс.

Подобно храму огня, дворец на Дашлы-3 не имеет себе равных среди известных памятников такого рода на древнем Востоке. Естественно предположить, что будущие экспедиционные поиски могут обнаружить сходные сооружения и на смежных территориях соседних стран. Однако пока раскопанные сооружения на Дашлы-3 остаются уникальными образцами монументальной архитектуры эпохи бронзы.

И снова Тилля-тепе

Когда осенью 1969 года в первый день первого полевого сезона мы обследовали Тилля-тепе, казалось, таких памятников будет много, а возможно и еще более крупных. Но прошло почти десять лет, и, несмотря на специальные поиски, ничего, кроме Тилля-тепе и Наибабадского оазиса с его почти полностью разветвленными поселениями, мы не нашли. Стало очевидным уникальное значение Тилля-тепе, требовавшего теперь уже специальных стационарных, возможно многолетних, археологических раскопок. С целью их возобновления после пятилетнего перерыва дождливой осенью 1977 года наша небольшая группа вновь приступила к изучению Тилля-тепе. За прошедшие годы хлопковые поля вплотную подступили к памятнику, и теперь уже кустики с белыми пушистыми коробочками хлопка росли как бы внутри холма, на ровной площадке, вырытой экскаваторами.

Прежде всего следовало выяснить, действительно ли здесь располагалась древняя монументальная архитектура, или же перед нами остатки рядового поселе-

ния. Около месяца длились раскопки холма, документально подтвердившие существование не только высокой кирпичной платформы, но и обводной оборонительной стены с мощными круглыми башнями. Удивила нас и поразительная сохранность стен, высота которых от верха до основания достигала почти девяти метров. Редкий случай в археологической практике, когда многовековые аллювиальные наносы, вынесенные с близлежащих гор на равнину, как бы законсервировали оборонительные стены, сохранив их в первоизданном виде до момента наших раскопок.

Итак, стало ясно, что экскаваторами были разрушены лишь самые верхние, наиболее поздние по времени строения, так что оставалась возможность при больших, крупномасштабных раскопках выявить общий план наиболее древнего ядра монументальных строений. Было заманчиво оконтурить по внешнему краю все сооружение и затем уже, проведя раскопки внутри, выснить общую планировку загадочного комплекса.

Казалось бы, дело оставалось за малым — дожидаться очередного полевого сезона и продолжить исследование этого в высшей степени перспективного памятника. Однако, когда в 1977 году завершались раскопки на Тилля-тепе, Министерство культуры Афганистана выдвинуло перед экспедицией ряд по существу невыполнимых требований. Возникло опасение, что полевые работы не только будут прерваны, но и прекратятся вообще. Никакие наши компромиссные предложения афганской стороной не принимались во внимание, и, казалось, судьба экспедиции, а вместе с ней и надежды на изучение интригующих руин Тилля-тепе уже предрешены. С таким печальным настроением мы покидали Афганистан в конце 1977 года.

Однако Апрельская революция 1978 года и образование Народно-Демократической Республики Афганистан позволили не только продолжить работы советско-афганской экспедиции, но и создать оптимальные условия для ее деятельности.

На пороге мирового открытия

В ту памятную осень 1978 года Кабул встретил нас чудесной солнечной погодой. Привычная дорога от аэропорта до центра города, и вот мы уже сидим в номере гостиницы «Метрополь» и вместе с коллегами из афганского Института археологии обсуждаем вопросы, связанные с подготовкой совместной экспедиции. Решено было возобновить работы на Тилля-тепе.

Вскоре всем составом экспедиции мы выехали в Шибирган.

Попетляв немного по улицам Кабула, дорога вырывается на степной простор, навстречу предгорьям Гиндукуша. Вот наконец и перевал Саланг. После туннеля, слабо освещенного электрическими лампочками, совсем по-другому воспринимается и лазурь прозрачного осеннего неба, и солнечные блики на поверхности речушек, что бегут далеко внизу, по дну узкого ущелья. Мы вступаем в Северный Афганистан. Мимо наших машин по обочине весело спешит в школу босоногая малышня, одетая в пестрые туркменские и узбекские халаты. На смену однотипным, преимущественно белым одеяниям пуштунов приходят ярко-красные, синие, зеленые, полосатые халаты, а мягкий, певучий персоязычный говор сменяется твердым тюркским выговором. Словом, мы в той части Афганистана, которая населена преимущественно узбеками и туркменами. Кстати, они и составляют основную массу наших рабочих-землекопов.

Шибирган — небольшой зеленый городок с губернаторским садом, базаром и площадью. Это район газового месторождения. Отсюда по газопроводу идет газ в Узбекистан, покрывая большую часть кредитов, предоставленных Афганистану Советским Союзом.

Визит к новому губернатору Шибиргана заканчивается несколькими телефонными звонками, и вскоре мы устраиваемся в удобном особняке, который нам временно предоставляет местное начальство. Собственно говоря, это маленькая ведомственная гостиница Министерства горных дел и промышленности Афганистана, предназначенная для приезжих специалистов, но, оценив ее достоинства, мы как-то умудрились оставить ее за собой на весь экспедиционный сезон. Гостиница представляет собой каре из нескольких помещений с уютным внутренним двориком, отграниченным от внешнего мира высокими стенами с маленькой калиткой. В этом замкнутом пространстве уютно разместились все наши жилые и подсобные помещения вплоть до лаборатории.

На следующий день мы отправились на Тилля-тепе. Проехав по асфальту около пяти километров, сворачиваем влево и выезжаем на хлопковое поле, посреди которого, подобно острову, высятся останцы холма. Полуразрушенные строительными работами, задушенные плотную подступившими к ним хлопковыми полями, эти останцы еще многое могли бы рассказать о людях, живших здесь не одну тысячу лет назад. В полукилометре к западу от холма располагаются вели-

чественные руины античного города Емши-тепе, где были начаты наши первые раскопки. Еще дальше, почти на горизонте, виднеется небольшая деревушка, а вокруг, куда ни кинь взгляд,—конической формы невысокие холмы, отмечающие места древних поселений. Итак, работы на Тилля-тепе возобновились. Десятки землекопов приступили к раскопкам храма, найденного еще в прошлый полевой сезон.

Работа предстояла необычная, так как страна в это время переживала бурные события. Нередко на горизонте за песчаными барханами мы видели силуэты вооруженных всадников. Недоброжелатели, настроенные против новой власти, распускали о нас всевозможные слухи, стараясь всячески помешать нормальной работе экспедиции. Но как бы то ни было, мы успешно продолжали начатое дело.

С первых чисел ноября погода начала с каждым днем ухудшаться. С Пянджа потянуло сыростью, низкие тучи принесли морозящие дожди. Промозглый ветер и понизившаяся температура воздуха наводили нас на мысль о досрочном завершении работ. Особенно испортилась погода к 12 ноября. Начавшийся еще ночью холодный, мелкий дождь заставил нас к середине дня прервать раскопки. Воспользовавшись непогодой, мы стали перебирать последние находки. Среди привычных черепков попало несколько заржавевших обломков железных полос с торчащими из них острыми зубьями железных гвоздей. Одна из таких полос оказалась согнутой под прямым углом наподобие скобы, некогда прибитой гвоздями к доскам, но в тот день так никому в голову и не пришло, что это скоба от гроба.

Весь следующий день 13 и отчасти 14 ноября опять шел проливной дождь, и ни о каких раскопках не могло быть и речи. Утром 15 ноября погода немного улучшилась, и, хотя еще было пасмурно и очень сыро, мы возобновили работы на холме. Как только под лопатами рабочих мелькнули первые желтые диски золотых бляшек, раскопки на этом месте были приостановлены, рабочие переведены на другой участок, а археологи принялись осторожно зачищать площадку, на которой были найдены золотые вещи. Уже вскоре под их щетками, кисточками и совками появились плохо сохранившиеся кости, а затем и полуразрушенный человеческий череп. Стало ясно, что здесь в древности находилось захоронение с незаурядными погребальными приношениями.

Параллельно с этим приступили к тщательному пересмотру отвала земли, образовавшегося начиная с

позавчерашнего дня. И труды оказались ненеприятными. В отброшенной куче земли было обнаружено сто шестьдесят четыре золотых бляшки, которые преспокойно пролежали здесь без всякого присмотра с 13 ноября! Но дальше так продолжаться не могло. Сразу же в известность были поставлены местные власти, и вскоре вооруженная охрана заняла пост на Тилля-тепе.

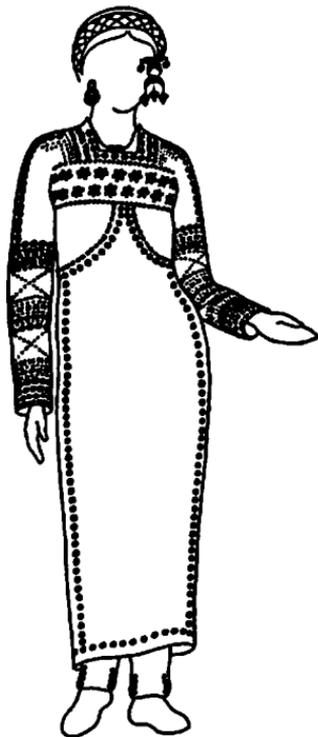
Расчистка первого захоронения некрополя Тилля-тепе еще только началась, а широкая молва уже разносила по окрестностям слухи о находке золотого человека, погребенного в золотом гробу, о пудовых золотых слитках, о кувшинах, доверху наполненных драгоценностями. Так рассказывали «очевидцы» на улицах, базарах и дома в кругу семьи. Пешком и на велосипедах, верхом на ослах и лошадях, в фазтонах и машинах люди толпами устремились к месту раскопок. Началось настоящее столпотворение. Временами около Тилля-тепе собирался целый автопарк из пассажирских автобусов, легковых и грузовых машин, и уже вскоре от асфальтированного шоссе в сторону холма протянулась хорошо накатанная грунтовая дорога. Шел стар и млад, бедный и богатый, в одиночку и «всей деревней», шли школьники и студенты, рабочие и служащие, торговцы и чиновники. А когда сюда устремились любопытные уже не из окрестных деревень, а из таких отдаленных городов, как Андохой и Акча, Мазари-Шариф и Баглан, то это уже стало похоже на «зират» — паломничество к святым местам. Дело дошло до того, что огромные междугородные рейсовые автобусы, курсирующие между Кабулом и Шибирганом, не доезжая до последнего, сворачивали с шоссе в сторону наших раскопок. Но пальму первенства, бесспорно, держали шибирганцы.

Между тем приближалась зима. Холодный дождь начал заливать глубокие могильные ямы. Через щели фанерных «домиков» и палаток, возведенных над каждым захоронением, капала вода. И в этих условиях археологам надо было расчистить и зафиксировать на чертежах каждую золотую бляшку или жемчужину, а их были сотни и даже тысячи. В конце ноября начались снежные вьюги. Озябшие, красные от холода пальцы с трудом держали пинцет для расчистки скелета или карандаш для нанесения находок на план. Но нужно было довести работу до конца. Почти полгода дружный коллектив экспедиции трудился с энергией и энтузиазмом, порой на пределе своих физических сил. Всего было обнаружено семь, а раскопано шесть таких захоронений, в которых было найдено двадцать тысяч золотых изделий. Позднее мировая пресса назвала это

открытие открытием века, но тогда, в ноябре 1978 года, мы об этом не думали. Наша работа шла своим чередом. Мы приступили к исследованию первого из шести раскопанных захоронений.

«Дама с пудреницей»

Мягкие сумерки спускались на Бактрийскую равнину, а во дворце Емши-тепе примерно за две тысячи лет до наших дней шла невидимая постороннему взгляду,

«Дама с пудреницей»

но тем не менее тревожная суэта. Накануне внезапно скончалась молодая княжна, и теперь за толстыми дворцовыми стенами шли погребальные приготовления. Специально предназначенные для этого скорбного дела старухи обряжали покойницу в последний путь. Обмытое тело умершей было одето в длинное, до пят платье, богато расшитое сотнями мелких золотых украшений. Особенно пышно декорирован был лиф платья, расшитый двумя рядами крупных золотых шестилепестковых розеток, расположенных в шахматном порядке. Сверху и снизу эта широкая красочная полоса окаймлялась цепочкой цилиндрических бляшек; плечи были расшиты своеобразными бретельками из трех рядов золотых разнофигурных бляшек, инкрусти-

рованных бирюзой, лазуритом и гранатами. Спереди, под шейей, платье было украшено массивной золотой брошью в виде пятилепестковой розетки, богато отделанной бирюзой и жемчугом. Пышные, заложённые складками рукава были расшиты с необыкновенным богатством — в виде нескольких кольцевых полос из золотых, инкрустированных самоцветами бляшек, заканчивавшихся на манжетах ровной полоской из наших золотых трубочек, цилиндров и «жучков». Поверх

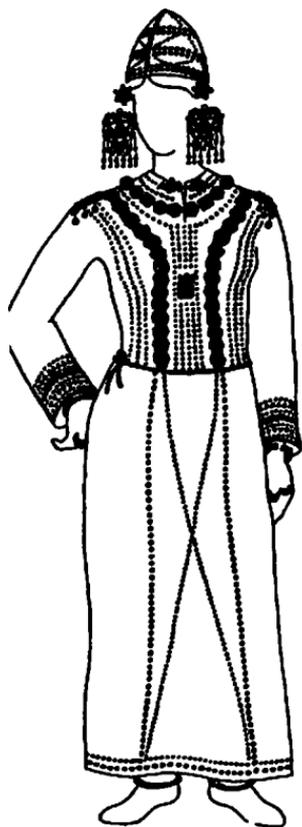
платья на покойную был брошен великолепный плащ, расшитый золотыми нитями с нанизанными на них белоснежными жемчужинами и семью золотыми прямоугольными пластинами с рельефным изображением коленапреклоненного человека, держащего на плечах дельфина и кормовое весло в руках. Спереди плащ закальвался двумя массивными золотыми застежками.

Тихо потрескивали фитили керамических светильников, освещая мерцающим светом гроб и покойницу. Из-под длинного платья высовывались загнутые носки кожаных туфель, расшитых золотыми бляшками. А старухи продолжали обрывать умершую. Осторожно приподняв голову, одна из них надела на шею тонкую золотую цепочку — пектораль, а другая положила в ноги круглую плетеную тростниковую корзиночку с полным косметическим набором: туалетными щипчиками, серебряной коробочкой, комочками румян и белил. Около плеча была помещена круглая коробочка из слоновой кости, заполненная белым порошком, — своеобразная пудреница. Массивная золотая серьга, украшенная мелкой зернью, была вдема в правое ухо (парной под левой не оказалось на месте). И кто знает, не воспользовалась ли сумраком в комнате одна из плакальщиц и не спрятала ли ее в рукав, благо приготовления к погребению уже заканчивались.

И в самом деле, в комнату уже входили мужчины с погребальным покрывалом в руках. Закутав им гроб, они подняли его на плечи и бесшумно двинулись к лестнице, ведущей из дворца за городские стены. Не первый раз они проделывали этот путь в сторону холма, так что шли без света, легко ориентируясь в темноте. К этому времени могильная яма была уже вырыта. Спустив на веревках гроб в яму, они быстро закрыли ее сверху досками и циновками, поверх которых набросали накопанную из ямы землю, обложив ее сверху дерном.

«Государь-драконоборец»

Государь величественно восседал на троне в аудиенц-зале в ожидании приема послов. Голову его венчала высокая, конической формы тиара, сплошь расшитая круглыми золотыми бляшками, с которых на проволочках свободно свисали золотые диски. Даже при легком повороте головы они начинали покачиваться, звеня и искрясь в лучах солнца, пробивавшихся в маленькое окошко. С тиары вниз, закрывая уши, тяжело спускались две однотипные литые подвески, изображающие самого государя в высокой ступенчатой короне на голове.

«Государь-драконоборец»

Портретное изображение на золотой подвеске передает бесстрастное лицо с узкими, рысьими глазами, широкими скулами и твердым волевым подбородком. Волосы из-под короны мягкими пышными прядями падают на плечи, на лбу в полном согласии с обычаем Индии изображена точка — тика. Полную шею государя обручем охватывает гривна и ожерелье, составленное из крупных, украшенных мелкой зернью золотых округлых бусин. Ожерелье имеет конические застежки, завязывающиеся сзади пропущенным через них шнурком. На рубашку с глухим воротом надета типичная кочевническая куртка, туго перетянутая кушаком. Из-под куртки спускается колоколовидная юбка, как это принято у ахеменидских царей, из-под подола которой высовываются загнутые вверх носки мягкой обуви. Руки государя уни-

зны золотыми массивными перстнями с каменными, лавированными рисунками. Особенно эффектно выглядел перстень с выгравированным изображением богини греческой надписью «Афина», переданной в обратном изображении, что указывает на назначение перстня-печатки. Из-под украшенных золотым шитьем манжет пинного кафтана высовывались литые однотипные плотные браслеты со скульптурными фигурками стремительно мчащихся антилоп. Головы их, увенчанные пинными, слегка изогнутыми рогами, с глазами, инкрустированными самоцветами, покоились на далеко выброшенных вперед ногах с бирюзовыми копытцами.

Все одеяние государя было призвано ослепить богатством и пышностью послов. И это действительно ошеломяло впечатление на зрителя же две с лишним тысячи лет спустя!

Загадочная могила

Она располагалась на самом гребне холма Тилля-тепе. Если все остальные могилы были устроены низко на склоне или у самого подножия, то эта оказалась вознесенной на самую верхушку бугра. Именно поэтому ей и не повезло. Верхушку холма, где раньше всего весной подсыхает земля, сразу же облюбовала колония полевых мышей и приспособила эту могилу под свое обиталище. Судя по тому хаотическому состоянию, которое представляло собой захоронение, не одно поколение мышей резвилось среди этих бранных останков. А обгрызенные, но тем не менее все еще пышные золотые погребальные украшения и приношения свидетельствовали о том, что усопшая при жизни занимала одну из самых высоких ступеней иерархической лестницы.

Из разных концов могилы мы извлекли изгрызенные мышами части золотой короны, что некогда венчала голову царственной особы. На шее у нее покоился литой обруч-гривна весом более восьмисот граммов чистого золота. Запястья рук украшали золотые браслеты, весящие свыше трехсот граммов, а на щиколотках ног — браслеты по полкилограмма каждый!

Хотя мыши основательно разрушили скелет, но очень небольшая его часть все-таки уцелела. На грудь покойной было положено тяжелое китайское зеркало, сдвинуть которое оказалось не по силам всем зверушкам вместе. Только благодаря этому и сохранился в полной неприкосновенности маленький участок, находившийся под зеркалом. Подняв его, археологи обнаружили лежащие одна на другой три нагрудные застежки, что, бесспорно, свидетельствовало о трех (по крайней мере) слоях погребальных одежд, некогда надетых на умершую. Наиболее простые застежки имели форму двух миндалин, инкрустированных выпуклыми бирюзовыми вставками. При помощи выступающего крюка и петельки обе половинки накрепко сцеплялись друг с другом.

Следующие фигурные застежки, богато инкрустированные бирюзовыми и лазуритовыми вставками, представляли собой амуров, сидящих на рыбах-дельфинах. Но бесспорно, особый интерес вызывали последние золотые застежки, отлитые в виде воинов в полном греко-римском боевом облачении с копьём в одной и щитом в другой руке. Казалось бы, археологам повезло найти изделие, привезенное сюда, в Бактрию, из Средиземноморского бассейна или изготовленное на месте по западным образцам. Но одна

деталь начисто исключает такое допущение. У ног воинов, скорчившись, сидят фантастические крылатые животные со зло оскаленными мордами — совершенно неизвестные в греко-римском изобразительном искусстве, но зато хорошо представленные в погребальных изделиях кочевых курганов Горного Алтая и Южной Сибири.

Трудно перечислить все золотые изделия, а их обнаружено в могиле около пяти тысяч, и большинство из них составляют простые круглые нашивные бляшки размером около копейки. Но нельзя не упомянуть одну находку — это золотые подметки в натуральную величину, долженствующие лишней раз подчеркнуть царственное происхождение умершей, которой и в погустороннем мире должны были оказывать почести, соответствующие ее высокому рангу. Добавим золотые перстни с чудесными гравированными изображениями то человека, стоящего у зажженного алтаря, то крылатой богини Ники, почему-то тяжело опирающейся на посох; золотые и серебряные парфюмерные ларцы и флаконы, золотой сосуд под головой и многие другие ювелирные изделия. Все это изобилие золотых украшений и приношений можно как-то объяснить. Однако зачем в изголовье был поставлен полный питейный набор: огромный сосуд для вина, меньший для его разливания и, наконец, кубок для питья? Казалось бы, подобные предметы должны были сопровождать мужское захоронение, а не женское. Или, может быть, действительно нравы те античные авторы, которые начиная с «отца истории» Геродота неоднократно отмечали, что у кочевников женщины в обычаях полностью «сходствуют» со своими мужчинами. А в том, что женщины занимали в бактрийском обществе чрезвычайно высокое положение, мы еще сможем убедиться.

«Из дальних странствий возвратясь»

Медленно пыля, кортеж всадников приближался к ородским стенам Емши-тепе. Особенно осторожно вигалась лошадь в середине отряда, на спине ее было строено походное кресло, в котором сидел смертельно раненный военачальник. Он мужественно переносил градания. Еще сравнительно нестарый, почти двухметрового роста гигант, признанный правитель древней Ибигранской области без обычных победных приветствий возвращался в свой родовой дворец в Емши-тепе с неудачного на этот раз Индийского похода. Совершив очередной набег и захватив богатые трофеи, командир был смертельно ранен в последнем сражении, и теперь его везли домой умирать.

«Из дальних странствий
возвратясь»

А ведь еще совсем недавно владетельный правитель в расцвете сил и могущества единолично управлял своим народом. Из близких и далеких стран к нему во дворец в Емштитепе прибывали посольства в надежде заручиться его помощью и поддержкой. Во время званных приемов и официальных встреч владетельный правитель надевал на шею золотую витую цепь — пектораль, в середине которой тускло мерцала камешка с изображением греко-бактрийского царя в македонском шлеме. Эта камешка в качестве боевого трофея досталась его предкам, принимавшим участие в победном завоевании Бактрии. Получив ее в наследство, он приказал вставить камешку в пектораль и теперь всегда надевал ее как символ преемственности своей власти от греко-бактрийских царей.

Данью вековым, дедовским традициям была и короткая куртка кочевников, сплошь украшенная золотым шитьем и сотнями золотых фигурных бляшек. В талии куртка туго подпоясывалась золотым плетеным поясом, украшенным девятью круглыми бляхами, каждая отлита в виде богини Кибелы, сидящей верхом на льве.

Из-под куртки, закрывая носки обуви, спускается пыльная юбка, также богато расшитая золотыми нитями, жемчугом и золотыми бляшками. Непосвященному человеку такая юбка показалась бы неуместной частью мужского одеяния, тем более для кочевника, проводящего большую часть жизни в седле. Однако такие юбки носили цари Ахеменидской державы, некогда включавшей в состав своего государства Бактрию. Представители новой, только что нарождавшейся бактрийской династии, чтобы подчеркнуть преемственность своей власти от былых великих держав, в данном случае

поступились вековыми кочевническими традициями. Но это было парадное одеяние, которое надевалось только в особых случаях, когда государь принимал гостей, сидя на троне, но никогда не вставая с него. Доказательством тому служит тот факт, что золотым шитьем были расшиты лишь обозримые части юбки, а невидимые для зрителя оставались гладкими, без вышивки.

А под парадным одеянием были надеты длинные, типично кочевнические штаны, мягкими складками спускавшиеся до самых щиколоток и заправленные в кожаные полусапожки. Штаны и обувь соединялись сложной ремненной системой, которая замыкалась на круглых золотых пряжках, отлитых в виде колесничих, сидящих в легких повозках под грибовидными балдахинами, укрепленными на длинных бамбуковых палках. В колесницы впряжены не лошади, а львоподобные, крылатые звери, изображенные в геральдической позе—с одной лапой, поднятой вверх. Несмотря на миниатюрность изображений, мастера сумели передать характерные особенности: скуластые, с раскосыми глазами лица и с косичкой, свободно спускающейся с темени на затылок. И кто знает, не изображают ли эти вельможные всадники представителей той кочевой элиты, которая тогда пришла к власти в Бактрии.

Пышные одеяния не только государя, но и воина предполагают и парадное оружие, в полном соответствии с чем и был экипирован правитель, когда он в лучшие свои времена восседал на троне: с обоих боков у него блестело золотое оружие. С правого бока свисал обоюдоострый кинжал с железным лезвием, вправленный в золотые ножны. Вдоль длинной оси ножа в высоком рельефе вытянулись идущие цепочкой львоподобные грифоны, крылатые пантеры, змееподобные драконы, терзающие друг друга. Эта сцена не заканчивается на ножнах, а переходит на золотую рукоять кинжала и завершается на округлом навершии, где изображен медвежонок, сосущий виноградную лозу. С другого бока правителя располагались еще одни золотые ножны, украшенные сценой двух дерущихся фантастических драконов. Оскаленная волчья голова дракона, увенчанная развесистыми оленьими рогами, живо напоминает традиции искусства «сибирского звериного стиля». Обе пары ножен, богато инкрустированные бирюзовыми вставками, бесспорно, являлись предметом особой гордости их владельца.

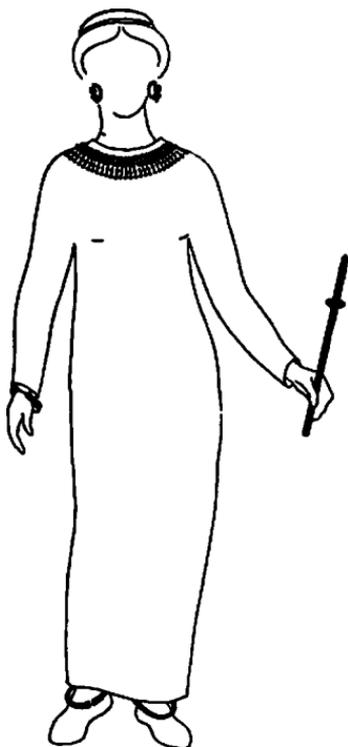
И вот теперь печальный кортеж тихо вступал в город, а во дворце уже начиналась обычная в таких случаях суматоха. Тело умершего от ран воина было облачено в парадные одежды и уложено в деревянный

гроб. Он лежал на спине, с вытянутыми вдоль тела руками. С левой стороны покойника был положен его длинный меч, с правой — золотая индийская монета как символ его последней победы. И вот уже гроб с большими предосторожностями погружен на спину любимого коня, который, мерно позванивая золотой упряжью, понес своего хозяина в его последний путь. Но этот путь был последним и для самого коня. У могильной ямы, вырытой на склоне холма, слуги сняли с лошади не только гроб, но и уздечку. В изголовье гроба поместили складное походное кресло, которое сопровождало его владельца во всех походах. На кресло положили два кожаных колчана и два лука. Любимому коню предстояло разделить судьбу своего хозяина. В полном согласии с погребальными кочевыми обычаями конь был умерщвлен, его голову и кости ног завернули в его же шкуру и поместили над могилой хозяина, засыпав землей и дерном.

Таинственная «Золушка»

В пятом по счету захоронении, обнаруженном нами на холме Тилля-тепе, в простой деревянной колоде (даже не в гробу) покоилась женщина лет двадцати пяти в простых, ничем не расшитых одеждах. Исключение составлял лиф платья, украшенный своеобразным полукруглым ожерельем, составленным из золотых однотипных подвесок с мелкой зернью и вставками из ярко-красных гранатов и нежно-голубой бирюзы. Эти подвески, бесспорно, и составляли главное украшение «Золушки» царственного происхождения.

В ушах у нее были хотя и золотые, с бирюзовыми вставками, но невзрачные клипсы, вместо обычных массивных браслетов надет тонкий золотой ободок, да и то на запястье лишь одной руки. Среди немногочисленных погребальных украшений выделялась крупная, выточенная из молочно-белого халцедона инталья с великолепным тонкогравированным изображением крылатого грифона. Его слегка изогнутое тело с мощной грудью и подобранным животом опиралось на длинные мускулистые ноги с когтистыми лапами. Стремительная, экспрессивная фигура грифона была выполнена в так называемом греко-персидском стиле. Скорее всего ее сделал безвестный греко-бактрийский резчик по камню. В качестве победного трофея инталья, видимо, попала в руки представителей правящей династии пришлых кочевников, а затем была положена в могилу, да и то лишь потому, что еще в древности край ее отломился и она оказалась испорченной.

Таинственная «Золушка»

Кто же была эта таинственная «Золушка»? Серебряная длинная трубочка, положенная вместе с умершей в качестве символа власти, не оставляет сомнений в ее принадлежности к местной правящей династии, и приходится лишь гадать, почему она оказалась погребенной без обычной пышности. Может быть, она была взята в жены из другого, также правящего, но обедневшего к этому времени рода; может быть, молодая принцесса скомпрометировала себя чем-то при жизни, но так или иначе это захоронение оказалось самым «бедным» из всех найденных на Тилля-тепе.

«Скифская царица»

В последнем, шестом захоронении в деревянном гробу на спине, лицом вверх, с руками, сложенными на животе, лежала женщина, не в пример «Золушке» похороненная с необычной пышностью. Ее высокое социальное положение подчеркивала золотая ажурная корона, богато украшенная жемчугом и бирюзой, а также золотой скипетр.

Золототканые погребальные одеяния поражали пышностью и великолепием отделки. Длинное платье было расшито сотнями фигурных, часто инкрустированных самоцветами бляшек и белоснежными шариками жемчуга. Лиф платья украшала великолепная золотая фигурка крылатой богини, напоминающей греческую Афродиту. Красивое лицо богини с задумчивой улыбкой, опущенными вниз глазами полно очарования. Длинные волнистые волосы забраны назад под широкую ленту-начельник. Широкие бедра окутаны мелкими складками ткани, ниспадающей до самого пола, под ней угадываются длинные стройные ноги. Одной рукой богиня облокотилась на колонку, вторая упирается в слегка отставленное бедро; из-за плеч вверх поднимаются изогнутые на концах крылья.

«Скифская царица»

Поверх платья на покойной был надет длинный халат, скреплявшийся нагрудными золотыми застежками с необычным, не встречавшимся ранее изображением. Обе половинки застежек однотипны, на каждой из них в высоком рельефе изображена одна и та же сцена — верхом на громадном фантастическом существе с мордой, напоминающей львиную, восседает обнимающаяся пара. Мужчина обнимает за плечи рядом сидящую женщину, держащую в руках сосуд. Перед этой композицией на земле полулежит пьяный Силен, он уже не держится на ногах, но протягивает ритон к сосуду, как бы предлагая налить ему еще вина. Силен — общеизвестный и неизменный спутник так называемых дионисийских сцен греческой мифологии, сцен, где бог Дионис сочетается браком с Ариадной. Видимо, этот сюжет и изображают нагрудные застежки, причем тот факт, что Дионис одет в

женское платье, не только не противоречит, но и подтверждает это предположение. Именно в женском платье всегда и выступал этот бог виноградарства и буйного, хмельного веселья на эллинистическом Востоке. И кто знает, не была ли владелица застежек при жизни ревностной поклонницей вакхических празднеств.

Еще один уникальный сюжет демонстрируют золотые подвески, спускающиеся с головного убора. Прямоугольные, ажурные, в центре они украшены фигурой почти обнаженной женщины. Одна ее рука держит плод граната, другая покоится на фигуре фантастического зверя с волчьей мордой и рыбьим хвостом. Вверху подвесок изображены две птички, внизу — рыбы головы. Кто же эта женщина на подвесках? Скорее всего

Анахита, местная богиня всей живой природы, всего сущего. Небесную сферу олицетворяют фигурки птичек, растительный мир — плод граната, водную стихию — рыба, а животный мир — фантастические волчьи существа. Есть и еще одна трактовка этой символики, согласно которой на подвесках изображена богиня-победительница и, возможно, не случайно фантастические звери, расположенные по обе стороны от нее, показаны в неестественной позе: головой вниз. Это как бы символизирует их рабскую покорность богине.

Кем бы ни была покойница в реальной жизни, женщина всегда остается женщиной. И, согласно ритуалу, вместе с ней в могилу положено было два зеркала и плетеная корзиночка, полная парфюмерных и косметических принадлежностей. Здесь были и флаконы из цветного стекла, и коробочки из слоновой кости, и ножички, и даже плоские речные галечки для растирания красок, употребляемых в косметических целях.

В ладонь женщины была вложена серебряная, а за щеку — уникальная золотая монета, что полностью согласуется с заупокойными греческими обрядами: это была плата Харону за переезд через реку Стикс в царство мертвых. Мы вряд ли когда-нибудь узнаем абсолютно точно, кем же была эта женщина, но, бесспорно, она занимала верхнюю ступень той прослойки пришельцев-кочевников, что на рубеже нашей эры стали управлять Бактрией.

Кто такие кушаны?

Этот вопрос задавали еще древние авторы, но окончательный ответ на него не получен до сих пор. Совершенно очевидно, что гибель Греко-Бактрийского царства связана с военным вторжением кочевников, хлынувших с севера, из степных просторов Сырдарьи, в плодородные оазисы юга Средней Азии вплоть до верховьев Амударьи. Для нас особенно важно, что греческий историк Страбон специально подчеркивал, что он перечисляет не все, а лишь наиболее известные племена кочевников, а это предполагает огромный племенной союз. Древние китайские хроники сообщают, что, завоевав Бактрию, кочевые племена разделились на пять княжеств. И далее следует: «По прошествии с небольшим ста лет гуйшуанский князь Киоцзюкю покорил прочих четырех князей и объявил себя государем под названием гуйшуанского».

В этой фразе больше неизвестного, чем известного. В самом деле, от какого события прошло сто лет, как возвысилось одно княжество и подчинило себе осталь-

ные четыре? Более того, что обозначает слово «гуйшуанский»? Это название новой династии или этническое наименование кочевого народа? Все эти вопросы остаются темой горячих дискуссий ученых всего мира вот уже почти двести лет. «Гуйшуанский» в общепринятой транскрипции читается как «кушанский», так что очевидно, что кушанский правитель по имени Киоцзюкю покорил остальных четырех правителей, заложив тем самым основы будущего Кушанского государства. Мы даже знаем, что этот первый правитель по-гречески назывался Кадфиз, о чем красноречиво свидетельствуют монеты с его именем, чеканенные в его правление. И кто знает, не располагалась ли резиденция этого правителя и его предков в родовом дворце на Емшитепе и в таком случае не являлся ли Шибирганский оазис тем ядром, вокруг которого и началось создание Кушанской империи. Если история Греко-Бактрийского царства, так же как и Кушанского, нам известна достаточно хорошо, то белым пятном для современных историков остается промежуточное между ними время. В самом деле, когда Греко-Бактрийское царство уже не существовало, а Кушанское еще не возникло, оставался почти столетний период, совершенно неизвестный в мировой кушанистике. Вот этот-то пробел потоком новейшей и разнообразной информации и заполняют материалы некрополя Тилля-тепе, принесшие ему мировую славу.

Но за блеском золота скрывались более важные историко-культурные открытия, на первый взгляд не столь эффектные, но, безусловно, более интересные для мировой кушанистики. Погребальные приношения, некогда украшавшие их владельцев, обнаруживают удивительный сплав, смешение разных культурных стилей и традиций. Помимо явно привозных вещей — из Греции, Рима, Индии и Китая — ювелирные изделия некрополя Тилля-тепе впервые продемонстрировали специалистам, как далеко проникали культурные традиции, пришедшие в Южной Сибири, Монголии, на Алтае. Сцены терзания фантастическими хищниками и драконами мирных парнокопытных наиболее характерны для так называемого сибирского звериного стиля. И вот неожиданно ювелирные вещи, выдержанные именно в таких художественных традициях, оказались изготовленными местными бактрийскими мастерами. Более того, можно считать доказанным, что здесь, на левобережье Амударьи, располагался свой, бактрийский центр изготовления, откуда ювелирные изделия затем широко расходились по всему тогдашнему миру, и в особенности к кочевникам. На этих ювелирных изделиях при-

чудливо сочетаются изображения, отражающие как привнесенные далекие сибирские традиции, так и глубоко местные, бактрийские, восходящие еще к эпохе бронзы. Мало того, здесь этот сплав разных культурных традиций приобретает новую окраску, навеянную также греко-бактрийским искусством. Вспомним чудесный золотой пояс воина, украшенный бляхами с повторяющимися изображениями богини Кибелы, сидящей на льве. Кибела — чисто восточная богиня малоазийского происхождения, но в полном согласии с традициями греко-бактрийского искусства мастер изобразил ее в типично греческих, а не в восточных одеждах.

Можно бесконечно продолжать список подобных примеров, но ограничимся лишь одним. В одном из погребений рубаху умершего украшала фигурка крылатой богини, внешний облик которой имел монголоидные черты. Вместе с тем не оставляет сомнений, что, изображая амура у ее плеча, мастер пытался воплотить в ее образе греческую богиню любви Афродиту, причем в позе, типичной для скульптур прославленной школы Праксителя (IV век до н. э.). Но нигде в греко-римском искусстве Афродита не изображалась крылатой, а на бактрийском экземпляре она имеет широкие, поднимающиеся из-за плеч крылья. Что это — бездумная фантазия мастера или за этим фактом стоят вполне реальные, но пока еще неясные традиции?

Для возможного объяснения этого феномена обратимся к пантеону божеств, который был распространен в Бактрии в эпоху бронзы, то есть почти за полторы тысячи лет до создания некрополя Тилля-тепе. Напомним, что едва ли не самым популярным божеством у бактрийцев того времени было женское крылатое божество, изображение которого неоднократно повторялось на различных изделиях, и в первую очередь на печатях эпохи бронзы. Есть основания предполагать, что именно это крылатое женское божество, пережив полторы тысячи лет, явилось прообразом тех новых, синкретических божеств, которые изображали на своих изделиях бактрийские мастера античного времени. И когда при раскопках кушанского города Таксила (в Пакистане) английские археологи нашли две аналогичные золотые фигурки, они правильно определили их как изображение Афродиты, отметив неясные детали над плечами, возможно развевающиеся шарфы. Тогда такое объяснение было единственно логичным, теперь же можно утверждать, что это были изображения крыльев, так что статуэтки скорее всего были изготовлены на месте, но по бактрийским канонам. Однако местные ювелиры, копируя бактрийские прототипы, не всегда

ясно представляли себе, что это были именно крылья, и поэтому они изображали их как легкие складки шарфов. Словом, уникальное собрание ювелирных изделий некрополя Тилля-тепе поставило перед исследователями новые проблемы.

Мы покидали Тилля-тепе с твердой уверенностью вернуться осенью и закончить раскопки. Но уже в марте, почти сразу же после нашего отъезда, в результате обильных весенних ливней произошел обвал стены одного из раскопанных помещений, обнаживший большой серебряный сосуд почти того же типа, что были найдены нами в раскопанных захоронениях. Об этом немедленно были поставлены в известность должностные лица Института археологии в Кабуле, которые командировали на место своего сотрудника. Он предложил засыпать это место до возобновления археологических раскопок. Однако это не было сделано.

А уже весной того же года на антикварном рынке Кабула появились золотые украшения, совершенно аналогичные украшениям из могил Тилля-тепе. Часть этих мелких золотых изделий была приобретена Национальным музеем Афганистана, но большая и лучшая часть, видимо, попала в руки частных коллекционеров. Сколько бы ни сожалеть о случившемся, остается надеяться, что будущие раскопки некрополя Тилля-тепе еще обрадуют мир новыми шедеврами ювелирного искусства древнего Афганистана.

...И как многие десятки и сотни тысяч лет назад, солнце медленно встает над Бактрийской равниной. Сначала осветились заснеженные зубцы северных предгорий Гиндукуша, где обитал человек уже в древнекаменном веке. Яркие солнечные лучи проникают все глубже в мрачные горные ущелья, густо заросшие низкими кустарниками и еще окутанные предраассветной мглой. Вот высветились широкие межгорные долины, орошаемые водами подземных источников и тающих снегов. Темными пятнами на скальных плоскостях выделились глубокие пещеры и гроты. Вот за каменной глыбой показалась уютная ниша, где человек каменного века разводил огонь, поджаривая на нем мясо диких животных. Там, за причудливым поворотом пещеры, время сохранило кремневые чешуйки — отходы от былых изделий каменных орудий, когда человек, скалыня с грубого кремневого желвака тонкие пластины, получал в конце концов необходимое ему рубило.

Все выше поднимается солнце. Все больше нагревается горный воздух, и вот уже в небе появились парящие орлы. Зорко высматривают они свою добычу, риннодушно проплывая мимо тихих пещер и гротов,

десятки которых затерялись в недоступных сейчас горных ущельях. Засыпанные полуобвалившимися сводами и заросшие густым кустарником, они еще ждут своих первооткрывателей. Придет время, и лопата археологов вонзится в каменистое ложе этих пещер, ответив на все еще загадочный вопрос: откуда появились в Гиндукуше люди древнекаменного века?

Солнце все выше поднимается к зениту, освещая теперь малые и большие холмы, разбросанные по Бактрийской равнине, где в эпоху бронзы пришельцы с запада основали десятки первых в этом регионе земледельческих поселений. Вот сквозь расходящуюся пыльную дымку осветились стены храма и дворца, раскопанные археологами. Их величественные руины четкими линиями обозначились на сером фоне выжженной равнины. В тени, у основания стен, от летней жары спасаются ящерицы, вараны, змеи. Сюда же прячется все живое, когда с Амударьи начинает задуть сильный ветер. Вот закурились гребни высоких песчаных барханов, свистящий ветер погнал впереди себя песчаную поземку, задвигались барханы, меняя свое местоположение и очертания. А ветер продолжает свою вечную работу, перенося с места на место тысячи тонн мелкого барханного песка.

Все больше рассеивается мгла веков, окутывающая историю древней Бактрии. Эта легендарная страна постепенно раскрывает свои тайны, щедро одаряя мир все новыми находками. Многие уже стало известно благодаря стараниям и энтузиазму советских и афганских археологов, но еще очень многое предстоит узнать.

Оглавление

Предисловие — 3

От автора — 15

Глава I

Кабул древний и современный

Архитектурный силуэт Кабула — 18

Школа на обочине дороги — 21

У могилы Бабура — 25

Афганистан — «запретная страна для европейцев» — 29

Глава II

Неизведанный Гиндукуш

Древние люди в сердце Гиндукуша — 32

Каракамар — убежище первых людей Афганистана — 34

Охотники становятся рыбаками — 37

Кафиристан — «Страна неверных» — 40

Глава III

**По караванным тропам
и современным дорогам Бактрии**

От Кабула до Беграма — 54

Сокровище Беграма — 56

Перевал Саланг — 60

Ущелье Александра Македонского — ворота в Бактрию — 65

Крытый базар Ташкургана — 67

От Ташкургана до Мазари-Шарифа — 68

Ковровая империя — 69

Жертвы собственной доброты — 74

Собачьи бои — 75

Неожиданная встреча — 77

Золотой клад Фуллола — 79

Шортугай — индийский форпост в Бадахшане — 81

Великий лазуритовый путь на древнем Востоке — 86

Глава IV

У развалин древнего Балха

Балх — «мать всех городов» — 89

Древние сокровища и современные грабители — 91

В поисках страны Маргуш — 97

Глава V

Бактрийское золото

От Алтая до Арала — 112

Угроза Евтидема — 113

На штурм Айханум — 117

Загадки Тилля-тепе — 125

География научного поиска — 129

Археологические будни — 133

И снова Тилля-тепе — 139

На пороге мирового открытия — 140

«Дама с пудреницей» — 144

«Государь-драконоборец» — 145

Загадочная могила — 147

«Из дальних странствий возвращаясь» — 148

Таинственная «Золушка» — 151

«Скифская царица» — 152

Кто такие кушаны? — 154

Сармаиди В. И.
С20 **Бактрия сквозь мглу веков.—М.: Мысль,**
1984.—159 с., рис., карт., 16 л. ил.
85 к.

В книге в живой и увлекательной форме повествуется о совместной работе советско-афганской археологической экспедиции в Северном Афганистане где некогда располагалась загадочная страна Бактрия. Советским и афганским археологам удалось открыть ранее совершенно неизвестную широкую долину на левобережье Амударьи, а также царские некрополи античного времени на холме Талли тепе.

Книга написана по личным впечатлениям автора, в течение десяти лет принимавшего участие в полевых работах экспедиции. Описание прошлого тесно переплетается с картинками сегодняшней жизни Афганистана.

Для широкого круга читателей

С 1905020000-070
004(01)-84 **176-84**

ББК 63.4(3)
902.6

Виктор Иванович Сармаиди

Бактрия
сквозь мглу веков

Заведующий редакцией **В. А. Калосов**
Редактор **А. Е. Попова**
Младшие редакторы **Н. А. Лерман, Е. А. Варшавская**
Редактор карты **Е. А. Шемкина**
Оформление художника **С. С. Верянского**
Художественный редактор **Е. М. Омелянцовская**
Технический редактор **Л. И. Гринина**
Корректор **Т. М. Шемкина**

ИБ № 2354

Сдано в набор 08.07.83. Подписано в печать 23.03.84. А 04355. Формат 84×108/32.
Бумага типогр. № 2. Гарнитура таймс. Печать высокая. Усл. печатных листов
10,08. Учетно-издательских листов 11,09. 16,0 усл. кр.-отт. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 2137. Цена 85 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая
Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной
торговли. Москва, М-54, Валуевая, 28.

Кабул древний и современный

Неизведанный Гиндукуш

По караванным тропам и
современным дорогам Бактрии

У развалин древнего Балха

Бактрийское золото

